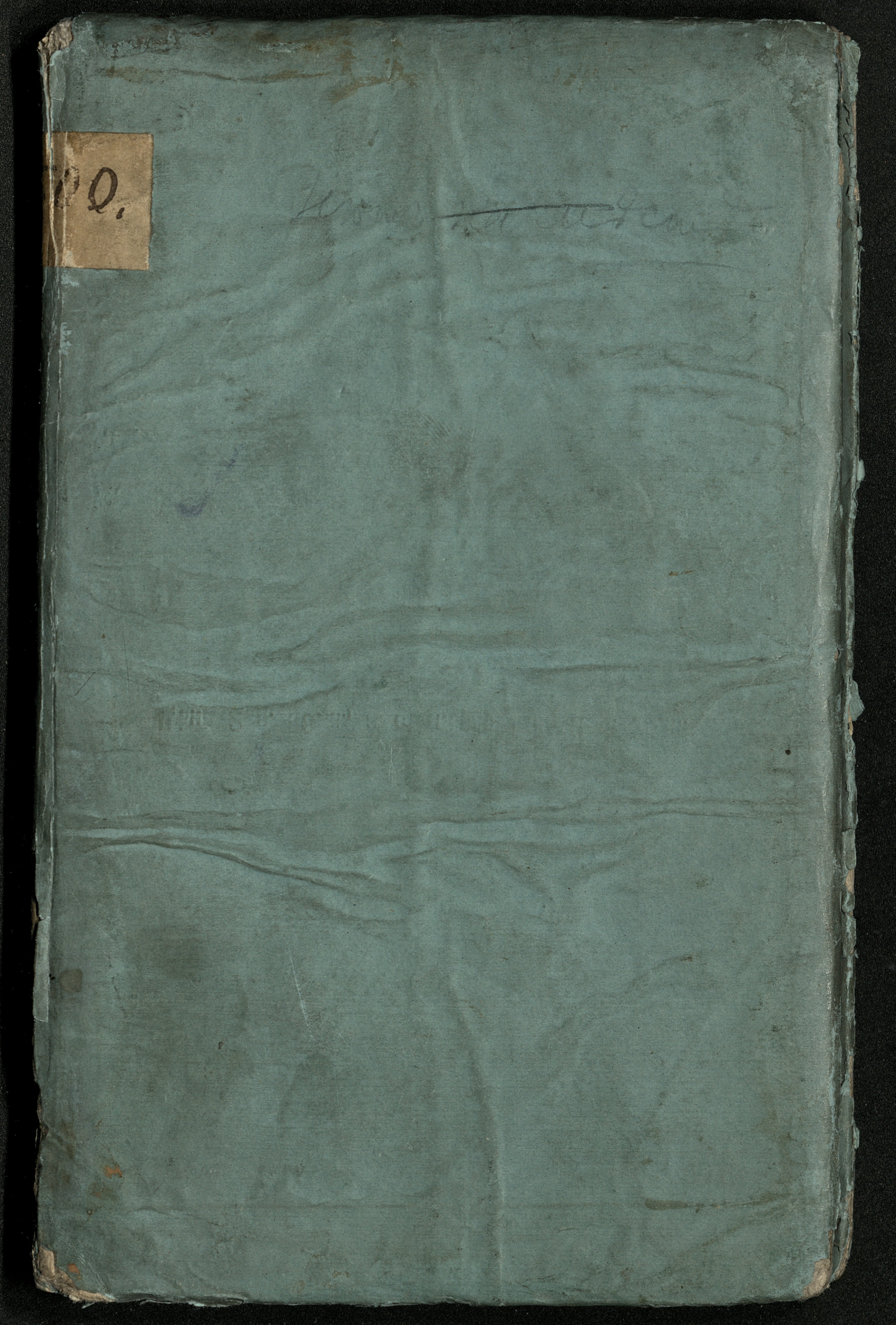
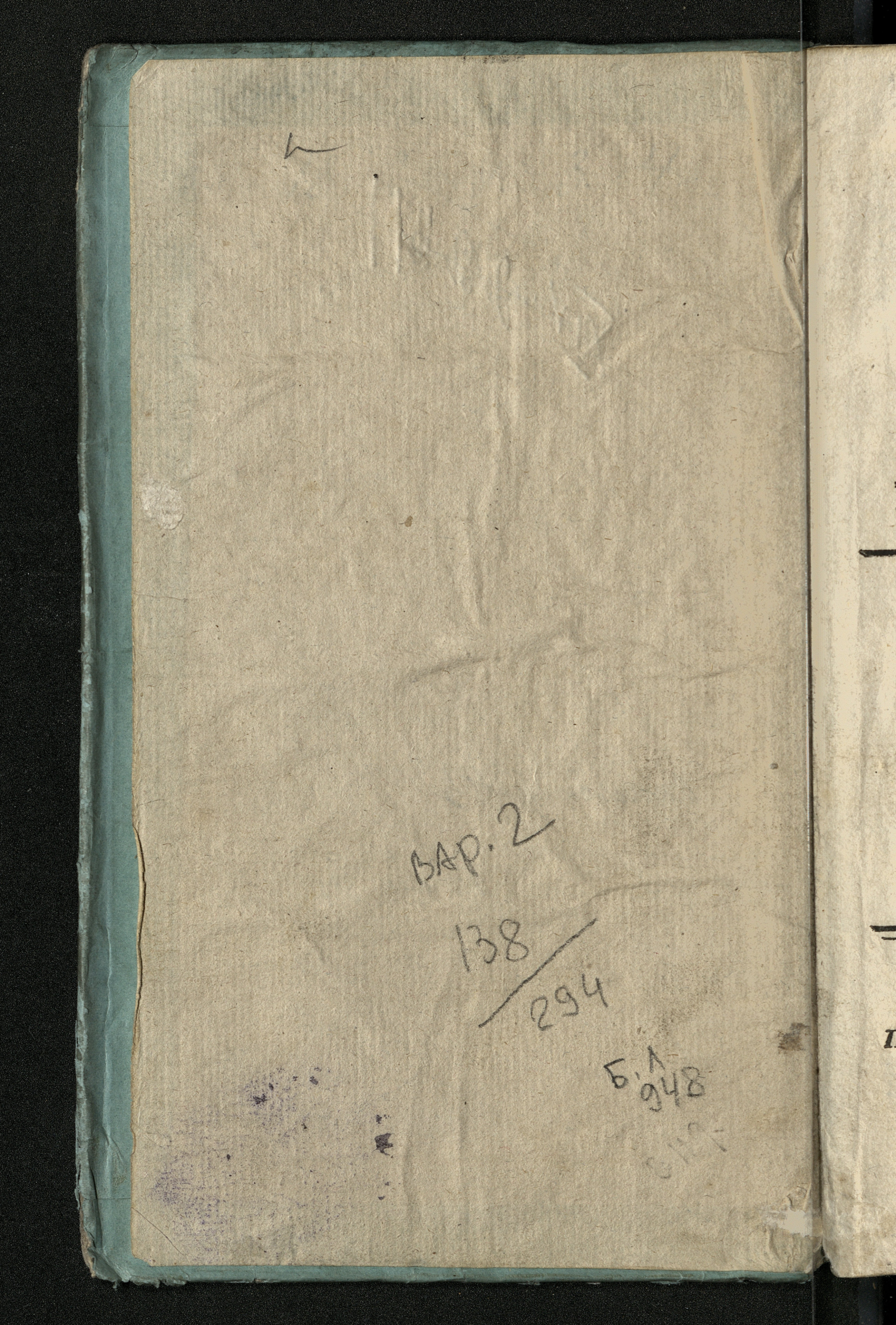

ВАР. 2
138/294
Б. Л.
948

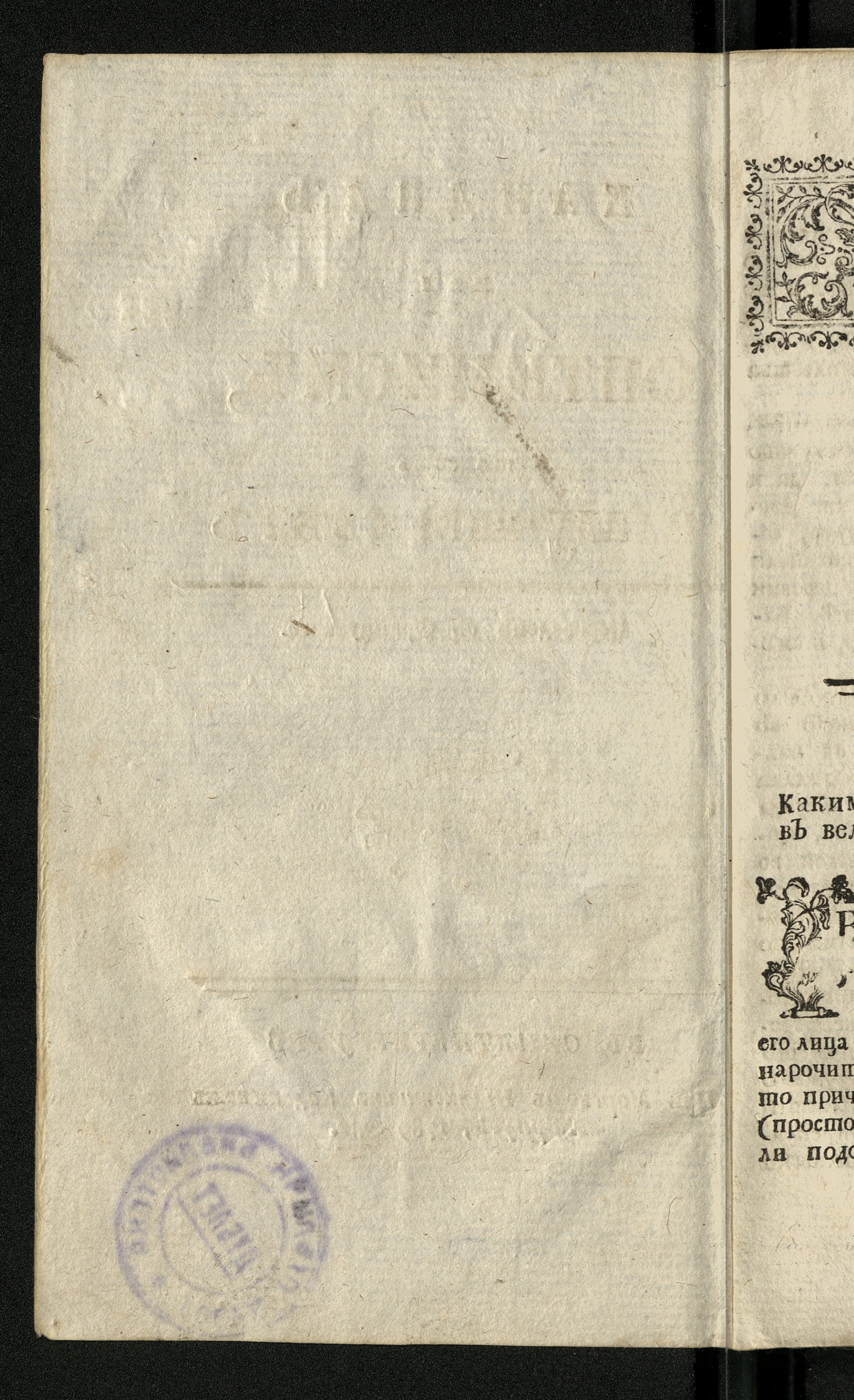
КАНДИДЪ
или
ОПТИМИСМЪ,
то есть
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ

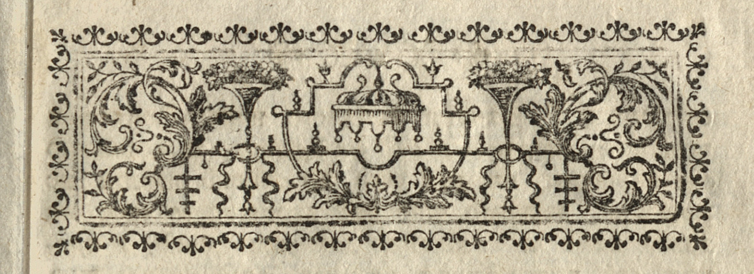
Переведенъ съ Французкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Морскомъ Шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ, 1789 года.

КАНДИДЪ
ИЛИ
ОПТИМИСМЪ,
то есть
НАИЛУЧШІЙ СВѢТЪ.

ГЛАВА ПЕРЬВАЯ.

Какимъ образомъ воспитали Кандида въ великолѣпномъ за́мкѣ, и какъ его оттуда выгнали.

Въ Вестфаліи, въ за́мкѣ господина Барона фонъ Тгун-дер-тен-тронкга, жилъ молодый юноша, одаренный отъ природы наикротчайшими нравами. Черты его лица изъявляли его душу. Онъ имѣлъ разсудокъ нарочито здравый и открытое сердце; по сей то причинѣ, думаю я, и назвали его *Кандидомъ* (простосердомъ). Старинные въ домѣ служители подозрѣвали, что будто онъ былъ сынъ

сестрицы Г. Барона и одного непослѣдняго и честнаго дворянина изъ сосѣдства, за котораго сія барышня ни для чего въ свѣтѣ выйти не хотѣла, затѣмъ что онъ дворянство свое не далѣе какъ за 71 колѣно доказать могъ, а прочая его поколѣнная роспись отъ насильства времени погибла.

Г. Баронъ былъ одинъ изъ самыхъ знатнѣйшихъ Вестфальскихъ помѣщиковъ; по тому что въ замкѣ его были и ворота и окошки, да и большая его зала была украшена обоями. Дворовые его собаки, по зборѣ въ одну кучу, составляли по нуждѣ стаю; конюхи у него были ко времени охотниками; а попъ тоя деревни былъ великимъ попечителемъ о его душѣ. Барона всѣ звали милостивымъ государемъ, и смѣялись когда онъ точилъ балы.

Госпожа Баронесса, въ которой вѣсу было около 350 фунтовъ, была по сей причинѣ въ весьма великомъ почтеніи; а особливо ея надмѣнность въ домашнихъ упражненіяхъ дѣлала ее еще почтительнѣйшею. Дочь ихъ Кунигунда отъ роду имѣла 17 лѣтъ, и была румяна, здорова, полна и миловидна. Сынъ баронской во всемъ походилъ на батюшку. Учитель Панглосъ почитался въ домѣ за Оракула, а молодой Кандидъ слушалъ ученіе его со всевозможнымъ по лѣтамъ своимъ и свойствамъ простодушіемъ.

Панглосъ обучалъ Метафизико-Теолого-Космоло-Нигологіи. Онъ великой былъ мастеръ доказывать, что никакое дѣйствіе не можетъ быть безъ причины, и что въ семъ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, замокъ милостиваго государя Барона есть изъ всѣхъ наипрекраснѣйшій, а супруга его изъ всѣхъ возможныхъ Баронессъ наилучшая.

Что сему инако быть не можно, то уже доказано, говорилъ онъ: ибо когда все въ свѣтѣ сотворено съ намѣренїемъ, то ужѐ неотмѣнно сотворено все съ наилучшимъ намѣренїемъ. Примѣчайте, что носы зделаны для того, чтобъ носить очки; отъ того у насъ и есть очки. Ноги очевидно даны намъ для обуви; и такъ есть у насъ и обувь. Камни ростутъ затѣмъ, чтобъ ихъ отесывали и строили изъ нихъ зáмки; отъ того-то милостивой государь Баронъ и имѣетъ весьма прекрасный зáмокъ, затѣмъ что, наивеличайшему въ провинцїи нашей Барону надобно наилучшїй имѣть и домъ: а свиньи сотворены, чтобъ мы ихъ ѣли; такъ мы во весь годъ свинину и ѣдимъ. Слѣдовательно тѣ, которые утверждали, что все въ свѣтѣ хорошо, соврали: а надобно бы имъ было сказать, что все зделано наилучшимъ образомъ.

Кандидъ слушалъ ученїя сїи со вниманїемъ, и вѣрилъ всему отъ всего сердца; потому что дѣвица Кунигунда казалась ему весьма прекрасною, хотя онъ и никогда не принималъ еще смѣлости ей о томъ сказать. Онъ заключалъ, что первое на свѣтѣ щастїе состоитъ въ томъ, чтобъ родиться Барономъ Тгун-дер-тен-тронкгомъ; вторый онаго степень, быть дѣвицею Кунигундою; третїй, видѣть ее всякой день; а четвертый учиться у господина Панглоса, наипремудрѣйшаго Философа во всей провинцїи, слѣдовательно ужѐ и во всемъ свѣтѣ.

Кунигунда прогуливаючись нѣкогда около зáмка въ маленькомъ лѣску, который назывался звѣринцомъ, увидѣла, что докторъ Панглосъ, забравшись въ кустарникъ, преподаетъ урокъ изъ экспериментальной Физики горнишной ея матушке

шки дѣвкѣ смугловатой, весьма не дурной и очень понятной чернобровкѣ. А какъ дѣвица Кунигунда къ наукамъ имѣла великую склонность, то примѣчала повторяемые передъ нею не однократно эксперименты, не смѣя и дохнуть. Она видѣла своими глазами достаточное основанie доктора, дѣйствiя и причины, и пошла домой въ великомъ смущенiи, задумчивости, и съ безмѣрнымъ желанiемь быть ученою, и разсуждала въ себѣ, что и она можетъ столько же быть достаточнымъ основанiемъ молодому Кандиду, а Кандидъ достаточнымъ основанiемъ ей.

Идучи назадъ въ замокъ встрѣтилась она съ Кандидомъ, и покраснѣла; Кандидъ также покраснѣлъ: она поздоровалась съ нимъ голосомъ дрожащимъ и прерывающимся; а Кандидъ отвѣчалъ ей, не вѣдая и самъ, что говорилъ. На другой день послѣ обѣда, какъ встали изъ за стола, Кунигунда съ Кандидомъ зашли за ширмы: Кунигунда уронила платокъ, Кандидъ его поднялъ: она взяла его невиннымъ образомъ за руку; а сей юноша цѣловалъ невиннымъ образомъ дѣвушкину руку съ отмѣнною горячностiю, чувствительностiю и прiятностiю: уста ихъ склеились, глаза разгорѣлись, колѣни тряслись, руки заблудились. Между тѣмъ господинъ Баронъ фонъ Тгун-дер-тен-тронкъ идучи подлѣ ширмъ увидѣлъ причину сiю и дѣйствiе, и выгналъ Кандида изъ замка пинками. Кунигунда упала въ обморокъ; а какъ опамятовалась, то госпожа Баронесса выбила ее по щекамъ. И такъ все было въ замѣшательствѣ въ наипрекраснѣйшемъ и наипрiятнѣйшемъ изъ всѣхъ возможныхъ замкѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что здѣлалось съ Кандидомъ у Булгаровъ.

Кандидъ, изгнанный изъ земнаго рая, шелъ долгое время не знаючи и самъ куда, плакалъ, возводилъ глаза на небо, и оглядывался безпрестанно на наивеликолѣпнѣйшій изъ всѣхъ замокъ, въ которомъ жила наипрекраснѣйшая изъ всѣхъ молодыхъ Баронессъ, легъ не ужинавши на полѣ между двумя бороздами, а снѣгъ шолъ прежасный. Кандидъ переколѣвши потащился на другой день къ ближайшему городу, который назывался Валдберкгофъ-трарбкъ-дикдорфъ, не имѣя ни полушки денегъ, умираючи съ голоду и отъ усталости, остановился припечалившись передъ трактиромъ. Увидѣли его два человѣка въ синихъ кафтанахъ: братъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, дѣтина етотъ видъ имѣетъ очень хорошій и ростъ изрядный. Они подошли къ Кандиду, и стали его весьма учтиво просить съ ними отобѣдать. Государи мои, говорилъ Кандидъ съ удивительною кротостію, вы дѣлаете мнѣ очень много чести; но мнѣ нечѣмъ за себя заплатить. А! государь мой, сказалъ одинъ изъ синьчаковъ, люди вашего вида и достоинствъ никогда ничего не платятъ: будетъ въ васъ пять футовъ и пять дюймовъ росту? Ровно такъ, государи мои, отвѣчалъ онъ поклонившись. Просимъ милости, сударь, садитесь за столъ; мы не только заплатимъ за васъ, но и никогда не допустимъ, чтобъ у такова человѣка, какъ вы, не доставало денегъ: люди сотворены единственно для вспоможенія другъ другу. Вы справедливо говорите, ска-

залЪ КандидЪ, это говаривалЪ мнѣ всегда господинЪ ПанглосЪ, и я увѣренЪ, что все здѣлано кЪ наилучшему концу. Просятъ его принять нѣсколько талеровЪ: онЪ ихЪ беретЪ, и хочетЪ дать росписку: росписки взять не хотятЪ, и садятся за столЪ. Не любите ли вы страстно....? КакЪ не любить! отвѣчалЪ КандидЪ, я люблю страстно дѣвицу Кунигунду. НѣтЪ, сказалЪ одинЪ изЪ сихЪ господЪ, мы спрашиваемЪ васЪ, любите ли вы страстно Короля Булгарскаго? Ни мало, говоритЪ онЪ; я его отЪ роду и не видалЪ. КакЪ! онЪ самый лучшій изЪ всѣхЪ Королей: выпьемЪ за его здоровье. О! отЪ всего сердца, государи мои; и выпилЪ. Довольно, говорятЪ ему, теперь ты подпора, защитникЪ и герой Булгарской; щастіе твое здѣлано, и слава твоя сЪ тобою Тотчасъ сковали ему ноги, и повели вЪ полкЪ. ВелятЪ ему вертеться на право, на лѣво, вынимать шомполЪ, вкладывать шомполЪ, прикладываться, палить, удвоивать шаги, и отвѣсили ему тридцать ударовЪ палкою. На завтрѣ дѣлаетЪ онЪ экзерциціи нѣсколько полутче, и дали ему только ужé двадцать ударовЪ; на третій день досталось ему только десять, и товарищи почитаютЪ его ужè за чудо.

КандидЪ вЪ крайнемЪ изумленіи не понималЪ еще хорошенько, какимЪ образомЪ онЪ здѣлался героемЪ. ОднимЪ прекраснымЪ вешнимЪ днемЪ вздумалось ему пойти погулять: онЪ шелЪ куда его глаза несли, и думалЪ, что и людямЪ позволено такЪ какЪ звѣрямЪ, употреблять ноги свои по собственному произволенію. Не успѣлЪ онЪ еще перейти двухЪ миль, какЪ вдругЪ нагнали его шесть другихЪ героевЪ о шести ногахЪ: связали его, и отвели вЪ тюрму: спрашивали у

него приказнымЪ порядкомЪ, чего ему лучше хочется, пробѣжать ли 36 разЪ сквозь весь полкЪ, или вдругЪ получить 12 пуль вЪ лобЪ? Сколько онЪ ни увѣрялЪ, что волю у человѣка никто отнять не можетЪ, и что онЪ ни того, ни другаго не хочетЪ; однако надобно было одно что нибудь выбрать. ОнЪ пользуясь божескимЪ даромЪ, который называютЪ вольностію, согласился пробѣжать 36 разЪ сквозь строй; двѣ прогулки онЪ вытерпѣлЪ. ПолкЪ состоялЪ изЪ двухЪ тысячь человѣкЪ: и такЪ досталось ему четыре тысячи ударовЪ, которые отЪ самаго затылка до пояса обнажили ему и мягкія мѣста и жилы; а какЪ дѣло дошло до третьей погонки, то КандидЪ выбившись изЪ силы, сталЪ просить, чтобЪ изЪ милости благоволили размозжить ему голову. Склонились на его прозьбу, завязали ему глаза, и поставили на колѣни. ВЪ ту самую минуту ѣхалЪ мимо Булгарской Король, и спросилЪ, какое онЪ зделалЪ преступленіе. Король сей былЪ весьма великаго духа: онЪ изЪ отвѣтовЪ КандидовыхЪ тотчасЪ примѣтилЪ, что онЪ былЪ молодой МетафизикЪ, и вЪ свѣтскихЪ дѣлахЪ совсѣмЪ незнающЪ, простилЪ его сЪ такою милостію, коя во всѣхЪ запискахЪ и во всѣ вѣки будетЪ прославляема. Искусный лѣкарь вылѣчилЪ Кандида вЪ три недѣли умягчительными лѣкарствами по правиламЪ Діоскорида: кожа у него подростать ужѐ стала, и онЪ могЪ ходить какЪ Король Булгарской далЪ баталію сЪ КоролемЪ АбарскимЪ.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Какимъ образомъ ушелъ Кандидъ отъ Булгаровъ, и что съ нимъ здѣлалось.

Ни что не было столь прекрасно, столь порядочно и столь блистательно разположено, какъ обѣ арміи. Трубы, флейты, гобои, барабаны, пушки составляли такое согласіе, какого никогда и въ адѣ не бывало. Пушки повалили сначала съ каждой стороны человѣкъ тысячь по шести; потомъ ружья очистили наилучшій изъ всѣхъ свѣтовъ отъ девяти или десяти тысячь мошенниковъ, которые заражали его поверьхность. Штыкъ также былъ достаточнымъ основаніемъ смерти нѣсколька тысячь человѣкъ. Всего на все легло тутъ можетъ быть до 30 тысячь душъ. Кандидъ дрожалъ по философски, и прятался во время сего геройскаго побоища сколько было можно лучше.

Напослѣдокъ, между тѣмъ какъ оба Короля, и каждой въ своемъ лагерѣ велѣли пѣть *Тебе Бога хвалимъ*, принялъ онъ намѣреніе итти разсуждать о дѣйствіяхъ и причинахъ въ другомъ мѣстѣ. Перебравшись чрезъ костры мертвыхъ и умирающихъ, дошелъ онъ до ближней деревни: она была превращена въ пепелъ, и принадлежала Абарцамъ, которую Булгары выжгли по законамъ общенароднаго права. Въ одномъ мѣстѣ старики изколотые повсюду были свидѣтелями смерти закланныхъ своихъ женъ, державшихъ при окровавленныхъ грудяхъ дѣтей своихъ; въ другой сторонѣ дѣвушки, коимъ, по удовольствованіи естественныхъ надобностей

нѣкотораго числа героевъ, выпущены были кишки, испускали послѣдния издыханія; другіе сожженные до половины, кричали и просили, чтобъ ихъ предали поскорѣе смерти. Мозги разбросаны были по землѣ подлѣ отрубленныхъ рукъ и ногъ.

Кандидъ побѣжалъ оттуда, какъ скоро было можно, въ другую деревню: она принадлежала Булгарамъ, и Абарскіе герои поступили съ нею тѣмъ же самымъ порядкомъ. Кандидъ идучи безпрестанно или по трепещущимъ еще членамъ, или по разореннымъ мѣстамъ, выбрался наконецъ изъ военнаго театра, неся въ котомкѣ своей нѣсколько съѣстнаго припаса, и не выпуская никогда изъ памяти дѣвицу Кунигунду. Припасъ его изошелъ весь, какъ пришелъ онъ въ Голландію: но наслышавшись, что всѣ люди въ землѣ сей богаты, и что они всѣ Христіане, не сумнѣвался, чтобъ не пожилось ему тутъ такъ же хорошо, какъ и въ замкѣ господина Барона, до изгнанія его оттуда за прекрасные глаза дѣвицы Кунигунды.

Онъ попросилъ у нѣкоторыхъ важнаго вида особъ милостины, которые всѣ ему отвѣчали, что естьли онъ ремесла сего не покинетъ, то посадятъ ею въ покаянной домъ, гдѣ его научатъ, какъ жить.

Потомъ подошелъ онъ съ тѣмъ же къ одному человѣку, которой во многочисленномъ собраніи говорилъ цѣлой часъ о человѣколюбіи. Ораторъ сей взглянувши на него косо спросилъ: за чѣмъ ты сюда пришелъ? Добрая ли причина твоему приходу? Нѣтъ никакого дѣйствія безъ причины, отвѣчалъ ему смиренно Кандидъ; все необходимо связано и устроено къ лучшему. Надобно было, чтобъ изгнали меня отъ дѣвицы

Кунигунды, чтобЪ прогнали сквозь строй; а теперь надобно, чтобЪ я просилЪ милостины, покуда могу доставать себЂ хлЂбЪ трудами: всему сему инако быть было не можно. ДругЪ мой, сказалЪ ему ОраторЪ, вЂришь ли ты, что Папа есть АнтихристЪ? Я обЪ этомЪ еще никогда не слыхалЪ, отвЂчалЪ КандидЪ; но пусть это правда, или нЂтЪ, токмо мнЂ теперь недостаетЪ куска хлЂба. Ты того и не достоинЪ, сказалЪ ОраторЪ; поди мошенникЪ, поди негодной, не кажись ко мнЂ никогда на глаза. Жена Ораторова выглянувши вЪ окошко, и увидЂвЪ человЂка, которой сумнЂвается, что Папа не АнтихристЪ, вылила ему на голову цЂлой ...... О небо! до какой чрезмЂрности можетЪ простираться вЪ женщинахЪ ревность кЪ вЂрЂ.

ОдинЪ человЂкЪ, котораго никогда не крестили, добрый АнавантистЪ, по имяни ІаковЪ, увидЂвши, что поступаютЪ такЪ безчеловЂчно и поносно сЪ однимЪ изЪ его братiй, двуножнымЪ и непернатымЪ существомЪ, которое имЂетЪ душу, взялЪ его кЪ себЂ, отерЪ его, поставилЪ ему хлЂба и пива, подарилЪ два флорина, и хотЂлЪ еще выучить его ткать на мануфактурахЪ своихЪ Персидскiя матерiи, какiя дЂлаютЪ вЪ Голландiи.

КандидЪ, почти протянувшись предЪ его ногами, вскричалЪ вЪ восторгЂ: правду сказывалЪ господинЪ ПанглосЪ, что все на свЂтЂ дЂлается кЪ лучшему; потому что крайнее великодушiе ваше несравненно больше меня тронуло, нежели суровость господина сего вЪ черной епанчЂ и его сожительницы.

На другой день прогуливаючись увидЂлЪ онЪ нищаго, покрытаго повсюду ранами, глаза у

него были какъ у мертваго, конецъ носа згнившїй, ротъ на сторонѣ, зубы черные: онъ говорилъ въ носъ, и мучился такимъ жестокимъ кашлемъ, что за каждымъ прїемомъ выплевывалъ зубъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Какимъ случаемъ нашелъ Кандидъ прежняго своего Философїи учителя Доктора Панглоса, и что потомъ зделалось.

Кандидъ почувствовавъ въ себѣ больше жалости, нежели омерзѣнїя, отдалъ страшному сему нищему тѣ два флорина, которые далъ ему честный его Анавaптистъ Їаковъ. Страшилище посмотрѣло на него пристально, заплакало, и бросилось ему на шею. Кандидъ испужавшись отступилъ назадъ. Боже мой! сказалъ бѣдной бѣдному, не ужѐ ли не узналъ ты любезнаго твоего Панглосса! Что я слышу? Что! ты мой любезный учитель! ты въ такомъ ужасномъ состоянїи! Какое же приключилось тебѣ нещастїе? Для чего не живешь ты еще въ наипрекраснѣйшемъ изъ всѣхъ за́мковъ? Что зделалось съ дѣвицею Кунигундою, красою всѣхъ дѣвицъ, наисовершеннѣйшимъ произведенїемъ естества? Я не могу отвѣчать, сказалъ Панглосъ. Кандидъ повелъ его тотчасъ въ Анавaптистову работную избу, и далъ ему нѣсколько хлѣба. Какъ скоро Панглосъ оправился: скажи же мнѣ теперь, говорилъ онъ ему, о Кунигундѣ? Она умерла, отвѣчалъ гость. Кандидъ услышавъ слово сїе, упалъ въ обморокъ;

другЪ его возвратилЪ ему чувства помощїю нѣсколька капель дурнаго уксусу, которой случился по щастїю вЪ избѣ. КандидЪ открылЪ опять глаза: Кунигунда умерла! ахЪ! наилучшій изЪ всѣхЪ свѣтовЪ! гдѣ ты? Да какою она болѣзнію умерла? Не отЪ того ли, что выгналЪ меня батюшка ея пинками изЪ прекраснаго своего зáмка? НѣтЪ, отвѣчалЪ ПанглосЪ, Булгарскїе солдаты, удовольствовавши надЪ нею страсть свою, сколько было можно, распороли ей брюхо; господину Барону, которой хотѣлЪ ее защищать, простРѣлили голову; госпожу Баронессу изрубили вЪ куски; а сЪ бѣднымЪ воспитанникомЪ моимЪ поступили точно какЪ и сЪ его сестрицею. ЧтожЪ касается до зáмка, то не осталось и камня на камнѣ, ни одной житницы, ни одной овцы, ни одной утки, ни одного дерева: но хорошо и имЪ за насЪ отмстили. Абарцы то же самое здѣлали сЪ сосѣдственнымЪ БаронствомЪ одного Булгарскаго господина.

УслышавЪ сїе КандидЪ опять лишился чувствЪ: но опамятовавшись и выговоривши сЪ горести все, что вЪ такихЪ случаяхЪ обыкновенно говорятЪ, спрашивалЪ о причинѣ и дѣйствїи и о достаточномЪ основанїи, какїя привели Панглоса вЪ толь жалостное состоянїе. Увы! сказалЪ ФилософЪ, любовь, любовь, утѣха рода человѣческаго, содержательница мїра, душа всѣхЪ чувствительныхЪ существЪ, нѣжная любовь. Увы! сказалЪ КандидЪ, и я позналЪ сїю любовь, обладательницу сердецЪ, сїю душу нашей души: я вЪ ней ничего не испыталЪ, кромѣ исправнаго поцѣлуя и двацати пинковЪ сзади. Но какимЪ образомЪ столь прекрасная причина могла произвести толь скаредное дѣйствїе?

Панглосъ отвѣчалъ ему слѣдующее: О любезный мой Кандидъ! ты зналъ Пакетту, ту пригожую служанку нашей свѣтлѣйшей Баронессы. Я вкушалъ въ объятіяхъ ея райскія сладости, кои произвели сіи адскія мученія, которыми меня видишь снѣдаема: она была ими заражена, а можетъ быть отъ того ужѐ и умерла. Пакетта получила подарокъ сей отъ одного весьма ученаго Францисканскаго Монаха; и онъ происходилъ изъ самаго своего источника. Онъ достался ему отъ одной старой Графини, которая приняла его отъ драгунскаго Капитана. Капитанъ долженъ былъ имъ нѣкоторой Маркизѣ, Маркиза Пажу, а Пажъ одному Езуиту, которой будучи еще ученикомъ, досталъ его въ прямой линіи отъ одного изъ товарищей Христофора Колумба; а я его ужѐ никому не отдамъ; я вижу, что моя смерть приближается.

О Панглосъ! вскричалъ Кандидъ, какое странное родословіе! конечно самъ дьяволъ его былъ корнемъ. Никакъ, отвѣчалъ сей великій мужъ, дѣло сіе въ наилучшемъ изъ всѣхъ свѣтовъ необходимо было надобно, оно нужно къ его составленію: ибо, естьли бы Колумбъ не заразился на одномъ изъ Американскихъ острововъ сею болѣзнію, которая вливаетъ ядъ въ источникъ дѣтородства, а часто оному и препятствуетъ, и которая очевидно противуборствуетъ великому намѣренію естества, то не было бы у насъ ни шоколаду ни кошенили. Сверьхъ того надобно примѣтить и то, что болѣзнь сія въ нашей твердой землѣ особенно свойственна только намъ такъ, какъ и споры за вѣру. Турки, Индѣйцы, Персіане, Китайцы, Сіамцы и Японцы оныя еще не знаютъ; однако есть достаточное основаніе,

что чрезъ нѣсколько вѣковъ будетъ она извѣстна и у нихъ. А между тѣмъ она у насъ ужасно ужѐ распространилась; а особливо усилилась она въ сихъ великихъ арміяхъ, состоящихъ изъ честныхъ наемныхъ героевъ, которые рѣшатъ судбину государствъ. Можно на вѣрнѣе положить, что когда 30 тысячь человѣкъ бьются въ баталіи противъ толикагожъ числа другихъ, то ужѐ конечно съ обѣихъ сторонъ человѣкъ тысячь по двадцати есть зараженныхъ.

Какъ это удивительно! сказалъ Кандидъ; но надобно тебѣ вылѣчиться. Да какъ мнѣ вылѣчиться? сказалъ Панглосъ, у меня нѣтъ ни полушки денегъ; а на всемъ семъ обширномъ шарѣ нѣтъ средства ни крови пустить, ни клистиръ себѣ поставить, не заплатя за то денегъ, или естьли не заплатитъ за насъ кто другой.

Сіи послѣднія слова Кандида тронули: онъ упалъ къ ногамъ человѣколюбиваго Анаваптиста Іакова, и описалъ ему состояніе пріятеля своего такъ живо, что сей добродушный человѣкъ взялъ тотчасъ доктора Панглоса къ себѣ въ домъ, и велѣлъ его вылѣчить на свой щетъ. Панглосъ лишился во время лѣченія только одного глаза и одного уха. Онъ умѣлъ хорошо писать, и зналъ совершенно ариѳметику. Анаваптистъ Іаковъ зделалъ его своимъ Букгалтеромъ. Будучи принужденъ по торговымъ своимъ дѣламъ чрезъ два мѣсяца ѣхать въ Лиссабону, взялъ онъ съ собою въ корабль и двухъ своихъ Философовъ.

Панглосъ толковалъ ему, какимъ то образомъ зделано на свѣтѣ все такъ, что лучше не можно: Іаковъ думалъ инако. По этому, говорилъ онъ, люди природу свою нѣсколько ис-

портили; ибо, хотя они и не рождены волками, однако здѣлались волками. Богъ не далъ имъ ни пушекъ 24 фунтовыхъ, ни штыковъ; а они здѣлали себѣ для умерщвленія другъ друга и штыки и пушки. Тоже самое можно сказать и о банкеротахъ, и о правосудіи, которое ко вреду заимодавцовъ захватываетъ имѣнія банкеротовъ во свои руки. Всему сему надобно было необходимо такъ быть, отвѣчалъ кривой докторъ: нещастія частныхъ людей составляютъ общее добро, такъ что чѣмъ больше бываетъ частныхъ нещастій, тѣмъ больше отъ того всеобщаго добра происходитъ. Между тѣмъ, какъ онъ о семъ разсуждалъ, воздухъ помрачился, вѣтры стали дуть со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта, и преужасная буря захватила корабль въ виду Лиссабонской гавани.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Буря, разбитіе корабля, трясеніе земли, и что здѣлалось съ докторомъ Панглосомъ, съ Кандидомъ и съ Анавапгистомъ Іаковомъ.

Половина ослабѣвшихъ пассажировъ, издыхающихъ отъ несносной тоски причиняемой колебаніемъ корабля, которое всѣ нервы и всѣ соки тѣла человѣческаго приводитъ въ движеніе противное естественному разположенію и порядку, не имѣли силы и мыслить объ опасности. Прочіе кричали и молились; парусы всѣ были изорваны, мачты переломаны, въ кораблѣ здѣлалось отверстіе. Работалъ кто только могъ; никто ни кого

не слушался, и никто не повелѣвалъ. Анавап-тистъ пособлялъ по возможности; онъ стоялъ на декѣ; одинъ бѣшеной матросъ ударилъ его изъ всей силы, и повергъ на полъ; но при данномъ ему ударѣ столь сильно размахнулся, что самъ стремглавъ слетѣлъ съ корабля. По случаю зацѣпился онъ за обломокъ мачты, и повисъ. Добродушный Іаковъ бросился ему помогать, встащилъ его на корабль; но стараючись его избавить, упалъ самъ въ море; а матросъ видя сіе не токмо ему не помогъ, но и смотрѣть на него не хотѣлъ Кандидъ прибѣжалъ, видитъ своего благодѣтеля въ крайней опасности; но онъ вынырнулъ изъ воды на минуту, и поглощенъ ею былъ на вѣки. Кандидъ хочетъ броситься за нимъ въ море, но Философъ Панглосъ его удерживаетъ, доказывая ему, что Лиссабонская рейда здѣлана нарочно для того, чтобъ Анавaптистъ сей тамъ утонулъ. Между тѣмъ, какъ онъ сіе доказывалъ *à priori*, (умствованіями) корабль разсѣлся, и всѣ потонули кромѣ Панглоса, Кандида и того грубіяна матроса, который утопилъ добродѣтельнаго Анаваптиста: бездѣльникъ выплылъ по щастію на берегъ, а Панглосъ и Кандидъ добрались до онаго на доскѣ.

Собравшись нѣсколько съ силами пошли они въ Лиссабону: у нихъ осталось еще немного денегъ, съ помощію которыхъ надѣялись они избавиться отъ голоду, свободившись отъ бури.

Едва только переступили они въ городъ, оплакивая смерть своего благодѣтеля, то почувствовали подъ ногами трясеніе земли; море кипитъ и поднимается въ гавани, и ломаетъ стоящіе на якоряхъ корабли. Пламенный и пепельный вихрь покрываетъ улицы и площади, домы ру-

шатся, кровли валятся на свои стѣны, а стѣны разсыпаются; тритцать тысячь человѣкъ жителей обоего пола и большихъ и малыхъ погибли подъ развалинами. Матросъ свисталъ и клялся, говоря, что тутъ есть чѣмъ поживиться. Какое бы достаточное основанїе могло быть сему произшествїю? сказалъ Панглосъ. Пришло преставленїе свѣта, вскричалъ Кандидъ. Матросъ бросается тотчасъ въ средину развалинъ, презираетъ смерть, и ищетъ денегъ; находитъ, беретъ, напивается пьянъ, а проспавшись насыщаетъ свое желанїе съ перьвою попавшеюся ему услужливою женщиною на развалинахъ испроверженныхъ домовъ и среди умирающихъ и мертвыхъ. Панглосъ тянулъ его между тѣмъ за рукавъ: другъ мой, говорилъ онъ ему, это очень дурно, ты поступаешь противъ здраваго разума, теперь ли время это дѣлать? Ну къ чорту! услышалъ онъ въ отвѣтъ, что мнѣ нужды, я матросъ и родился въ Батавїи; я ѣздилъ четыре раза въ Японїю, и четыре раза ступалъ на распятїе; нашолъ ты человѣка разсказывать про здравой разумъ!

Нѣсколько каменныхъ обломковъ ранили Кандида: онъ лежалъ протянувшись на улицѣ будучи покрытъ оными. Увы! говорилъ онъ Панглосу, достань мнѣ сколько нибудь вина и масла! я умираю. Землетрясенїе сїе не представляетъ намъ ничего новаго, отвѣчалъ Панглосъ; тоже самое было прошлаго года и въ Америкѣ въ городѣ Лимѣ; тѣже самыя причины, тѣже самыя дѣйствїя; конечно лежитъ отъ Лимы до Лиссабоны сѣрная подъ землею жила. Ето весма вѣроятно, сказалъ Кандидъ; но Бога ради принеси мнѣ нѣсколько масла и вина. Какъ вѣроятно! отвѣчалъ

Философъ, я утверждаю, что уже доказано. Кандидъ лишился чувствъ; а Панглосъ принесъ ему нѣсколько воды изъ ближайшаго источника.

На другой день ползая между развалинами нашли они нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, и немного поправились. Потомъ работали съ прочими, и помогали спасшимся отъ смерти жителямъ. Нѣкоторые граждане, которымъ они пособили, накормили ихъ изряднымъ обѣдомъ, какой только можно было здѣлать въ такомъ бѣдствіи. Правда, что пиръ сей былъ печальный, и возлежащіе орошали хлѣбъ слезами; но Панглосъ ихъ утѣшалъ, увѣряя, что инако быть было не возможно: потому что приключеніе сіе, говорилъ онъ, есть изъ всѣхъ наилучшее; потому что естьли находится огнедышущая пропасть въ Лиссабонѣ, то уже въ другомъ мѣстѣ быть ей было не льзя; потому что не возможно, чтобъ что нибудь не было тамъ, гдѣ оно есть; потому что все здѣлано хорошо.

Низенькой черный человѣкъ, служитель Инквизиціи, стоя подлѣ него, сказалъ ему учтивымъ образомъ: конечно, государь мой, не вѣрите вы и первородному грѣху? понеже, естьли все здѣлано наилучшимъ образомъ, то не было ни паденія, ни наказанія.

Всепокорнѣйше прошу ваше преподобіе не прогнѣватся, отвѣчалъ Панглосъ еще съ большею учтивостію; понеже паденіе перваго человѣка и проклятіе въ наилучшемъ изъ возможныхъ свѣтовъ было необходимо надобно. Такъ не вѣрите вы по етому, государь мой, что намъ дана воля? сказалъ служитель. Извините ваше преподобіе, отвѣчалъ Панглосъ: вольность можетъ совмѣстна быть съ необходимою надоб-

ностью, потому что необходимо было надобно, чтобЪ мы имѣли волю. Ибо наконецЪ воля ограниченная... ВЪ срединѣ сего Панглосова разговора служитель далЪ знакЪ головою своему приставу, которой наливалЪ и подавалЪ ему Портское или Оппортское вино.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

КакимЪ образомЪ здѣлано было великолѣпное инквизиціонное *auto-da-fe* (сожженіе) для отвращенія землетрясенія, и какЪ Кандида сѣкли.

По прошествіи землетрясенія, разрушившаго три части города Лиссабоны, разумные вЪ государствѣ люди не могли выдумать надежнѣйшаго средства кЪ предупрежденію совершеннаго разоренія, какЪ представить народу великолѣпное позорище, называемое у нихЪ *auto-da-fe*. ВЪ КоимбрскомЪ Университетѣ рѣшили, что медлительное сожженіе нѣсколькихЪ человѣкЪ сЪ великою церемоніею есть несумнительное таинство кЪ удержанію земли отЪ трясенія.

ВЪ семЪ намѣреніи схватили одного Бискайца обличеннаго вЪ томЪ, что женился онЪ на кумѣ; и двухЪ ПортугальцовЪ, которые ѣвши цыпленка вырывали изЪ него вѣтчинное сало. А послѣ обѣда пришли вязать и доктора Панглоса и ученика его Кандида: одного за то, что говорилЪ; а другова за то, что слушалЪ сЪ нѣкоторымЪ видомЪ одобренія. Повели обоихЪ вЪ разные покои, весьма умѣренной теплоты, вЪ которыхЪ солнце никогда не обезпокоивало. ЧрезЪ

восемъ дней нарядили ихъ въ Санбениту (одежда, которую надѣваютъ на приговоренныхъ къ сожженію), а головы ихъ украсили бумажными вѣнцами; на вѣнцѣ и Санбенитѣ Кандидовой изображены были пламя пылающее съ верьху въ низъ, и діаволы неимѣющіе ни хвостовъ, ни когтей: а Панглосовы діаволы были и съ когтями и съ хвостами, и пламя пылало въ верьхъ. Въ убранствѣ семъ шли они въ провожаніи всего города, и слушали проповѣдь, сочиненную весьма въ сильныхъ выраженіяхъ; послѣ которой началась преизрядная музыка плачевнаго напѣва. Кандида сѣкли во время пѣнія въ тактъ; Бискайца и тѣхъ двухъ человѣкъ, которые не хотѣли ѣсть свинаго сала, сожгли, а Панглоса повѣсили, хотя это было и не очень употребительно. Тогожъ еще самаго дня тряслась опять земля съ ужаснымъ трескомъ.

Кандидъ въ ужасѣ, въ изумленіи и безъ памяти, изсѣченъ до крови, и трясучись весь разсуждалъ самъ съ собою: естьли и етотъ свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшій, то что ужѐ думать о прочихъ? Пусть бы меня только высѣкли; я ужѐ былъ сѣченъ и у Булгаровъ; но ты любезный мой Панглосъ, наипремудрѣйшій изъ всѣхъ Философовъ! надобно ли, чтобъ я видѣлъ тебя повѣшеннаго, не знаючи за что? О любезный мой Анавaптистъ, наилучшій изъ всѣхъ человѣковъ! надобно ли, чтобъ утонулъ ты въ гавани? О Кунигунда, краса всѣхъ дѣвицъ! надобно ли, чтобъ разпороли тебѣ брюхо?

Онъ побрелъ оттуда такъ, что едва могъ волочить ноги, просвѣщенъ проповѣдію, высѣченъ, разрѣшенъ и благословленъ, какъ подошла къ нему старуха, и сказала: ободрись дитятко, и поди за мною.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Какое старуха имѣла попеченїе о Кандидѣ, и какъ онъ нашелъ то, что любилъ.

Кандидъ ни мало не ободрился, однако пошелъ за старухою въ вѣтхой домикъ: она дала ему горшечикъ помады мазать тѣло, и оставила ему ѣсть и пить; показала маленькую нарочито опрятную постелю; а подлѣ постели лежала перемѣна платья. Ѣшь, пей и спи, сказала она ему, я препоручаю тебя въ покровительство Атохской Богородицѣ и святымъ великимъ угодникамъ Антонїю Падуанскому и Їакову Компостельскому; я приду къ тебѣ завтра. Кандидъ удивляясь безпрестанно всему тому, что онъ видѣлъ, и что вытерпѣлъ, а еще больше человѣколюбїю старухи, хотѣлъ поцѣловать у ней руку. Не мою руку надобно цѣловать, сказала старуха; я приду завтра, мажься помадою, ѣшь и пей.

Кандидъ, не смотря на всѣ сїи нещастїя, поѣлъ и заснулъ. На другой день принесла ему старуха позавтракать, осмотрѣла ему спину, помазала его сама другою помадою, потомъ принесла ему обѣдать; подъ вечеръ пришла опять, и принесла ужинать. На третїй день дѣлала съ нимъ тѣже самыя церемонїи. Кто вы таковы? спрашивалъ у ней всякой разъ Кандидъ, для чего вы ко мнѣ столь милостивы? чемъ могу я вамъ за то благодарить? Попечительная старушка не отвѣчала ему на то ни слова: вечеромъ пришла она опять, и ужинать ужѐ не принесла. Подите со мною, сказала она, и не гово-

рите ни слова. Она беретъ его подъ руку, и ведетъ его въ деревню, около четверти мили отстоящую: напослѣдокъ приходятъ къ одному особенно стоящему дому, окруженному садами и каналами. Старуха постучала въ маленькія дверцы: онѣ отворились; а старушка вводитъ его по потаенной лѣсницѣ въ вызолоченный повсюду кабинетъ, сажаетъ на парчевое канапе, запираетъ двери и уходитъ. Кандидъ думаетъ, что онъ спитъ: онъ почиталъ всю свою жизнь не инако, какъ бѣдственнымъ сномъ, а сію минуту сномъ пріятнымъ.

Старуха появилась тотчасъ опять: она съ немалымъ трудомъ вела подъ руку дрожащую женщину величественнаго вида, блестящую дорогими каменьями, и накрытую покрываломъ. Сними ето покрывало, сказала старуха Кандиду. Сей молодой человѣкъ подходитъ, снимаетъ покрывало робкою рукою. Какая минута! какое удивленіе! ему показалось, что видитъ онъ дѣвицу Кунигунду. Онъ и дѣйствительно видѣлъ ее, и ето была она. Ноги у него подломились, и онъ не можетъ выговорить ни одного слова, упадаетъ къ ея ногамъ; а Кунигунда упала на канапе. Старуха льетъ на нихъ крѣпкія воды: они приходятъ въ чувство, и разговариваютъ: сперва начались пресѣкающіяся слова, вопросы и отвѣты безъ всякаго порядка, вздохи, слезы и восклицанія. Старуха совѣтуетъ имъ, чтобъ они не столько шумѣли, и оставляетъ ихъ въ покоѣ. Что я вижу! вы ли ето? сказалъ ей Кандидъ. Вы еще живы! я нахожу васъ въ Португаліи! По етому не здѣлали вамъ и насильства? по етому, не разпороли вамъ и брюха, такъ какъ увѣрялъ меня Философъ Панглосъ? Все ето

было, отвѣчала прекрасная Кунигунда; однако отъ сихъ двухъ приключенiй не всегда умираютъ. Но правда ли то, что батюшку и матушку вашихъ убили? Убили, сказала Кунигунда со слезами; а братецъ вашъ? и братца также убили. Да зачемъ же вы прiѣхали въ Португалiю, почему вы узнали, что я здѣсь? и какимъ страннымъ случаемъ велѣли вы привести меня въ етотъ домъ? Я тебѣ все раскажу, отвѣчала Кунигунда; но скажи ты мнѣ прежде, что съ тобою происходило съ самаго того невиннаго вашего поцѣлуя, и съ тѣхъ поръ, какъ выгнали васъ пинками.

Кандидъ исполнилъ повелѣнiе ея съ глубокимъ почтенiемъ; и хотя онъ былъ въ крайнемъ смущенiи, хотя голосъ у него былъ слабъ и дрожалъ, хотя спина у него еще немножко и болѣла; однако расказалъ ей самымъ откровеннымъ сердцемъ все, что онъ со времени разлуки ихъ ни претерпѣлъ. Кунигунда возводила глаза на небо, и поплакала по добродушномъ Анавaптистѣ и по Панглосѣ; а потомъ начала расказывать слѣдующее Кандиду, которой слушалъ съ великимъ вниманiемъ, и не спускалъ съ нея глазъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Приключенiя Кунигунды.

Я лежала на постелѣ и очень крѣпко спала, какъ наслало небо Булгаровъ на прекрасный нашъ зáмокъ Тгун-дер-тенъ-тронкгъ; батюшку и братца они задавили, а матушку изрубили

вѣ куски. Одинѣ большой Булгарѣ, вышиною вѣ шесть футовѣ, увидя, что я при случаѣ семѣ лишилась чувствѣ, началѣ дѣлать мнѣ насильство; я отѣ того опомнилась, пришла вѣ чувство, стала кричать, биться, кусать, царапать, хотѣла выдрать страшному сему Булгару глаза̀, не зная того, что все приключившееся за́мку батюшки моего было дѣло обычайное: грубїянѣ далѣ мнѣ рану ножемѣ вѣ лѣвой бокѣ, которая еще и теперь видна. Увы! я надѣюсь, что я ее увижу, сказалѣ простодушный Кандидѣ. Я тебѣ ее покажу, отвѣчала Кунигунда, а теперь буду продолжать. Продолжайте, сказалѣ Кандидѣ.

Она зачала опять слѣдующимѣ образомѣ: вдругѣ вошелѣ Булгарской Капитанѣ, онѣ увидѣлѣ меня всю вѣ крови, а солдатѣ не смотря на него дѣлалѣ, что ему было надобно Капитанѣ разсердился, что грубїянѣ сей имѣетѣ кѣ нему столь мало почтенїя, и убилѣ его лежащаго на мнѣ. Пото́мѣ велѣлѣ меня лѣчить, и повезѣ какѣ военноплѣнницу вѣ свой лагерь. Я перемывала у него нѣсколько рубахѣ, готовила ему кушанье; я ему полюбилась, признаюсь, такѣ какѣ должна сказать и то, что и онѣ былѣ очень пригожѣ, и тѣло имѣлѣ бѣлое и гладкое; вѣ прочемѣ былѣ глупѣ и худой Философѣ; видно было, что не докторѣ Панглосѣ его воспиталѣ. По прошествїи трехѣ мѣсяцовѣ, проигравши всѣ свои деньги, а притомѣ какѣ я ему наскучила, продалѣ онѣ меня Жиду, именемѣ Дону Исахару, который торговалѣ вѣ Голландїи и вѣ Португаллїи, и любилѣ страстно женскїй полѣ. Жидѣ сей очень ко мнѣ привязался, однако склонить меня не могѣ; я ему сильнѣе противилась, нежели Булгарскому солдату. Честной женщинѣ можно

здѣлать насильствїе одинъ разъ, но тѣмъ болѣе утверждается ея добродѣтель. Жидъ, чтобъ короче со мною познакомиться, отвезъ меня въ сей загородный домъ. Я думала по сїе время, что нѣтъ на свѣтѣ ничего прекраснѣе Тгун-дер-тенъ-тронкгскаго за́мка; но теперь вижу противное.

Однажды увидѣлъ меня въ церкви великїй Инквизиторъ: онъ посматривалъ на меня очень прилѣжно, и́ велѣлъ мнѣ сказать, что имѣетъ нужду поговорить со мною о тайномъ дѣлѣ. Привели меня въ его палаты, я объявила ему мою породу: онъ представлялъ мнѣ, сколь поносно женщинѣ моего состоянїя принадлежать Израильтянину. Дону Исахару предложено было съ его стороны, чтобъ уступилъ онъ меня его высокопреподобїю. Донъ Исахаръ, будучи придворный банкиръ и человѣкъ богатый, не хотѣлъ о томъ и слышать. Инквизиторъ грозилъ ему Ауто-дафеемъ (сожженїемъ). Напослѣдокъ Жидъ мой испужавшись окончилъ торгъ тѣмъ, чтобъ домъ и я принадлежали имъ вообще, и что Жидъ будетъ хозяиномъ по понедѣльникамъ, средамъ и по субботамъ; а Инквизиторъ по прочимъ днямъ недѣли. Теперь ужѐ прошло полгода, какъ договоръ сей состоитъ во своей силѣ. Однако было не безъ хлопотъ: ибо часто происходилъ споръ, къ старому ли, или къ новому завѣту принадлежитъ ночь съ субботы на воскресенье. Чтожъ до меня касается, то я еще по нынѣ ни тому ни другому не здалась, и думаю, что за тѣмъ только меня по сїе время и любятъ.

Напослѣдокъ для отвращенїя землетрясенїя, и чтобъ испужать Дона Исахара, вздумалось его высокопреподобїю Инквизитору праздновать

Ауто-да-фе. Онъ здѣлалъ мнѣ ту честь, что пригласилъ меня на оное торжество. Мнѣ дали очень хорошее мѣсто; женщинамъ между мшею и эксекуцїею подаваны были конфекты. Я признаюсь, что видя горящихъ двухъ Жидовъ и того честнаго Бискайца, которой женился на кумѣ, чувствовала въ себѣ крайнее сострадание: но въ какое пришла я удивленїе, въ ужасъ и въ смущенїе, увидѣвши въ Санбенитѣ и въ митрѣ лице походящее на Панглоса! Я протирала себѣ глаза, разсматривала пристально, и увидѣла, что его повѣсили: я упала въ обморокъ, но только лишь опамятовалась, то увидѣла тебя раздѣтаго до нага: тутъ ужѐ пришла я въ совершенной ужасъ, въ смущенїе, печаль и отчаянїе. Я скажу тебѣ безпристрастно, что тѣло у тебя еще бѣлѣе и нѣжнѣе, нежели у моего Булгарскаго Капитана. Увидя сїе всѣ внутреннїя движенїя, которыя сердце мое обременяли и пронзали, умножились еще больше. Я вскричала, хотѣла сказать постойте варвары; но языкъ мой болѣе не дѣйствовалъ, и крикъ мой былъ бы тщетенъ, какъ ужѐ тебя высѣкли. Можно ли, говорила я сама въ себѣ, чтобъ любезный мой Кандидъ и премудрый Панглосъ прїѣхали въ Лиссабону затѣмъ, чтобъ одного безъ милости высѣкли, а другаго повѣсили по приказу его высокопреподобїя Инквизитора, у котораго я любовницею? Панглосъ видно ужасно меня обманулъ, когда мнѣ говаривалъ, что все на свѣтѣ дѣлается наилучшимъ образомъ. Отъ крайняго безпокойства и горести, иногда лишалась я чувствъ, иногда отъ слабости была при послѣднемъ издыханїи. Мнѣ воображались безпрестанно убїенїе отца моего, матери и брата, грубость того мерзкаго Булгарскаго солдата, ко-

торой далъ мнѣ ножемъ рану, рабство мое и должность поварихи, Булгарской мой Капитанъ, безобразной Донъ Исахаръ, проклятый мой Инквизиторъ, повѣшенный докторъ Панглосъ, молебное сїе пѣнїе, во время котораго тебя сѣкли, а особливо послѣднїй мой съ тобою за ширмами поцѣлуй въ тотъ день, въ которой я въ послѣдней разъ съ тобою видѣлась. Я благодарила Бога, что возвратилъ мнѣ тебя по такихъ искушенїяхъ. Приказала моей старухѣ, чтобъ она о тебѣ имѣла попеченїе, и привела бы тебя сюда, какъ скоро будетъ возможно. Она исполнила приказъ мой съ совершенною исправностїю. Я чувствую теперь то несказанное удовольствїе, что тебя вижу, слышу, и съ тобою говорю. Я думаю, что ты ужасно голоденъ, и мнѣ также хочется ѣсть, начнемъ ужинать.

Оба они сѣли за столъ, а послѣ ужина возвратились на то богатое канапе, о которомъ я прежде говорилъ: они тутъ сидѣли, какъ вошелъ къ нимъ господинъ Исахаро, одинъ изъ хозяевъ дома. День тотъ былъ субботный, и онъ пришелъ пользоваться своими правами, и изъяснять нѣжную свою любовь.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Что здѣлалось съ Кунигундою, съ Кандидомъ, съ великимъ Инквизиторомъ и съ Жидомъ.

Исахаръ сей былъ такъ сердитъ и вспыльчивъ, что подобнаго ему во всемъ Израилѣ не бывало съ самаго Вавилонскаго плѣна. Какъ! сказалъ онъ, проклятая Галилеянка, тебѣ не довольно еще и

Инквизитора? Надобно, чтобъ дѣлился со мною и етотъ бездѣльникъ? Выговоривши сіе выхватилъ онъ кинжалъ, который всегда у него былъ въ запасъ, и не думая, чтобъ у соперника его было также оружіе, бросился на Кандида: но Вестфалецъ нашъ получилъ отъ старухи съ платьемъ и шпагу. Онъ ее тотчасъ обнажилъ, хотя былъ и весьма тихаго нрава, и повергъ Израильтянина мертваго на полъ передъ ногами Кунигунды.

Боже мой! вскричала она, до чего мы дойдемъ? Человѣкъ убитъ въ моемъ домѣ! естьли объ етомъ провѣдаютъ, то мы погибли. Естьли бы не повѣсили Панглоса, сказалъ Кандидъ, то онъ далъ бы намъ въ такой крайности полезный совѣтъ; потому что онъ былъ великій Философъ. А какъ его ужѐ нѣтъ, то посовѣтуемъ съ старухою. Старушка была очень умна, и начала было ужѐ предлагать свое мнѣніе, какъ отворились другія маленькія дверцы. Ужѐ било часъ за полночь, а ето было начало воскресенья. День сей принадлежалъ его высокопреподобію Инквизитору. Онъ вошелъ, и видитъ сѣченнаго Кандида, стоящаго съ обнаженною шпагою, а на полу мертвое тѣло, Кунигунду испужавшуюся, а старуху дающую совѣты.

Кандидъ при свиданіи семъ разсуждалъ самъ въ себѣ слѣдующимъ образомъ: естьли святый мужъ сей закричитъ, и будетъ требовать помощи, то онъ меня вѣрно сожжетъ, а можетъ быть тоже здѣлаетъ и съ Кунигундою; онъ меня сѣкъ безъ милости, онъ мой соперникъ; я теперь людей убивать разохотился, не о чемъ думать. Разсужденіе его было просто и скоропостижно, такъ, что онъ не давши еще Инквизи-

тору времени опомниться, проколол҄ его насквозь, и положил҄ подлѣ Жида. Вот҄ и того еще лучше, сказала Кунигунда! теперь ужѐ нам҄ нѣт҄ прощенія; мы прокляты, и пришел҄ послѣдній час҄ нашей жизни. Каким҄ образом҄ мог҄ ты, будучи с҄ природы так҄ тих҄, убить в҄ двѣ минуты и Жида и священную особу? Прекрасная Кунигунда, отвѣчал҄ Кандид҄, когда кто влюблен҄, ревнив҄, и сѣчен҄ от҄ Инквизиціи, тот҄ и сам҄ себя не помнит҄.

Старуха начала тут҄ говорить слѣдующим҄ образом҄: в҄ конюшнѣ стоят҄ три Андалузскія лошади, для которых҄ есть сѣдла и узды; пусть их҄ храбрый Кандид҄ осѣдлает҄; у вас҄ сударыня есть нѣсколько мойядоров҄ и бриллїантов҄; сядем҄ тотчас҄ верьхами, хотя мнѣ и не инако, как҄ одною половиною сидѣть можно, и поскачем҄ в҄ Кадикс҄; погода теперь самая хорошая, а притом҄ и очень весело ѣхать в҄ прохладное ночное время.

Кандид҄ осѣдлал҄ тотчас҄ лошадей Кунигунда, старуха, и он҄ уѣхали тритцать миль не кормя. Между тѣм҄, как҄ они удаляются, прїѣхали в҄ дом҄ посланные из҄ Сент҄-Германдадскаго суда; тѣло его высокопреподобія погребли в҄ изрядной церьквѣ, а Исахара бросили в҄ живодерную яму.

Кандид҄, Кунигунда и старуха добрались ужѐ до Аваџены небольшаго городка, лежащаго между Сїерро-Моренскими горами, и разговаривали сидя в҄ корчмѣ слѣдующее.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ какомъ страхѣ Кандидъ, Кунигунда и старуха прїѣхали въ Кадиксъ, и какимъ образомъ отправились въ море.

Кто же укралъ у меня мои пистоли и бриліанты? говорила въ слезахъ Кунигунда; чѣмъ мы будемъ жить, что станемъ дѣлать, гдѣ найду теперь Инквизиторовъ и Жидовъ, которые надѣлили бы меня другими? Увы! сказала старуха, я очень подозрѣваю одного честнаго отца Францисканскаго монаха, которой ночевалъ вчера вмѣстѣ съ нами въ Бадаїосѣ: Боже меня избавь отъ такого дерзскаго подозрѣнїя! однако я видѣла, что онъ два раза входилъ въ нашу горницу, и уѣхалъ гораздо прежде насъ. Увы! сказалъ Кандидъ; другъ нашъ Панглосъ часто мнѣ доказывалъ, что земное богатство есть всѣмъ людямъ общее, и что всѣ имѣютъ на него равное право. Монаху сему надлежало бы по силѣ такого права оставить намъ столько, чтобъ мы путь нашъ окончать могли. И такъ у васъ ничего не осталось, прекрасная Кунигунда? Ни одного мараведиса, отвѣчала она. Чтожъ теперь дѣлать? сказалъ Кандидъ. Продадимъ одну лошадь, говорила старуха. Я сяду съ дѣвицею на одну лошадь позади ее; хотя мнѣ не инако, какъ одною половиною сидѣть можно, и доѣдемъ до Кадикса.

Въ томъ же самомъ постоялом дворѣ случился Прїоръ Бенедиктинскаго ордена, и купилъ лошадь у нихъ недорогою цѣною. Кандидъ, Ку-

нигунда и старуха ѣхали чрезъ Лицену, Хиласъ, Лебриксу, и прибыли напослѣдокъ въ Кадиксъ. Въ то время тамъ вооружали флотъ, и собирали войско для усмиренія честныхъ отцовъ Парагайскихъ Езуитовъ, о которыхъ говорили, что они возмутили одну изъ своихъ ордъ противъ Гишпанскаго и Португальскаго Королей, близъ города Сентъ Сакрамента. Кандидъ побывавши въ Булгарской службѣ дѣлалъ экзерцицïи по Булгарскому манеру передъ Генераломъ сей маленькой армïи такъ прïятно, скоро, проворно, гордо и поворотливо, что дали ему тотчасъ въ комманду одну пѣхотную роту. Теперь онъ Капитанъ, и сѣлъ въ корабль съ дѣвицею Кунигундою, со старухою, съ двумя слугами и съ двумя Андалузскими лошадьми, которыя принадлежали прежде господину великому Инквизитору Португальскому.

Во весь путь разсуждали они очень много о Философïи бѣднаго Панглоса. Мы ѣдемъ въ другой свѣтъ, говорилъ Кандидъ; конечно етто самой тотъ, гдѣ все хорошо. А что до нашего принадлежитъ, то надобно признаться, что жить въ немъ, и въ разсужденïи Физики и въ разсужденïи Морали нѣсколько трудновато. Я тебя всѣмъ сердцемъ люблю, говорила Кунигунда; но не могу еще забыть всего того, что я видѣла, и что претерпѣла. Теперь все будетъ хорошо, отвѣчалъ Кандидъ, и море сего новаго свѣта ужѐ лучше нашихъ Европейскихъ морей: оно гораздо тише, и вѣтры дуютъ постояннѣе. Конечно етотъ-то новый свѣтъ изъ всѣхъ возможныхъ есть наилучшïй. Дай Богъ, чтобъ ето была правда, говорила Кунигунда; но въ нашемъ свѣтѣ поступали со мною такъ безчеловѣчно,

что я ужѐ почти ничего лучшаго не надѣюсь. Вы жалуетесь, сказала имъ старуха. Увы! вы еще такихъ нещастій не видали, какъ я. Кунигунда чуть не засмѣялась; старуха показалась ей очень смѣшною, что хотѣла быть нещастнѣе ея. Ахъ! говорила она ей, свѣтъ мой, по крайней мѣрѣ не отнята у тебя честь Булгарами, не дано тебѣ раны ножемъ въ брюхо, не срыли у тебя за̀мка, не убили при твоихъ глазахъ матери и отца, и не видала ты, чтобъ сѣкли въ Ауто-да-фе твоего любовника; я не знаю, чѣмъ бы ты у меня взяла преимущество. Подумай сверьхъ всего, что я происходя отъ 72 колѣна Баронскаго была поварихою. Государыня моя, отвѣчала старуха, вы еще не знаете, какой породы я; и естьлибъ показала я вамъ мой задъ, то бы вы конечно такъ не говорили, и отложили бы на время ваше мнѣніе. Слова сіи произвели въ Кунигундѣ и въ Кандидѣ крайнее любопытство. Старуха начала разсказывать слѣдующимъ образомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯНАДЕСЯТЬ.

Приключенія старухи.

Не всегда были у меня глаза̀ гноючіе и красные, носъ мой не всегда касался подбородка, и не всегда была я служанкою. Я дочь Папы Урбана X. и Принцессы Палестринской. До четырнадцати лѣтъ воспитали меня въ такихъ палахъ, для которыхъ всѣ за̀мки Нѣмецкихъ вашихъ Бароновъ и въ конюшни не годились: одно изъ моихъ платьевъ стоило больше, нежели всѣ великолѣпія Вестфальскія; съ лѣтами возрастала и кра-

сота моя, прїятности и дарованїя; со всѣхъ сторонъ окружена была я веселостями, почтенїемъ и надеждами. Ужѐ плѣняла я сердцà. Шея моя начинала выравниваться; но надобно знать какая шея! бѣлая, какъ снѣгъ, полная и статная, какъ у Медицейской Венеры; какїе глазà; какїе вѣки! какїя черныя брови! какой огонь блисталъ въ моихъ глазахъ! онъ затмѣвалъ блистанїе звѣздъ, такъ какъ увѣряли меня въ томъ наши Стихотворцы. Женщины, которыя меня одѣвали и раздѣвали, видя меня съ переди и съ зади, приходили въ возхищенїе; а мужчины всѣ желали быть на ихъ мѣстѣ.

Я обручена была самодержавному Принцу Масса-Карарскому; но какому Принцу! столь же прекрасному, какъ и я, украшенному тихимъ и прїятнымъ нравомъ, блистающему разумомъ и горящему любовїю. Я любила его такъ, какъ любятъ въ первый разъ, то есть даже до обожженїя и чрезмѣрности. Къ сочетанїю нашему все ужѐ было приготовлено. Повсюду видно было неслыханное торжество и великолѣпїе; пиры, каруселя, безпрерывныя веселыя оперы, и вся Италїя дѣлала въ честь мнѣ сонеты, изъ которыхъ ни одного не было годнаго. Я ужѐ почитала себя щастливою, какъ нѣкоторая старая Маркиза, бывшая любовница моего Принца, позвала его къ себѣ пить шоколата. Онъ умеръ меньше нежели чрезъ два часа въ ужасныхъ мученїяхъ. Но это еще ничто. Мать моя будучи въ отчаянїи, однако гораздо меньше печальна, нежели я, вздумала изъ толь бѣдственнаго мѣста на нѣкоторое время отъѣхать. У ней была очень хорошая деревня близъ Ганетты. Мы сѣли на галеру, вызолоченную не хуже олтаря свя-

шаго Петра въ Римъ. Набѣжалъ на насъ Салейскій разбойникъ, и присталъ къ нашей галерѣ. Солдаты наши оборонялись такъ, какъ обороняются Папскіе солдаты: они всѣ упали на колѣни, и положа ружье просили у разбойника разрѣшенія при смертномъ часѣ.

Тотчасъ раздѣли ихъ до нага, какъ обезьянъ, раздѣли и мать мою, раздѣли фрейлинъ нашихъ, раздѣли и меня. Ужасно какъ проворно умѣютъ сіи господа раздѣвать людей. Но что меня больше всего удивило, то щупали они перстомъ у всѣхъ въ томъ мѣстѣ, въ которое мы женщины обыкновенно не допускаемъ вкладывать ничего лишняго. Церемонія сія показалась мнѣ очень странною. Такъ то все странно кажется тѣмъ, которые не выѣзжали изъ своего отечества! Мнѣ сказали потомъ, что дѣлалось сіе затѣмъ, чтобъ осмотрѣть не спрятали ли мы гдѣ нибудь бриллїантовъ. Просвѣщенные народы, разъѣзжающіе по морю, имѣютъ привычку сію съ самыхъ древнихъ вѣковъ. Я слышала, что и господа духовные Кавалеры острова Мальты обыкновенія сего никогда не забываютъ при взятіи въ полонъ Турокъ и Турчанокъ. Законъ сей основанъ на народномъ правѣ, котораго никогда отмѣнить не можно.

Я почитаю за излишнее расказывать вамъ, сколь несносно молодой Принцессѣ быть веденной плѣнницею въ Марокко и съ матерью. Вы легко можете себѣ вообразить все, что претерпѣли мы на разбойническомъ кораблѣ. Мать моя была еще очень прекрасна; фрейлины наши и простыя горнишныя дѣвушки были такъ пригожи, что подобныхъ имъ во всей Африкѣ не находилось. А я! я была прелестница, самая красота, самая прі-

ятность, и была еще непорочна. Однако непорочность моя не долго продолжалась: цвѣтокъ сей, блюдомый для прекраснаго Масса-Карарскаго Принца, сорвалъ разбойнической капитанъ. Онъ былъ ужасно черенъ, и думалъ еще, что дѣлаетъ мнѣ тѣмъ честь. Надобно, чтобъ Принцесса Палестринская и я были довольно крѣпкаго сложенія, когда отъ всего претерпѣннаго нами до прибытія нашего въ Марокко мы не умерли. Но что объ етомъ говорить, ето такія обыкновенныя приключенія, которыя не стóятъ того, чтобъ объ нихъ и упоминать.

Марокко утопалъ въ крови, какъ мы въ него прибыли. У пятидесяти сыновей Императора Мулея Исмаила у каждаго была своя партія, такъ что въ самомъ дѣлѣ было пятдесятъ междоусобныхъ браней. Черные бились противъ черныхъ, черные противъ смуглыхъ, смуглые противъ смуглыхъ, темновидные противъ темновидныхъ. По всему государству безпрерывное происходило кровопролитіе.

Лишъ только выступили мы на берегъ, то черные противной нашему разбойнику партіи, бросились отнимать у него добычу. Послѣ бриллiантовъ и золота были мы у него дороже всего. Я видѣла тутъ такое сраженіе, какого вы въ вашихъ Европейскихъ климатахъ никогда не видали. У сѣверныхъ народовъ кровь не столько горяча. Они не такъ страстны къ женскому полу, какъ Африканцы. Кажется, что у Европейцовъ нашихъ въ жилахъ молоко, а не кровь; а у жителей горы Атланта и граничащихъ съ оною земель течетъ въ жилахъ купоросъ и огонь. Они дрались за насъ съ такоюжъ яростію, какъ и львы, какъ тигры, какъ Африканскія змѣи

Одинъ Мавръ схватилъ мать мою за правую руку, Порутчикъ капитанскiй держалъ ее за лѣвую; Мавританскiй солдатъ взялъ ее за ногу, а одинъ изъ нашихъ разбойниковъ тянулъ за другую. Въ одну минуту почти всѣхъ нашихъ дѣвушекъ тащили по четыре солдата, и каждый къ себѣ. Капитанъ мой поставилъ меня позади себя. Сабля была у него въ рукахъ: онъ убивалъ всѣхъ тѣхъ, кто отваживался ему противиться. Наконецъ увидѣла я, что всѣхъ нашихъ Италiянокъ и мать мою отъ части разорвали, отъ части перерубили и перекололи самыя тѣ чудовища, которыя за нихъ дрались. Взятые со мною плѣнники и тѣ, которые ихъ взяли, солдаты, матрозы, черные, бѣлые и смуглые, а напослѣдокъ и самъ Капитанъ, всѣ были побиты; а я лежала при послѣднемъ издыханiи на кучѣ мертвыхъ тѣлъ. Подобныя сему дѣйствiя происходили, какъ всѣмъ извѣстно, на цѣлыхъ 300 миляхъ, гдѣ при всемъ томъ ежедневныя пять молитвъ, заповѣданныя Магометомъ, отправлялись безъ малѣйшаго упущенiя.

Изъ толикаго множества окровавленныхъ тѣлъ лежащихъ одно на другомъ, на силу я выдралась, и побрела подъ большое померанцовое дерево, стоявшее тамъ подлѣ ручья; я бросилась тутъ съ ужаса, съ слабости, съ омерзѣнiя, съ отчаянiя и съ голода на землю. Скоро послѣ того, по причинѣ утомившихся чувствъ, заснула; но сонъ сей походилъ болѣе на безпамятство, нежели на покой. Будучи въ такой слабости и нечувствительности, между жизнiю и смертiю, почувствовала я, что нѣчто меня тискаетъ и на мнѣ движется. Я открыла глаза, и увидѣла бѣлаго и недурнаго человѣка, которой вздыхалъ и говорилъ сквозь зубы нѣчто по Италiянски.

ГЛАВА ВТОРАЯНАДЕСЯТЬ.

Продолженіе нещастій старухиныхъ.

Въ удивленіи и въ радости, услышавъ природный мой языкъ, и чудясь особливо выговореннымъ отъ него словамъ, отвѣчала я ему, что есть еще на свѣтѣ и большія нещастія, нежели на какія онъ жалуется. Я разсказала ему въ двухъ словахъ всѣ видѣнныя мною ужасти, и лишилась опять чувствъ. Онъ отнесъ меня въ ближній домъ, велѣлъ положить на постѣлю, принести кушанья, кормилъ меня, утѣшалъ, ласкалъ, говорилъ что онъ прекраснѣе меня никого въ жизни не видывалъ, и что никогда столько не сожалѣлъ о томъ, чего ему никто уже возвратить не можетъ. Я родился въ Неаполѣ, говорилъ онъ мнѣ: тамъ кладутъ до трехъ тысячь малчиковъ всякій годъ; иные отъ того умираютъ, другіе пріобрѣтаютъ голосъ чище и нѣжнѣе женскаго, а иные дѣлаются правителями цѣлыхъ государствъ. Надо мною операція сія очень удачно здѣлана; я былъ въ числѣ музыкантовъ Ея Свѣтлости Принцессы Палестринской. У моей матушки! вскричала я. У вашей матушки! сказалъ онъ съ крайнимъ удивленіемъ и заплакавъ. Какъ! вы самая та молодая Принцесса, которую воспиталъ я до шести лѣтъ на моихъ рукахъ, и о которой и тогда уже заключали, что она будетъ такъ прекрасна, какъ я васъ вижу теперь? Конечно я; а матушка моя лежитъ за 400 шаговъ отсюда изрублена въ куски, подъ кучею мертвыхъ тѣлъ.

Я пересказала ему всѣ мои приключенія; а онъ разсказалъ мнѣ свои, и объявилъ, что онъ

прислан былъ къ Королю Марокскому отъ нѣкоторой Христiанской державы, для заключенiя съ Государемъ симъ трактата, по которому сiя держава обязывается снабдить его порохомъ, пушками и кораблями, и вспомоществовать ему въ истребленiи торговли прочихъ Христiанъ. Порученное мнѣ дѣло уже окончано, говорилъ мнѣ честный сей евнухъ; я отправляюся въ скоромъ времени обратно, и сяду въ Цейтѣ на корабль, и отвезу васъ въ Италiю.

Я благодарила ему заплакавши съ радости; но онъ вмѣсто того, чтобъ отвести меня въ Италiю, завезъ меня въ Алжиръ, и продалъ тамошнему Дею. Лишъ только меня продали, то извѣстная моровая язва, опустошившая Африку, Асiю и Европу, начала свирѣпствовать и въ Алжирѣ. Вы видали, какъ земля трясется; однако сударыня, была ли на васъ когда моровая язва? Никогда, отвѣчала Баронесса.

Естьлибъ вы ее имѣли, говорила старуха, то бы признались, что землетрясенiе въ разсужденiи ея есть ничто. Въ Африкѣ она весма уже обыкновенна; ею заразилась и я. Представьте себѣ каково было Папской дочери пятнадцати лѣтъ, которая въ три мѣсяца испытала бѣдность и рабство, каждый почти день была насилована, видѣла мать свою разрубленную на четыре части, узнала голодъ и войну, умирать еще отъ моровой язвы въ Алжирѣ. Однако я выздоровѣла. А евнухъ мой, Дей, и почти весь Алжирскiй сераль померли.

Какъ ужасное сiе моровое повѣтрiе нѣсколько утихло, то начали девыхъ невольницъ продавать, Меня купилъ одинъ купецъ, и отвезъ въ Тунисъ. Тамъ продалъ онъ меня другому купцу; а сей продалъ меня опять въ Триполь; изъ

Триполя перепродали меня въ Александрію; изъ Александріи въ Смирну, а изъ Смирны въ Константинополь. Я принадлежала напослѣдокъ одному янычарскому Агѣ, котораго вскорѣ послѣ того командировали для защищенія Азова, въ то время, какъ осаждали его Рускіе.

Ага будучи человѣкъ весьма роскошный, взялъ съ собою и весь свой сераль, и отвезъ насъ въ небольшую крѣпостцу на Черномъ морѣ лежащую, которую защищали два черные евнуха и 20 человѣкъ солдатъ. Ужасно сколько побито тутъ Рускихъ! но хорошо заплатили намъ и они. Азовъ разоренъ огнемъ и мечемъ, и всѣ отъ мала до велика, не выключая и женщинъ, были порублены. Осталась только одна наша крѣпостца; непріятели думали принудить насъ ко сдачѣ голодомъ; но янычары наши клялися, чтобъ не сдаваться никогда. Крайній голодъ принудилъ ихъ съѣсть нашихъ двухъ евнуховъ, дабы не преступить клятвы. Чрезъ нѣсколько дней вздумали они ѣсть и женщинъ.

Съ нами былъ весьма богобоязливый и мягкосердечный Имамъ, который сказалъ имъ преразумную проповѣдь, и уговорилъ ихъ, чтобъ они не вовсе насъ предали смерти: отрѣжте только, говорилъ онъ имъ, у каждой изъ сихъ госпожъ по ягодицѣ; вы изъ нихъ составите преизрядный обѣдъ, въ случаѣ нужды можете вы чрезъ нѣсколько дней опять за нихъ приняться: вы здѣлаете тѣмъ весьма богоугодное дѣло, и Богъ вамъ даруетъ свою помощь.

Онъ былъ очень краснорѣчивъ: они его послушались, сдѣлали надъ нами сію ужасную операцію. Имамъ приложилъ намъ самаго того бальсама, который употребляется при обрѣзаніи дѣтей. Мы лежали всѣ при смерти.

Янычары лишь только на нашъ щетъ пообѣдали, какъ подъѣхали къ намъ Руские на плоскодонныхъ судахъ. Янычаръ всѣхъ перерубили. Руские не оказали надъ состоянiемъ нашимъ никакого сожалѣнiя. Но какъ лѣкарей Французкихъ вездѣ довольно, то одинъ изъ нихъ, человѣкъ весьма искусной, взялъ насъ на свои руки; мы вылѣчились; я до смерти не забуду, какiя по совершенномъ закрытiи моихъ ранъ дѣлалъ онъ мнѣ предложенiя. Въ прочемъ уговаривалъ насъ всѣхъ, чтобъ мы не печалились, и увѣрялъ, что подобныя произшествiя бывали и при многихъ другихъ осадахъ, и что сiе дѣлается по военному закону.

Какъ скоро подруги мои начали бродить, то отправили ихъ тотчасъ въ Москву. Я досталась одному боярину, который сдѣлалъ меня своею садовницею, и давалъ мнѣ каждый день по двадцати ударовъ плетьми. Но какъ господина сего чрезъ два года съ тритцатью человѣками другихъ бояръ за какое-то при Дворѣ неспокойство колесовали, то я употребя случай сей во свою пользу, збѣжала. Я всю Россiю прошла насквозь, и была очень долго трактирною служанкою въ Ригѣ, потомъ въ Ростокѣ, въ Висмарѣ, въ Лейпцигѣ, въ Касселѣ, въ Утрехтѣ, въ Лейденѣ, въ Галѣ и въ Ротердамѣ: состарѣлась въ бѣдности и въ безпокойной жизни, съ одною половиною зада, и не забывая ни на часъ, что я Папская дочь: больше ста разъ хотѣла я предать себя смерти, но жизнь мнѣ была еще мила. Странная сiя слабость можетъ быть изъ всѣхъ нашихъ склонностей есть наибѣдственнѣйшая: ибо естьли чтонибудь на свѣтѣ глупѣе, какъ хотѣть носить на себѣ безпрестанно

такое бремя, отъ котораго всякой часъ желаемъ избавиться? имѣть бытїе свое въ омерзѣнїи, и при всемъ томъ не хотѣть съ нимъ разстаться? однимъ словомъ, любить змѣю, которая насъ терзаетъ до тѣхъ поръ, покуда изгрызетъ она наше сердце?

Я видѣла въ тѣхъ земляхъ, гдѣ мнѣ быть случилось, и въ трактирахъ, гдѣ я служила, ужасное множество такихъ людей, которые бытїе свое проклинали; однако нашла только осмерыхъ, которые бѣдность свою добровольно прекратили, троихъ Араповъ, четверыхъ Англичанъ, и одного Нѣмецкаго Профессора, именемъ Робека. Напослѣдокъ служила я у Жида Дона Исахара, онъ приставилъ меня къ вамъ, сударыня; я васъ полюбила, и всегда больше участїя принимала въ вашихъ приключенїяхъ, нежели въ моихъ собственныхъ. Я бы не объявила вамъ никогда и о нещастїяхъ моихъ, естьлибъ вы меня нѣсколько не раздразнили, и естьлибъ не было въ употребленїи препровождать на морѣ время какимъ нибудь расказыванїемъ для прогнанїя скуки. И такъ, сударын., я ужѐ многова навидѣлась, я свѣтъ спознала; склоните для забавы каждаго пассажира расказать вамъ свои приключенїя; и буде изъ всѣхъ хотя одинъ сыщется, который бы жизнь свою когданибудь не проклиналъ, и который бы самъ себѣ часто не говаривалъ, что онъ самый безсчастный человѣкъ на свѣтѣ, то бросьте меня стремглавъ въ воду.

ГЛАВА ТРЕТІЯНАДЕСЯТЬ.

Какимъ образомъ принужденъ былъ Кандидъ разлучиться съ Кунигундою и съ старухою.

Прекрасная Кунигунда услышавши старухину исторію, оказывала ей такое учтивство, какого требовала ея знатность и достоинство. Она согласилась на ея предложеніе и склонила всѣхъ пассажировъ разсказывать одинъ послѣ другаго свои приключенія; Кандидъ и она признались, что старуха говорила правду. Жаль, сказалъ Кандидъ, что премудраго Панглоса противъ обыкновенія въ Ауто-да-фе повѣсили: онъ бы истолковалъ намъ удивительнымъ образомъ естественное и нравственное зло, покрывающее землю и море: а я бы кажется довольно теперь смѣлости имѣлъ здѣлать ему съ почтеніемъ нѣсколько возраженій.

Въ разсказываніяхъ такихъ прибыли они въ Буеносъ-Аиръ. Кунигунда, Капитанъ Кандидъ и старуха пошли къ Губернатору Дону Фернанду д'Ибараа, Фигероа, Маскаренесъ, Лампурдосъ Сузъ. Господинъ сей имѣлъ приличную толь многимъ именамъ и гордость. Онъ говорилъ съ людьми съ наиблагороднѣйшимъ презрѣніемъ, поднявши носъ такъ высоко, толь громкимъ и повелительнымъ голосомъ, и съ такою спесивою осанкою, что всѣ тѣ, которые къ нему на поклонъ приходили, были въ искушеніи его бить. Женскій полъ любилъ онъ даже до безумія. Кунигунда показалась ему такою красавицею, какой онъ никогда не видывалъ. И прежде всего спросилъ онъ, не со-

жительница ли она господина капитана? Видъ, съ каковымъ онъ здѣлалъ сей вопросъ, привелъ Кандида въ робость: онъ не смѣлъ сказать, что она его жена; потому что это бы было неправда: не смѣлъ назвать ее и сестрою, затѣмъ, что и это бы было неправда: и хотя бы такая непорочная ложь могла ему быть и полезною, однако душа его столь была чиста, что онъ, правдѣ измѣнить ни подъ какимъ видомъ былъ не въ состоянїи. Дѣвица Кунигунда, сказалъ онъ, хочетъ мнѣ здѣлать ту честь, чтобъ выйти за меня за мужъ, и мы оба всепокорнѣйше просимъ ваше высокопревосходительство оказать и ваше на сей нашъ бракъ соизволенїе.

Донъ Фернандо д'Ибараа, Фигероа, Маскаренесъ, Лампурдосъ и Суза, поглаживая по своимъ усамъ, улыбнулся со внутреннимъ огорченїемъ, и приказалъ капитану Кандиду, чтобъ онъ шелъ и здѣлалъ смотръ своей ротѣ. Кандидъ вышелъ; губернаторъ остался съ дѣвицею Кунигундою. Онъ объявилъ ей тотчасъ свою страсть, и увѣрялъ ее, что онъ завтра же съ нею обвѣнчается въ церкви, или въ другомъ мѣстѣ, такъ какъ прелестямъ ея за благо разсудится. Кунигунда выпросила у него четверть часа о томъ подумать, посовѣтовать со старухою, и принять намѣренїе.

Старуха говорила Кунигундѣ: Государыня моя, вы щитаете дворянство ваше за 72 колѣна, денегъ у васъ нѣтъ ни полушки, а теперь зависитъ отъ васъ быть супругою наизнатнѣйшаго господина во всей западной Америкѣ; вамъ ли ужѐ искать чести въ непоколебимой вѣрности. Васъ насиловали Булгары; вы были ужѐ въ рукахъ у Жида и у Инквизитора. Въ нещастїи все

простительно. Я признаюсь, что естьлибъ я была на вашемъ мѣстѣ, то не думая ни о чемъ вышла бы тотчасъ за господина губернатора, и здѣлала бы щастіе господина Капитана Кандида. Между тѣмъ какъ старуха говорила съ такимъ благоразсужденіемъ, какое свойственно старымъ и искусившимся людямъ, вошелъ въ гавань небольшой корабль. На немъ пріѣхалъ Алкадъ съ Алгвазилами, а потомъ здѣлалось слѣдующее.

Старуха не ошиблась, что деньги и каменье въ городѣ Бадаіосѣ во время побѣга ихъ съ Кандидомъ укралъ Францисканскій монахъ съ большими рукавами. Монахъ сей принесъ продавать нѣсколько камней къ одному Ювелиру. Купецъ узналъ тотчасъ, что они принадлежали великому Инквизитору. Честный отецъ прежде нежели его повѣсили, повинился, что онъ ихъ укралъ. Онъ показалъ у кого они были, и сказалъ въ которую сторону тѣ люди поѣхали. Побѣгъ Кунигунды и Кандида вездѣ уже былъ извѣстенъ. Погнались за ними въ Кадиксъ. Оттуда отправили далѣе въ погоню корабль. Корабль сей прибылъ уже въ Буеносъ-Айръ. Пронесся слухъ, что пріѣхалъ Алкадъ, и что ищутъ убійцъ его высокопреподобія Инквизитора. Благоразумная старуха смекнула тотчасъ, что было надобно дѣлать. Вамъ бѣжать не для чего, говорила она Кунигундѣ, и нѣчего опасаться; не вы убили его высокопреподобіе: а сверьхъ того губернаторъ любя васъ не допуститъ чтобъ поступили съ вами сурово; останьтесь. Она бросилась тотчасъ къ Кандиду: бѣгите, сказала она ему, или васъ чрезъ часъ сожгутъ. Нечего было мѣшкать; но какъ разстаться съ Кунигундою, и куда бѣжать.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯНАДЕСЯТЬ.

Какимъ образомъ Кандидъ и Какамбо приняты были у Парагайскихъ Езуитовъ.

Кандидъ привезъ съ собою изъ Кадикса слугу, каковыхъ находится очень много на Гишпанскихъ берегахъ и въ селенїяхъ. Онъ былъ четвертая часть Гишпанца. Отецъ его родился отъ Гишпанца и отъ Индїянки въ Тулуманѣ; съ ребячества былъ онъ церьковнымъ пѣвчимъ, потомъ пономаремъ, матросомъ, монахомъ, факторомъ, солдатомъ, а послѣ слугою. Онъ назывался Какамбо, и имѣлъ къ господину своему великую преданность, потому что господинъ его былъ самый добрый человѣкъ. Онъ осѣдлалъ тотчасъ обѣихъ Андалузскихъ лошадей. Садитесь, государь мой, послушаемъ совѣту старухина, побѣжимъ не оглядываючись назадъ. Кандидъ залился слезами: о любезная моя Кунигунда! надобно ли, чтобъ оставилъ я тебя въ то самое время, когда господинъ губернаторъ хочетъ совершить нашъ бракъ! Я завезъ тебя въ такую дальную сторону, что ты теперь будешь дѣлать! Пусть она дѣлаетъ, что хочетъ, сказалъ Какамбо; женщины всегда знаютъ, что имъ дѣлать; Богъ ихъ никогда не оставляетъ; а намъ надобно убираться. Да куда ты меня везешь? Куда мы ѣдемъ? Что намъ дѣлать безъ Кунигунды? говорилъ Кандидъ. Перестаньте Бога ради, сказалъ Какамбо, вы прїѣхали воевать противъ Езуитовъ; поѣдемъ же теперь воевать съ ихъ стороны; дорога мнѣ довольно извѣстна; я про-

веду васъ въ ихъ королевство; они очень будутъ рады такому Капитану, который знаетъ Булгарскую экзерцицію; вы тамъ ужасно будете щастливы: когда въ одномъ свѣтѣ худо, то надобно попытаться въ другомъ: какъ же весело видѣть и дѣлать всегда новое!

По етому ты въ Парагаѣ ужѐ бывалъ? сказалъ Кандидъ. Какъ не бывать, говорилъ Какамбо, я былъ пономаремъ въ Успенской церькви, и всю область честныхъ отцовъ такъ знаю, какъ Кадикскія улицы. Правленіе ихъ удивленія достойно. Королевство сіе имѣетъ въ поперешникѣ болѣе трехъ сотъ миль; оно раздѣлено на тридцать провинцій: честные отцы дѣлаютъ тамъ все, а народъ ничего; правительство тамъ основано на самомъ высочайшемъ степени здраваго разсужденія и правосудія. Что до меня касается, то я не вижу ничего толь божественнаго, какъ святыхъ отцовъ, которые здѣсь съ Королемъ Гишпанскимъ и съ Королемъ Португальскимъ имѣютъ войну, а въ Европѣ обоихъ сихъ Королей исповѣдываютъ; здѣсь Гишпанцовъ убиваютъ, а въ Мадритѣ посылаютъ ихъ въ рай; ето мнѣ очень мило: погоняйте сударь, вы будете скоро наищастливѣйшій человѣкъ въ свѣтѣ. Какъ рады будутъ святые отцы, когда провѣдаютъ, что пріѣхалъ къ нимъ Капитанъ, знающій Булгарскую экзерцицію!

Лишъ только пріѣхали они къ перьвой заставѣ, то Какамбо сказалъ подошедшему къ нему часовому, что нѣкоторый Капитанъ пріѣхалъ къ его Превосходительству Комменданту. Подали о томъ вѣсть на главномъ отводѣ. Одинъ Парагайской Офицеръ побѣжалъ тотчасъ съ сею вѣдомостью къ Коммендану. Прежде всего Кан-

дида и Какамбо обезоружили; и взяли у нихъ Андалузскихъ лошадей. Обоихъ чужестранцовъ ввели въ лагерь въ провожанiи двухъ шереногъ солдатъ; Коммендантъ находился на самомъ концѣ. Шапка на немъ была съ тремя рогами, ряса подоткнута, на бедрѣ палашъ, а въ рукахъ эспантонъ. По данному отъ него знаку, тотчасъ окружили обоихъ новопрiѣзжихъ двадцать четыре человѣка солдатъ; одинъ изъ сержантовъ сказалъ имъ, чтобъ они подождали, и что Коммендантъ съ ними говорить еще не можетъ, потому что честнѣйшiй отецъ Провинцiалъ изволилъ запретить, чтобъ ни одинъ Гишпанецъ не отворялъ рта, какъ токмо въ его присутствiи, и не былъ бы въ ихъ области болѣе трехъ часовъ. Да гдѣжъ теперь честнѣйшiй отецъ Провинцiалъ? сказалъ Какамбо. Онъ отслуживши мшу изволилъ пойти въ парадъ, отвѣчалъ сержантъ, и вы не прежде удостоитесь приложиться къ его шпорамъ, какъ черезъ три часа. Но господинъ Капитанъ, которой также какъ и я умираетъ съ голоду, не Гишпанецъ, сказалъ Какамбо, но Нѣмецъ; не можно ли намъ, пока его высокопреподобiе не изволитъ прибыть, нѣсколько позавтракать?

Сержантъ обьявилъ о томъ тотчасъ Комменданту. Слава Богу, сказалъ святый сей отецъ, когда онъ Нѣмецъ, то могу съ нимъ говорить, приведите его ко мнѣ. Тотчасъ привели Кандида въ здѣланную изъ зелени бесѣдку, украшенную весьма изрядными колоннами зеленаго мармора и позолотою: она окружена была клѣтками, въ коихъ находились попугаи, колибри, такъ называемыя мушки, пинтады и всѣ самыя рѣдкiя птицы. Приготовленъ былъ великолѣпный зав-

тракъ въ золотыхъ сосудахъ; и между тѣмъ, какъ Парагайцы ѣли сарачинское пшено изъ деревянныхъ чашъ на открытомъ полѣ, и пеклись на солнечномъ зною, вошелъ въ бесѣдку почтенный отецъ Коммендантъ.

Онъ былъ весьма пригожій молодецъ, лице имѣлъ полное, бѣлое, румяное, брови высокія, глаза живые, уши красныя, губы румяныя, видъ гордый; но гордость его не походила ни на Гишпанскую, ни на Езуитскую. Кандиду и Какамбу отдали назадъ ихъ оружіе, и обѣихъ Андалузскихъ лошадей; Какамбо посыпалъ имъ подлѣ бесѣдки овса, и не спускалъ ихъ съ глазъ, опасаясь похищенія.

Кандидъ поцѣловалъ сперьва полу Коммендантовой рясы, потомъ сѣли за столъ. Такъ вы Нѣмецъ? спросилъ у него Езуитъ по Нѣмецки. Нѣмецъ, честнѣйшій отче, отвѣчалъ Кандидъ. Выговоривши сіи слова смотрѣли они другъ на друга съ крайнимъ удивленіемъ, и съ такимъ внутреннимъ движеніемъ, что оба были внѣ себя. А изъ котораго вы мѣста Нѣмецкой земли? спросилъ Езуитъ. Изъ Салы Вестфальской провинціи, сказалъ Кандидъ: я родился въ замкѣ Тгун-дер-тен-трункгѣ. Боже мой! Возможно ли, вскричалъ Коммендантъ. Какое чудо! вскричалъ Кандидъ. Ты ли это! говорилъ Коммендантъ. Этому не льзя статься, отвѣтствовалъ Кандидъ. Они оба упали навзничь, обнимались, и проливали ручьи слезъ. Какъ! такъ это вы, честный отецъ! вы братецъ прекрасной Кунигунды! вы, котораго убили Булгары; вы сынъ господина Барона! вы Езуитъ въ Парагаѣ! Надобно признаться, что свѣтъ сей чудно устроенъ. О Панглосъ! Панглосъ! Какъ же бы ты теперь радовался, естьлибъ тебя не повѣсили!

Коммендантъ отослалъ отъ себя всѣхъ черныхъ невольниковъ и Парагайцовъ, которые подавали при столѣ напитки въ стаканахъ восточнаго хрусталя. Онъ благодарилъ Бога и святаго Игнатія изъ глубины сердца; прижималъ Кандида къ груди; слезы текли у нихъ какъ градъ. Вы еще гораздо больше удивитесь, сказалъ Кандидъ, больше сжалитесь, и въ большее придете восхищеніе, когда я вамъ скажу, что сестрица ваша Кунигунда, о которой вы думаете, что ее закололи, находится въ добромъ здоровьѣ. Гдѣ? Въ вашемъ сосѣдствѣ, у господина Губернатора Буеносъ-Аирскаго; а я пріѣхалъ противъ васъ воевать. По произношеніи каждаго слова во весь ихъ долговременный разговоръ являлось чудо за чудомъ. Вся душа ихъ видась у нихъ на языкѣ, была въ ушахъ, и блистала и въ глазахъ. Будучи Нѣмцы, просидѣли они за столомъ очень долго, въ ожиданіи преподобнаго отца Провинціала. Коммендантъ расказывалъ любезному своему Кандиду слѣдующее.

ГЛАВА ПЯТАЯНАДЕСЯТЬ.

Какъ убилъ Кандидъ брата прекрасной своей Кунигунды.

Я во весь мой вѣкъ не забуду того ужаснаго дня, въ которой убили при моихъ глазахъ отца моего и мать, и изсиловали сестру. По отшествіи Булгаровъ, любезной сестры моей нигдѣ не могли сыскать, а матушку, батюшку и меня, двухъ служанокъ и трехъ задавленныхъ малыхъ положили въ телегу, и повезли погребать у

Езуитской часовни въ двухъ миляхъ отъ замка моихъ родителей. Одинъ Езуитъ сталъ насъ кропить святою водою: она была ужасно солона, попало мнѣ нѣсколько капель въ глаза. Честный сей отецъ примѣтилъ, что одна ресница у меня немножко трогалась: онъ приложилъ мнѣ руку къ сердцу, и ощупалъ, что оно еще бьется: ускорили подать мнѣ помощь, такъ что по прошествіи трехъ недѣль я со всѣмъ выздоровѣлъ. Ты знаешь, любезный мой Кандидъ, что я былъ очень пригожъ, а послѣ того сталъ еще пригожѣе; по причинѣ сей честный отецъ Дидрій, настоятель Езуитской сей обители, крайне меня полюбилъ: онъ взялъ меня подъ искусъ; чрезъ нѣсколько времени отправили меня въ Римъ. Отецъ Генералъ набиралъ Нѣмецкихъ Езуитовъ. Парагайскіе Самодержцы убѣгаютъ, сколько можно, Гишпанскихъ Езуитовъ: они лучше любятъ иностранныхъ, затѣмъ, что думаютъ найти въ нихъ больше покорности и послушанія. Его высокопреподобіе призналъ меня къ насажденію сего винограда способнымъ. Я поѣхалъ, а со мною одинъ Полякъ и Тиролецъ. По прибытіи посвятили меня поддіакономъ, и здѣлали Порутчикомъ. Теперь я Полковникъ и священникъ. Мы встрѣтимъ войско Короля Гишпанскаго храбро, я увѣряю тебя, что они будутъ и прокляты и побиты. Предвѣденіе прислало намъ тебя на помощь. Но правда ли, что любезная моя сестрица Кунигунда у насъ въ сосѣдствѣ, и живетъ у Губернатора Буеносъ-Айрскаго? Кандидъ клялся, что онъ говоритъ ему самую правду. Вторично полились у нихъ изъ глазъ слезы.

Баронъ Кандида безпрестанно обнималъ; называлъ его братомъ и благодѣтелемъ. Ахъ! можетъ быть, говорилъ онъ ему, войдемъ мы, любезный Кандидъ, въ городъ сей побѣдителями, и возвратимъ сестру мою Кунигунду! Дай богъ! сказалъ Кандидъ; потому что я думалъ на ней жениться, да и теперь еще не отчаяваюсь. Какъ! вскричалъ Баронъ, ты грубїянъ можешь столько быть безстыденъ, что думаешь жениться на моей сестрѣ, которая щитаетъ свое благородство за 72 колѣна? Ты бездѣльникъ смѣешь говорить при мнѣ о такомъ дерзскомъ намѣренїи! Кандидъ окаменѣвши отъ такого привѣтствїя отвѣчалъ: честнѣйшїй отче, всѣ поколѣнїя въ свѣтѣ не могутъ тому препятствовать; я избавилъ сестрицу вашу изъ Жидовскихъ и Инквизиторскихъ рукъ, я показалъ ей многїя услуги, и она сама хочетъ за меня выйти; господинъ Панглосъ всегда мнѣ говаривалъ, что всѣ люди между собою равны, и я на ней конечно женюсь. Увидимъ, бездѣльникъ! сказалъ Езуитъ Баронъ Фонъ Тгун-деръ-тен-трункгъ; и въ то самое время вынявши шпагу ударилъ его изъ всей силы плашмемъ по лицу. Кандидъ выхватилъ тотчасъ свою, и вонзилъ ее въ брюхо Барону Езуиту по самый ефесъ; но вытащивши ее назадъ всю въ крови, сталъ плакать. Ахъ Боже мой! говорилъ онъ, я закололь стараго моего господина, друга моего и шурина! я самый лучшїй человѣкъ въ свѣтѣ, а убилъ уже трехъ мнѣ подобныхъ, и между сими троими двухъ священныхъ особъ!

Какамбо, который стоялъ у дверей бесѣдки на карауле, прибѣжалъ на крикъ. Намъ больше ничего не осталось, сказалъ ему Кандидъ, какъ защищаться до послѣдней капли крови; въ

бесѣдку теперь конечно войдутъ: умремъ съ ружьемъ въ рукахъ! Какамбо, который видывалъ дѣла и мудренѣе сего, не оробѣлъ: онъ снялъ съ Барона Езуитскую одежду, надѣлъ ее на Кандида, надѣлъ на него и четвероугольную покойникову шапку, и посадилъ его на лошадь. Все сіе здѣлалъ онъ въ одинъ мигъ. Поскачемъ, сударь, теперь всѣ почтутъ васъ за Езуита ѣдущаго съ указами; мы переѣдемъ за границу прежде нежели еще за нами погонятся. Говоря сіе онъ ужѐ летѣлъ и кричалъ по Гишпански: поди! поди! дайте мѣсто честнѣйшему отцу Полковнику.

ГЛАВА ШЕСТАЯНАДЕСЯТЬ.

Что приключилось нашимъ странствующимъ, съ двумя дѣвушками и двумя обезьянами, и съ дикими людьми, называемыми *Орелїоны*.

Кандидъ и слуга его были ужѐ за границею, а въ лагерѣ еще никто не зналъ о смерти Нѣмецкаго Езуита. Проворный Какамбо не забылъ наполнить сумы своей хлѣбомъ, шоколатомъ, окороками, плодами и нѣсколькими мѣрами вина. Они заѣхали на Андалузскихъ своихъ лошадяхъ въ незнаемую землю, въ которой не видно было ни одной дороги. Напослѣдокъ увидѣли они передъ собою прекрасный лугъ, по которому извивались многїе ручьи. Странствующїе наши вздумали тутъ кормить лошадей. Какамбо предложилъ своему господину, не хочетъ ли онъ покушать,

и подалъ ему тотчасъ примѣръ. Какъ можешь ты отъ меня требовать, говорилъ Кандидъ, чтобъ поѣлъ я окорока, убивши сына господина Барона, и будучи осужденъ не видать во всю мою жизнь прекрасную Кунигунду? Какая мнѣ въ томъ польза, что буду я стараться продлить безчастные мои дни, когда уже я долженъ провождать ихъ въ разлукѣ съ нею, въ мученіи и въ отчаяніи? И что объ етомъ напишутъ въ Тревусскомъ журналѣ?

Говоря такимъ образомъ, самъ однако ѣлъ. Солнце уже закатилось. Оба заблудившіеся услышали небольшій крикъ, который походилъ на женскій. Они не знали печальный ли онъ былъ, или радостный. Однако встали тотчасъ съ немалымъ безпокойствомъ и страхомъ, какъ то обыкновенно съ людьми въ незнакомой землѣ бываетъ. Крикъ сей происходилъ отъ двухъ дѣвушекъ, которыя были со всѣмъ нагія, и бѣжали потихоньку по лугу, между тѣмъ, какъ двѣ обезьяны гонясь за ними кусали ихъ бедра. Кандидъ пришелъ въ жалость. Будучи у Булгаровъ, научился онъ стрѣлять: онъ сострѣливалъ съ куста орѣхъ не коснувшись листьямъ. Схватилъ тотчасъ свою Гишпанскую двуствольную фузею, приложился, и убилъ обѣихъ обезьянъ. Слава Богу, любезный Какамбо, я избавилъ сихъ двухъ бѣдныхъ дѣвушекъ отъ великаго нещастія. Естьли я предъ Богомъ согрѣшилъ убивши Инквизитора и Езуита, то заслужилъ себѣ вѣрно въ томъ прощеніе спасши жизнь двумъ дѣвушкамъ. Может быть онѣ знатной породы; и такъ приключеніе сіе принесетъ намъ въ землѣ сей весьма великую пользу.

Онъ хотѣлъ говорить болѣе, но языкъ у него окостенѣлъ, когда онъ увидѣлъ, что сіи двѣ дѣвушки обнимали жалостнымъ образомъ обѣихъ обезьянъ, утопали лежа на нихъ въ слезахъ, и наполняли воздухъ наипечальнѣйшимъ воплемъ. Я не думалъ чтобъ онѣ столь были добродушны, сказалъ онъ напослѣдокъ Какамбу. Изрядное вы дѣло здѣлали, отвѣчалъ сей послѣдній; вы застрѣлили у дѣвушекъ двухъ ихъ любовниковъ. Ихъ любовниковъ! можетъ ли ето статься? ты шутишь Какамбо; я етому вѣкъ не повѣрю. Ахъ! государь мой, отвѣчалъ Какамбо, вы всему на свѣтѣ удивляетесь; по чему вамъ такъ странно кажется, что есть въ нѣкоторыхъ земляхъ обезьяны, которыхъ любятъ женщины? Они также четверть человѣка, какъ и я четверть Гишпанца. Увы! говорилъ Кандидъ, помнится сказывалъ мнѣ господинъ Панглосъ, что подобныя сему произшествія бывали и въ старину, и что отъ такой смѣси произошли Эгипаны, Фауны и Сатиры, которыхъ многіе великіе мужи въ древности своими глазами видали. Однако, я думаю, вы совершенно увѣрены, сказалъ Какамбо, что ето правда, и видите, какъ разсуждаютъ люди не имѣвшіе надлежащаго воспитанія. Я боюсь только того, чтобъ сіи госпожи не надѣлали намъ какихъ хлопотъ.

Сіи основательныя разсужденія побудили Кандида съ поля убраться подалѣе, и заѣхать въ лѣсъ. Они тамъ съ Какамбомъ поужинали, и оба побранивши Португальскаго Инквизитора, Губернатора Буеносъ-Аирскаго и Барона, уснули на травѣ. Проснувшись почувствовали, что они не могутъ поворотиться; причина тому была та, что Орелъоны, тамошніе жители, провѣдавши

обѣ нихъ отъ женщинъ опутали ихъ веревками сплетенными изъ лыкъ. Они увидѣли себя окруженныхъ пятьюдесять Орелïонами, которые были со всемъ наги, вооружены стрѣлами, палицами и сѣкирами выточенными изъ камней: одни варили воду въ превеликомъ котлѣ; другïе приготовляли рожны, и всѣ до одного кричали: ето Езуитъ, ето Езуитъ; мы ему отмстимъ и наѣдимся до сыта; поѣдимъ Езуитины! поѣдимъ Езуитины!

Я вамъ говорилъ, любезный мой господинъ, вскричалъ печальнымъ голосомъ Какамбо, что сïи двѣ дѣвушки надѣлаютъ намъ пакости. Кандидъ увидѣвши котелъ и рожны, вскричалъ: насъ вѣрно, или сварятъ, или изжарятъ. Ахъ! чтобы сказалъ Философъ Панглосъ, естьлибъ теперь посмотрѣлъ, что дѣлаетъ одна натура не имѣющая просвѣщенïя? Все на свѣтѣ здѣлано хорошо; пусть такъ; но я признаюсь, что ето очень прискорбно, чтобъ лишиться дѣвицы Кунигунды, и быть взоткнуту на рожонъ Орелïонами. Какамбо и тогда не оробѣлъ; не отчаявайтесь ни въ чемъ, сказалъ онъ унылому Кандиду: я разумѣю нѣсколько ихъ языкъ, я съ ними поговорю. Не забудь, сказалъ Кандидъ, представить имъ, какое ето ужасно безчеловѣчное дѣло варить людей, и сколь противно оно Христïанскому закону.

Государи мои, говорилъ Какамбо, такъ вы думаете севодни покушать Езуитины; вы очень разумно дѣлаете: ничто такъ не справедливо, какъ поступать такимъ образомъ со своими непрïятелями. И въ самомъ дѣлѣ, естественное право научаетъ насъ убивать нашего ближняго; такъ поступаютъ и во всемъ свѣтѣ. А что не

пользуемся правомъ симъ мы, то ето только за тѣмъ, что у насъ есть довольно и другой хорошей пищи; а вамъ того недостаетъ, и такъ конечно лучше непрiятелей своихъ ѣсть, нежели бросать плоды своей побѣды воронамъ и галкамъ. Однакожъ, государи мои, я думаю вы не захотите съѣсть вашихъ прiятелей. Вы думаете воткнуть на рожонъ Езуита, а вмѣсто того изжарите своего защитника и врага вашихъ непрiятелей. Что до меня касается, я родился въ вашей землѣ; человѣкъ, котораго вы передъ собою видите, есть мой господинъ, и не только онъ не Езуитъ, но самъ сей часъ убилъ Езуита, и надѣлъ на себя его платье; вотъ что васъ привело въ соблазнъ: а чтобъ совершенно увѣриться о сей истиннѣ, то снимите съ него рясу, отнесите ее къ первой заставѣ королевства Езуитскаго, и освѣдомтесь, убилъ ли господинъ мой одного Езуитскаго офицера. Времени на ето не много надобно: вы еще успѣете насъ скушать, когда увидите, что я васъ обманулъ. Естьли же сказалъ правду, то я увѣренъ, что знаючи совершенно общенародное право, нравы и законы, не преминете насъ пощадить.

Орелiонамъ рѣчь сiя показалась очень справедливою: они отправили тотчасъ двухъ человѣкъ изъ знатнѣйшихъ о томъ освѣдомиться. Посланные исполнили порученное имъ дѣло какъ разумные и смышленные люди, и возвратились съ прiятною вѣдомостью. Орелiоны своихъ плѣнныхъ развязали, оказывали имъ всякiя учтивости, потчивали ихъ своими дочерьми, принесли имъ всякихъ фруктовъ, и проводили ихъ до самыхъ границъ земли своей при радостномъ восклицанiи: онъ не Езуитъ! онъ не Езуитъ! Кан-

дидъ немогъ надивиться причинѣ своего избавленія. Какой народъ! говорилъ онъ, какіе люди! какіе нравы! естьли бы я не имѣлъ щастія проколоть насквозь брата дѣвицы Кунигунды, то бы я ужѐ былъ безъ всякой милости съѣденъ. Но какъ ни разсуждай, непросвѣщенная натура сама по себѣ хороша, потому что люди сіи вмѣсто того, чтобъ меня съѣсть, оказали мнѣ всякія учтивости, какъ скоро узнали, что я не Езуитъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Прибытіе Кандида и слуги его въ Ельдорадскую землю, и что они тамъ видѣли.

Доѣхавши до Орелïонскихъ границъ, видите, сказалъ Какамбо, что и здѣшняя половина земнаго шара не лучше другой; повѣрьте мнѣ, поѣдемъ опять въ Европу самою ближайшею дорогою. Какъ туда ѣхать? сказалъ Кандидъ, и куда? Естьли я возвращусь въ мою землю, то Булгары и Абарцы всѣхъ тамъ давятъ; буде же ѣхать опять въ Португаллію, то меня тамъ сожгутъ; а когда здѣсь останемся, то надобно всякой часъ бояться, чтобъ не взоткнули насъ на рожонъ. Да и какъ можно разстаться съ тою частію свѣта, въ которой обитаетъ дѣвица Кунигунда!

Поворотимъ въ Кайену, сказалъ Какамбо, мы найдемъ тамъ Французовъ, которые ходятъ по всему свѣту: они могутъ намъ помочь, Богъ надъ нами можетъ быть умилосердится.

Путь въ Кайену былъ трудноватъ: они хотя и имѣли нѣкоторое понятїе, въ которую сторону имъ ѣхать, но горы, рѣки, стремнины, разбойники и дикїе люди предполагали имъ повсюду ужасныя препятствїя. Лошади ихъ издохли отъ труда, провизїя почти вся изошла, цѣлый мѣсяцъ питались они одними дикими плодами, и доѣхали напослѣдокъ до маленькой рѣчки; по берегамъ оной росли кокосовыя деревья, которыя спасли имъ животъ, и возобновили ихъ надежду.

Какамбо, который всегда не хуже старухи давалъ совѣты, сказалъ Кандиду: у насъ ужѐ не служатъ ноги, полно итти, я вижу на берегу пустое судно, наполнимъ его кокосами, бросимся въ него, и пустимся въ низъ по водѣ; рѣка выходитъ всегда въ какоенибудь обитаемое мѣсто. Естьли не найдемъ мы ничего прїятнаго, то по крайней мѣрѣ увидимъ что нибудь новое. Хорошо, сказалъ Кандидъ, препоручимъ себя провидѣнїю.

Они плыли нѣсколько миль между берегами, которые индѣ были злачны, индѣ сухи, индѣ ровны, индѣ круты. Рѣка часъ отъ часу становилась ширѣ, напослѣдокъ уходила подъ ужасныя плитныя горы, поднимающїяся до облаковъ. Странствующїе наши столько были смѣлы, что пустились по водѣ подъ сей сводъ. Рѣка будучи въ семъ мѣстѣ ўже, понесла ихъ съ ужаснымъ стремленїемъ и шумомъ. Чрезъ 24 часа увидѣли они опять свѣтъ; но судно ихъ разбилось о камни. Надобно было перебираться съ камня на камень цѣлую милю, наконецъ увидѣли они передъ собою безконечную площадь, окруженную неприступными горами. Земля сїя произращала

всѣ и необходимые и къ забавѣ служащїе плоды. Повсюду нужное соединено было съ прїятнымъ. Дороги были покрыты, или лучше сказать, украшены великимъ множествомъ колясокъ здѣланныхъ изъ блестящей матерїи, въ которыхъ сидѣли мужчины и женщины удивительной красоты, и ѣхали очень скоро на большихъ красныхъ баранахъ, которые рѣзвѣе бѣжали, нежели самыя лучшїя Андалузскїя, Тетуанскїя и Меквинецкїя лошади.

Напослѣдокъ мы нашли, сказалъ Кандидъ, землю, которая лучше Вестфалїи. Онъ вышелъ съ Какамбомъ на берегъ у первой деревни. Нѣсколько деревенскихъ мальчиковъ, въ золотомъ парчевомъ платьѣ, повсюду изодранномъ, играли передъ деревнею плитками. Выходцы наши съ другаго свѣту остановились на нихъ посмотрѣть; плитки ихъ были широковаты, круглы, желтаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ, и блистали отмѣннымъ образомъ. Вздумалось проѣзжимъ нѣсколько оныхъ поднять и разсмотрѣть. Это было золото, изумруды, красные яхонты, изъ которыхъ самый послѣднїй составлялъ бы наидрагоцѣннѣйшее украшенїе трона великаго Могола. Конечно, сказалъ Какамбо, это дѣти здѣшняго Короля. Въ самое то время вышелъ учитель той деревни, и погналъ ихъ въ школу. Вотъ, сказалъ Кандидъ, и учитель Королевской фамилїи.

Ребятишки бросили тотчасъ игру, и оставили камешки и всѣ свои игрушки на улицѣ. Кандидъ оные подобравши, бѣжалъ за учителемъ, и поднесъ ихъ ему весьма униженнымъ образомъ, давая ему знать, что ихъ королевскїя высочества позабыли золото свое и драгоцѣнные камни

на улицѣ. Деревенскій учитель улыбнувшись бросилъ ихъ на землю, посмотрѣлъ Кандиду въ глаза съ великимъ удивленіемъ, и пошелъ своею дорогою.

Проѣзжіе не преминули подобрать золото, изумруды и яхонты. Гдѣ мы, вскричалъ Кандидъ! надобно думать, что дѣти здѣшняго Короля воспитываются очень хорошо, когда ужѣ научаютъ ихъ презирать золото и дорогіе камни. Какамбо былъ въ не меньшемъ удивленіи, какъ и Кандидъ. Напослѣдокъ подошли они къ перьвому въ деревнѣ дому: онъ былъ построенъ не хуже Европейскихъ дворцовъ. У воротъ стояло множество людей, а въ домѣ было еще и того больше. Слуху представлялась весьма пріятная музыка, а обоняніе услаждалъ преизящный запахъ отъ кухни. Какамбо подошелъ къ дверямъ и услышалъ, что говорятъ по Перувіански. Его былъ природный его языкъ; ибо всему свѣту извѣстно, что Какамбо родился въ Тукуманѣ, въ деревнѣ, гдѣ инако не говорятъ, какъ только симъ языкомъ. Я буду вашъ толмачъ, сказалъ онъ Кандиду; войдемъ въ горницу, здѣсь корчма.

Тотчасъ подошли къ нимъ двое слугъ и двѣ дѣвушки; платье на нихъ было изъ золотой парчи, а волосы перевязаны лѣнточками: они просятъ ихъ за хозяйской столъ. Подали четыре блюда, изъ которыхъ на каждомъ было по два попугая, кусокъ варенаго мяса, вѣсомъ въ 200 фунтовъ, двухъ весьма вкусно изжареныхъ обезьянъ, триста колибріевъ на одномъ блюдѣ, а на другомъ шесть сотъ, такъ называемыхъ мушекъ (родъ птицъ), поставили превкусныя похлебки и пирожное; все же сіе на блюдахъ самороднаго хрусталя: слуги и служанки подносили разные напитки, сдѣланные изъ сахарнаго тростника.

Гости по большой части были купцы и извощики, все люди весьма учтивые; они здѣлали Какамбу нѣкоторые вопросы съ крайнею скромностїю, и отвѣчали на то, о чемъ и онъ у нихъ спрашивалъ, разумно и обстоятельно. По окончанїи стола Какамбо и Кандидъ думали о себѣ, что они очень были щедры, когда бросили за обѣдъ хозяину на столъ два изъ тѣхъ широкихъ кусковъ золота, которые подняли на улицѣ: хозяинъ и хозяйка захохотали, и каталисъ долгое время со смѣху. Напослѣдокъ перестали. Государи мои, сказалъ хозяинъ, мы видимъ, что вы прїѣхали изъ чужихъ краевъ, мы иностранныхъ рѣдко видаемъ. Не погнѣвайтесь, что мы засмѣялись увидя, что вы платите намъ каменьемъ съ нашихъ большихъ дорогъ. Конечно нѣтъ у васъ здѣшней монеты; однако здѣсь за обѣдъ денегъ не надобно. Всѣ трактиры, учрежденные у насъ для удобности купечества, содержатся на казенномъ иждивенїи. Вы потчиваны здѣсь очень дурно, потому что деревня наша бѣдна; но повсюду въ другихъ мѣстахъ будете вы приняты по вашему достоинству. Какамбо пересказывалъ все сїе Кандиду, а Кандидъ слушалъ съ такимъ же удивленїемъ, и съ такимъ же изумленїемъ, съ какимъ ему другъ его Какамбо расказывалъ. Чтожъ это за земля, спрашивали они одинъ у другаго, про которую нигдѣ не слышно, и въ которой все естество отъ нашего со всѣмъ отмѣнно? Конечно это та земля, гдѣ все хорошо; ибо необходимо надобно, чтобъ такая земля гдѣнибудь была: и что бы учитель Панглосъ ни говорилъ, однако я часто видалъ, что у насъ въ Вестфалїи не все дѣлается наилучшимъ образомъ.

ГЛАВА ОСЬМАЯНАДЕСЯТЬ.

Что они видѣли въ Ельдорадской землѣ.

Какамбо изъявилъ передъ хозяиномъ все свое любопытство. Хозяинъ сказалъ ему: я человѣкъ очень простой, и простотою моею доволенъ; а есть у насъ здѣсь старичокъ служившей при дворѣ, который почитается за ученнѣйшаго и за словохотнѣйшаго человѣка во всемъ королевствѣ. Тотчасъ повелъ онъ Какамба къ сему старику. Кандидъ представлялъ ужѐ вторую персону, и шелъ за своимъ слугою. Они вошли въ весьма простой домикъ, въ которомъ двери были только серебряныя, а внутренніе въ покояхъ уборы золотые; но все было здѣлано съ такимъ вкусомъ, что не уступало самымъ драгоцѣннѣйшимъ украшеніямъ. Прихожая горница, хотя правду сказать, и выкладена была только красными яхонтами и изумрудами; однако крайняя простота сія довольно награждалась порядкомъ, въ которомъ все было уставлено.

Старикъ принялъ чужестранныхъ сидя на софѣ набитой колибриными перьями, и потчивалъ ихъ напитками изъ алмазныхъ сосудовъ; потомъ удовольствовалъ любопытство ихъ слѣдующимъ образомъ.

Я живу на свѣтѣ 172 года, и наслышался отъ отца моего, который былъ Королевскимъ конюшимъ, о происходившихъ въ Перу ужасныхъ смятеніяхъ при его глазахъ. Королевство, въ которомъ мы живемъ, есть старинное отечество Инкасовъ, которые оставивъ его безразсудно, пошли покорять подъ владѣніе свое нѣкоторую

часть свѣта, и напослѣдокъ всѣ погибли отъ Гишпанскихъ рукъ.

Принцы ихъ фамилiи, оставшiеся въ природной своей землѣ, были гораздо умнѣе: они здѣлали запрещенiе съ пароднаго согласiя, чтобъ ни одинъ изъ здѣшнихъ жителей не выѣзжалъ никогда изъ нашего маленькаго королевства въ чужiя области; а сiе самое сохранило намъ и непорочность нашу и благополучiе. Гишпанцы имѣли о землѣ сей темное понятiе: они называли ее *el Dorado*; а одинъ Англичанинъ, называемый Шевалье *Ралегъ*, подъѣзжалъ къ намъ, лѣтъ сто назадъ тому, очень близко; но мы будучи окружены неприступными каменными горами и стремнинами, по сiе время находимся внѣ опасности отъ хищенiя Европейскихъ народовъ, которые имѣютъ непонятную жадность до нашихъ камней и грязи, такъ что для етой дряни конечно бы всѣхъ насъ до одного перебили.

Разговоръ продолжался долго; онъ касался до правленiя земли, до нравовъ, до женскаго пола, до публичныхъ позорищъ и до художествъ. Наконецъ Кандидъ, будучи всегда страстный любитель Метафизики, велѣлъ Какамбу спросить, есть ли у нихъ въ землѣ какаянибудь вѣра.

Старикъ нѣсколько осердился; какъ не имѣть вѣры, сказалъ онъ, и можете ли вы въ томъ сумнѣваться? Развѣ вы насъ неблагодарными почитаете? Какамбо спросилъ униженнымъ образомъ: какая же въ Эльдорадѣ вѣра? Старикъ опять осердился. Можно ли быть на свѣтѣ двумъ вѣрамъ? сказалъ онъ; у насъ, я думаю, такая же вѣра, какая и во всемъ свѣтѣ; мы молимся Богу отъ утра до вечера. Такъ вы молитесь только одному Богу? сказалъ Какамбо, который

переводилъ всегда сумнѣнія Кандидовы. Конечно одному, сказалъ старикъ; за тѣмъ что нѣтъ ни двухъ, ни трехъ, ни четырехъ.

Я признаюсь вамъ, что люди вашего свѣта весьма чудные вопросы дѣлаютъ. Кандидъ не переставалъ у добраго сего старичка далѣе спрашивать: онъ хотѣлъ знать, какъ въ Элдорадѣ молятся Богу. Мы у него никогда ничего не просимъ, отвѣчалъ почтенный мужъ; намъ просить у него нѣчего; онъ далъ намъ все, что намъ надобно; мы только безпрестанно его благодаримъ. Кандиду захотѣлось посмотрѣть ихъ поповъ, онъ велѣлъ спросить, гдѣ они. Старикъ улыбнулся. Други мои, сказалъ онъ, мы всѣ попы; Король и всѣ начальники фамилій поютъ торжественно благодарственныя пѣсни по всякое утро, а пять или шесть тысячь музыкантовъ препровождаютъ пѣніе ихъ на инструментахъ. Какъ! у васъ по етому нѣтъ и монаховъ, которые учатъ, спорятъ, управляютъ народомъ, дѣлаютъ заговоры, и которые жгутъ людей, какъ скоро кто не одного съ ними мнѣнія? Надобно чтобъ мы были очень глупы, сказалъ старикъ; у насъ здѣсь у всѣхъ одно мнѣніе, и намъ вовсе не извѣстно, что вы разумѣете чрезъ вашихъ монаховъ. Кандидъ слышавъ такое повѣствованіе былъ внѣ себя, и разсуждалъ самъ съ собою: здѣсь со всѣмъ другое дѣло, нежели въ Вестфаліи и въ замкѣ господина Барона: естьли бы другъ нашъ Панглосъ посмотрѣлъ Эльдорадо, то не сталъ бы онъ больше говорить, что замокъ Тгун-деръ-тен-трункъ былъ самый лучшій замокъ въ свѣтѣ; правда, надобно ѣздить въ чужіе краи!

По окончаніи сего долговременнаго разговора добродушный старикъ велѣлъ заложить карету въ 6 барановъ, и далъ нашимъ заѣзжимъ двенадцать человѣкъ своихъ людей проводить ихъ ко Двору. Извините меня, говорилъ онъ имъ, что старость моя лишаетъ меня чести съ вами ѣхать. Король приметъ васъ такъ, что вы будете имъ довольны, и я не сумнѣваюсь, чтобъ не простили вы намъ въ нашихъ обыкновеніяхъ, естьли имѣемъ мы такія, которыя вамъ не нравятся.

Кандидъ и Какамбо сѣли въ карету, бараны летѣли, и меньше нежели въ четверть часа довезли ихъ до королевскихъ палатъ, построенныхъ на краю города. Ворота были въ 200 футовъ вышиною и во 100 футовъ шириною; не можно изъяснить изъ какой матеріи они были здѣланы. Довольно ужѐ видно, сколь великое превосходство должны они имѣть передъ тѣми кремнями и пескомъ, которые называемъ мы золотомъ и дорогими каменьями.

Двадцать прекрасныхъ дѣвушекъ, которыя были тогда на караулѣ, втрѣтили Кандида и Какамба при выходѣ изъ кареты, повели ихъ въ бани, надѣли на нихъ платье вытканное изъ колибринаго пуху; потомъ знатные придворные господа и госпожи проводили ихъ въ комнату Его Величества сквозь два ряда, изъ которыхъ въ каждомъ стояло по 100 музыкантовъ, какъ всякой день бываетъ. Подходя къ аудіенцъ залѣ, Какамбо спросилъ у одного вельможи, какимъ образомъ поступаютъ при засвидѣтельствованіи самоличнаго почтенія Его Величеству? на колѣни ли становятся, или ложатся на брюхо; на голову ли руку кладутъ, или на заднюю часть

тѣла, и лижутъ ли языкомъ пыль съ полу; однимъ словомъ, какая при томъ наблюдается церемонія? По нашему обыкновенію, сказалъ вельможа, Короля обнимаютъ и цѣлуютъ его въ обѣ щоки. Кандидъ и Какамбо бросились Его Величеству на выю, который принялъ ихъ со всею возможною милостію, и просилъ ихъ учтивымъ образомъ, чтобъ они съ нимъ отужинали.

Между тѣмъ повезли ихъ смотрѣть города, публичныхъ зданій возведенныхъ до облаковъ, торжищъ украшенныхъ тысячью столбами, фонтановъ чистой воды, фонтановъ розовой воды, и другихъ, изъ коихъ били ликеры, здѣланные изъ сахарнаго тросника, упадающіе въ пространные прудки, которые выкладены были нѣкоторымъ родомъ драгоцѣнныхъ каменьевъ, испускающихъ отъ себя запахъ подобной гвоздишному и коришному.

Кандидъ спрашивалъ, чтобъ показали ему, гдѣ у нихъ судебныя мѣста, гдѣ парламентъ. Но имъ говорятъ, что у нихъ ничего такого нѣтъ, и что они никогда не судятся. Спрашиваетъ, есть ли у нихъ тюрмы? Отвѣчаютъ, что и тюремъ нѣтъ. Больше всего дивился онъ и радовался, увидя палаты посвященные наукамъ, въ которыхъ показали ему галлерію въ 2000 шаговъ длиною, украшенную повсюду физическими опытами.

Осмотрѣвши съ самаго утра до вечера едва тысячную часть города, возвратились они къ Королю. Кандидъ сидѣлъ за столомъ между Его Величествомъ, слугою своимъ Какамбомъ, и нѣкоторыми дамами. Никогда не видывано лучшаго кушанья, какъ какое было у Короля на столѣ, и никто не оказывалъ столько остроумія за ужи-

номЪ, какЪ Его Величество. Какамбо толковалЪ Кандиду остроумныя его рѣчи, которыя хотя были уже и переводЪ, однако всегда были остроумны. Сіе приводило Кандида вЪ не меншее удивленіе, какЪ и все прочее.

Они прогостили тамЪ цѣлый мѣсяцЪ. КандидЪ безпрестанно говорилЪ Какамбу: правда, другЪ мой, признаюсь, что зáмокЪ, гдѣ я родился, есть хуже здѣшней земли; однако со всѣмЪ тѣмЪ, здѣсь нѣтЪ дѣвицы Кунигунды, да и у тебя безЪ сумнѣнія есть вЪ Европѣ какаянибудь любовница. Ежели намЪ остаться здѣсь, то мы не больше будемЪ какЪ и другіе, вмѣсто того, что естьли возвратимся вЪ нашЪ свѣтЪ только на двенатцати баранахЪ, навьюченныхЪ Эльдорадскими каменьями, то будемЪ богатѣе всѣхЪ Королей вообще; нѣчего намЪ болѣе бояться ИнквизиторовЪ, и не трудно будетЪ достать назадЪ дѣвицу Кунигунду.

РазговорЪ сей Какамбу понравился; люди такЪ страстны бѣгать по свѣту, тщеславиться передЪ своими домашними, и хвастать тѣмЪ что они вЪ чужихЪ краяхЪ видали, что оба щастливцы наши задумали быть опять нещастными, и просить у Его Величества увольненія.

Вы напрасно хотите это дѣлать, говорилЪ имЪ Король; правда, земля моя большаго вниманія не заслуживаетЪ; однако, когда кто вЪ какомЪ нибудь мѣстѣ нарочито хорошо живетЪ, то лучше вЪ немЪ остаться. Я конечно не имѣю права удерживать у себя иностранныхЪ; это такое тиранство, котораго ни вЪ нравахЪ нашихЪ ни вЪ законахЪ нѣтЪ. Всѣ люди на свѣтѣ вольны; поѣзжайте когда вы за благо разсудите; но вы-

ѣздъ отсюда очень труденъ. Неможно никоимъ образомъ подняться опять въ верхъ по той рѣкѣ, по которой вы какимъ то чудомъ сюда пріѣхали, и которая течетъ подъ плитными хребтами. Горы, окружающія со всѣхъ сторонъ мое королевство, въ вышину имѣютъ десять тысячь футовъ, и такъ круты, какъ стѣны. Каждая въ ширину занимаетъ пространства болѣе нежели на 10 миль, и спуститься съ оныхъ за крутостію никакъ не возможно. Однако, когда ужѐ васъ уговорить не льзя; то велю я моимъ Механикамъ зделать вамъ машину, которая бы могла вынести васъ покойно изъ моего королевства. А по препровожденіи васъ на ту сторону горъ ужѐ никто съ вами далѣе не поѣдетъ: ибо мои подданные положили обѣтъ, чтобъ изъ предѣловъ своихъ никогда не выѣзжать; и я не думаю, чтобъ они обѣтъ свой нарушили. Въ прочемъ просите у меня всего, чего вамъ хочется. Мы не просимъ у вашего Величества инаго, какъ, чтобъ пожаловали вы намъ нѣсколько барановъ, на которыхъ накладемъ мы съѣстныхъ припасовъ, каменья и здѣшней грязи. Король засмѣялся: я не понимаю, сказалъ онъ, какой вкусъ находятъ ваши Европейцы въ нашей желтой землѣ: возмите пожалуйте, сколько вамъ хочется, я еще радоваться о томъ буду, что вы найдете въ томъ много себѣ добра.

Онъ отдалъ тотчасъ инженерамъ своимъ повелѣніе зделать машину, чтобъ спустить сихъ двухъ чрезвычайныхъ людей за королевство. Три тысячи искусныхъ физиковъ должны были надъ оною работать; чрезъ двѣ недѣли она была готова, и не болѣе стоила какъ 20 миліоновъ фунтовъ стерлинговъ тамошней монеты. Поса-

дили въ машину Кандида и Какамба; поставили въ нее двухъ большихъ барановъ осѣдланныхъ и взнузданныхъ, чтобъ могли они по переправѣ черезъ горы ѣхать верьхами, 20 барановъ возовыхъ навьюченныхъ съѣстными припасами, тритцать барановъ обремененныхъ подарками, и всѣми тамошними рѣдкостями, и 50 нагруженныхъ золотомъ, дорогими каменьями и бриліантами. Король обнялъ нашихъ бродягъ дружескимъ образомъ.

Отъѣзды ихъ, и искусство, съ которымъ они въ верхъ на горы были подняты, представляли глазамъ великолѣпное зрѣлище. Физики доставивши ихъ до безопаснаго мѣста съ ними простились, а Кандидъ не имѣлъ желаніямъ своимъ инаго предмѣта, какъ пойти подарить своихъ барановъ дѣвицѣ Кунигундѣ. Теперь, говорилъ онъ, есть чѣмъ заплатить губернатору Буеносъ-Аирскому, естьли только можно дѣвицѣ Кунигундѣ опредѣлить цѣну. Поѣдемъ въ Кайену, сядемъ на корабль, и посмотримъ потомъ, какое бы намъ королевство купить.

Глава девятаянадесять.

Что приключилось имъ въ Суринамѣ, и какъ познакомился Кандидъ съ Мартыномъ.

Перьвый день ѣхали наши дорожные нарочито весело: они ободрены были воображеніемъ, что имѣютъ теперь столько богатства, съ которымъ всѣ сокровища Азіи, Европы и Африки сравнены быть не могутъ. Кандидъ въ восхищеніи писалъ

на деревьяхъ Кунигундино имя. На другой день два барана увязли у нихъ въ болотѣ, и потонули въ немъ и съ кладью; нѣсколько дней спустя пали еще два барана утомившись отъ тягости; семь или восемь издохли потомъ въ степи съ голоду; другіе попадали съ горъ въ стремнины. Напослѣдокъ по стодневномъ пути осталось у нихъ только два барана. Кандидъ говорилъ Какамбу: другъ мой, ты видишь, что богатство свѣта сего есть тлѣнъ; нѣтъ ничего основательнаго и постояннаго, кромѣ добродѣтели и щастія увидѣть опять дѣвицу Кунигунду.

Это правда, сказалъ Какамбо, однако у насъ еще осталось два барана и больше сокровищъ, нежели у Гишпанскаго Короля. Я вижу въ дали городъ, и думаю, что ето Суринамъ, принадлежащій Голландцамъ. Теперь кончатся всѣ нещастія и начнется наше благополучіе.

Приближаясь къ городу наѣхали они на одного Арапа лежащаго на земли, который не болѣе какъ половину своей одежды на себѣ имѣлъ, то есть половину синихъ портковъ: у бѣднаго сего человѣка не было лѣвой ноги и правой руки. Боже мой! сказалъ ему Кандидъ по Голландски, что ты тутъ лежишь, другъ мой, въ такомъ ужасномъ состояніи? Я дожидаюсь моего хозяина господина Вандердендура, славнаго здѣшняго купца, отвѣчалъ Арапъ. Да не господинъ ли Вандердендуръ, спросилъ Кандидъ, привелъ тебя въ сіе состояніе? Онъ, сударь, сказалъ Арапъ; здѣсь такое обыкновеніе. Намъ даютъ по двои холстинные портки на годъ вмѣсто всей одежды. Когда мы работаемъ на сахарныхъ заводахъ, и возмемъ себѣ кусочикъ сахару, то отрубятъ намъ руку; а когда захотимъ уйти, то от-

рубятЪ ногу: надо мною и то и другое случилось. ВотЪ каковЪ дорогЪ намЪ сахарЪ, которой ѣдите вы вЪ Европѣ. Однако, когда продала меня мать моя за десять Нидерландскихъ талеровЪ на Гвинейскомъ берегу, то говорила мнѣ: дитятко, благодари нашихЪ боговЪ, молись имЪ безпрестанно, они даруютЪ тебѣ щастливую жизнь; ты имѣешь честь быть рабомЪ нашихЪ господЪ бѣлыхЪ, и чрезЪ то устрояешь щастїе отца твоего и матери. Увы! я не знаю здѣлалЪ ли я ихЪ щастливыми, а они меня не здѣлали. Собаки, обезьяны и попугаи тысячу разЪ щастливѣе насЪ. Голландскїе попы, обратившїе меня вЪ свою вѣру, говорятЪ мнѣ всякое воскресенье, что мы всѣ дѣти Адамовы бѣлые и черные. Я не родословЪ, однако естьли проповѣдники сїи говорятЪ правду, то мы всѣ братья. Теперь скажите мнѣ можно ли безчеловѣчнѣе поступать со своими родственниками?

О ПанглосЪ! вскричалЪ КандидЪ, ты не предвидѣлЪ сей ужасной суровости; нѣтЪ, я принужденЪ буду напослѣдокЪ отказатся отЪ твоего наилучшаго свѣта. Что это значитЪ, наилучшїй свѣтЪ, спросилЪ Какамбо? Увы! сказалЪ КандидЪ, это будетЪ непреодолимое упрямство утверждать, что все на свѣтѣ хорошо, когда намЪ очень худо. Смотря на Арапа проливалЪ онЪ слезы, и вЪ плачѣ вошелЪ вЪ СуринамЪ.

Прежде всего освѣдомились они нѣтЪ ли вЪ гаванѣ корабля, который бы можно было послать вЪ БуеносЪ-АирЪ. ЧеловѣкЪ, у котораго они о томЪ спрашивали, былЪ самЪ Гишпанскїй корабельщикЪ, и представилЪ себя кЪ ихЪ услугамЪ за безобидную плату. ОнЪ назначилЪ имЪ ко взаимному свиданїю одну корчму. КандидЪ и вѣр-

ный Какамбо пошли дожидаться его тамъ съ обоими своими баранами.

Кандидъ, у котораго вся душа была на языкѣ, разсказалъ Гишпанцу всѣ свои приключенія, и открылся ему, что онъ дѣвицу Кунигунду задумалъ увесть. Избавь меня отъ того богъ, чтобъ повезъ я васъ въ Буеносъ-Айръ, сказалъ корабельщикъ; тамъ и меня и васъ повѣсятъ. Прекрасная Кунигунда теперь первая любовница у его превосходительства. Это былъ громовый ударъ для Кандида; онъ плакалъ долгое время, напослѣдокъ отозвалъ Какамба къ сторонѣ: вотъ что тебѣ надобно здѣлать, любезный другъ, сказалъ онъ ему, у насъ у каждаго есть въ карманахъ миліоновъ на пять или на шесть алмазовъ; ты меня проворнѣе, поѣзжай въ Буеносъ-Айръ, и возми дѣвицу Кунигунду. Естьли губернаторъ не будетъ ее отдавать, дай ему миліонъ; а буде и того мало, дай ему два; ты не убилъ Инквизитора, тебя подозрѣвать не будутъ, а я между тѣмъ возму другой корабль, и поѣду дожидаться тебя въ Венецію. Земля сія вольная, тамъ нѣчего бояться ни Булгаровъ, ни Абарцовъ, ни Жидовъ, ни Инквизиторовъ. Какамбу замыселъ сей очень понравился. Ему весьма не хотѣлось разстаться съ такимъ добрымъ господиномъ, который здѣлался искреннимъ ему другомъ; однако удовольствіе быть ему полезнымъ, преодолѣло его печаль. Обнялись проливая слезы; Кандидъ наказывалъ ему, чтобъ не забылъ онъ взять и старуху. Какамбо отправился того же самаго дня. Какамбо сей былъ самый предобрый человѣкъ.

Кандидъ пробылъ еще нѣсколько времени въ Суринамѣ, и ожидалъ покуда другой корабель-

щикъ отвезетъ его съ достальными баранами въ Италїю. Онъ нанялъ слугъ, и закупилъ все, что къ дальнему пути было надобно; напослѣдокъ явился къ нему господинъ Вандердендуръ, хозяинъ одного большаго корабля. Сколько возмете вы, спросилъ онъ у сего человѣка, отвести меня прямо въ Венецїю, меня, людей моихъ, пожитки и этихъ двухъ барановъ, которыхъ здѣсь видите? Корабельщикъ попросилъ десять тысячь пїастровъ. Кандидъ за то не постоялъ.

О о! сказалъ самъ въ себѣ прозорливый Вандердендуръ, чужестранецъ сей даетъ вдругъ десять тысячь пїастровъ! надобно чтобъ онъ былъ очень богатъ. Потомъ пришедши къ нему черезъ часъ назадъ, обьявилъ, что онъ меньше какъ за дватцать тысячь не поѣдетъ. Хорошо, я тебѣ и то дамъ, сказалъ Кандидъ.

Что за пропасть! шепчетъ про себя купецъ, человѣкъ сей такъ же легко соглашается дать дватцать, какъ и десять тысячь пїастровъ. Онъ воротился опять, и говоритъ, что меньше тритцати тысячь пїастровъ въ Венецїю его отвести не можно. Я тебѣ дамъ и тридцать тысячь, отвѣчалъ Кандидъ.

О о! разсуждалъ самъ съ собою Голландскїй купецъ, етому человѣку и тридцать тысячь не стоятъ ничего! конечно на баранахъ сихъ навьючены несмѣтныя сокровища; перестанемъ возвышать цѣну; возмемъ напередъ тридцать тысячь, а тамъ посмотримъ, что будетъ далѣе. Кандидъ продалъ два небольшїе алмаза, изъ которыхъ самый малый дороже стоилъ, нежели вся просимая корабельщикомъ сумма. Онъ заплатилъ ему деньги напередъ. Обоихъ барановъ перевезли на корабль. Кандидъ поѣхалъ за ними въ ма-

ленькомъ суднѣ, чтобъ взойти въ корабль на рейдѣ. Корабельщикъ не терялъ времени, поднялъ парусы, пустился и летитъ при благополучномъ вѣтрѣ. Кандидъ изумѣвшись и разинувши ротъ потерялъ его тотчасъ изъ глазъ. Увы! вскричалъ онъ, вотъ мошенничество достойное древняго свѣта. Возвратился назадъ къ берегу въ крайней печали; она была и дѣльная, потому что лишился онъ того, чѣмъ бы можно здѣлать щастіе дватцати Монарховъ.

Пошелъ къ Голландскому судьѣ, и будучи нѣсколько въ смущеніи, стучитъ въ двери изо всей силы; входитъ, расказываетъ свое приключеніе, и кричитъ нѣсколько громчѣ, нежели какъ было надобно. Судья началъ дѣло тѣмъ, что велѣлъ ему заплатить тотчасъ десять тысячь піастровъ за стукъ и за шумъ, который онъ надѣлалъ. Потомъ выслушалъ его терпѣливо, обѣщалъ разобрать его дѣло, какъ скоро купецъ возвратится назадъ, и велѣлъ заплатить ему еще десять тысячь піастровъ за протори и волокиты при аудіенціи.

Поступокъ сей привелъ Кандида со всѣмъ въ отчаяніе: онъ, правда, претерпѣлъ ужѐ несравненно бо́льшія нещастія, однако безсовѣстіе судьи и корабельщика, которые его ограбили, разгорячила въ немъ желчь и ввергла его въ глубокую задумчивость. Злость человѣческая представлялась уму его во всемъ ея безобразіи; мысли его наполнены были печальными воображеніями. Напослѣдокъ провѣдалъ онъ, что отправляется въ Бурдо Французской корабль. И какъ ужѐ барановъ навьюченныхъ алмазами у него болѣе не было, то нанялъ въ кораблѣ семъ одну каютку за сходственную цѣну, и велѣлъ объявить въ го-

родѣ, что естьли хочетъ кто честный человѣкъ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, то заплатитъ онъ за него корабельщику, будетъ довольствовать его въ пути пищею, и подаритъ ему двѣ тысячи піастровъ; но съ такимъ договоромъ, чтобъ человѣкъ сей былъ самый недовольнѣйшій своимъ состояніемъ и самый безсчастнѣйшій во всей провинціи.

Нашло къ нему такое множество охотниковъ, что и на цѣломъ флотѣ помѣстить бы ихъ было не можно. Кандидъ хотѣлъ выбрать одного изъ тѣхъ, которые по видимому были всѣхъ нещастнѣе. Отобралъ такихъ человѣкъ съ дватцать, которые казались ему нарочито обходительными, и всѣ одинъ передъ другимъ хотѣли имѣть преимущество. Онъ собралъ ихъ всѣхъ во своемъ трактирѣ, и оставилъ ужинать съ тѣмъ, чтобъ каждый далъ клятву разсказать жизнь свою по самой правдѣ, и обѣщалъ взять съ собою того, который покажется ему всѣхъ безсчастнѣе, и всѣхъ недовольнѣе своимъ состояніемъ; а прочимъ дать по нѣскольку денегъ. Засѣданіе продолжалось до четырехъ часовъ по полуночи. Кандидъ слушая всѣ ихъ приключенія, вспомнилъ старухины слова, когда ѣхалъ въ Буеносъ-Аиръ, которая билась объ закладъ, что не было на кораблѣ ни одного человѣка, который бы не претерпѣлъ великихъ нещастій. За каждою исторіею приходилъ ему на память Панглосъ. Трудно бы было, говорилъ онъ, доказать Панглосу свою систему: желалъ бы я, чтобъ онъ былъ теперь здѣсь. Естьли правда, что все устроено хорошо, то ето конечно не индѣ гдѣ, какъ въ Эльдорадѣ, а не въ прочихъ частяхъ свѣта. Напослѣдокъ выбралъ онъ одного бѣднаго

ученаго, который трудился десять лѣтъ для Амстердамскихъ книгопродавцовъ. Онъ разсуждалъ что ни одно ремесло въ свѣтѣ такъ не можетъ наскучить, какъ ето.

Ученый сей человѣкъ, который при всемъ томъ имѣлъ весьма простую душу, былъ окраденъ отъ жены, битъ отъ сына, и оставленъ отъ дочери, которая збѣжала съ однимъ Португальцомъ. Недавно у него отняли и послѣднее мѣсто, отъ котораго онъ питался; а Суринамскіе проповѣдники на смерть его не любили, почитая его за Социніанина. Правду сказать, и другіе его товарищи по крайней мѣрѣ столько же были безчастны, какъ и онъ; однако Кандидъ надѣялся, что ученый избавитъ его въ пути отъ скуки. Всѣ прочіе совмѣстники роптали, что Кандидъ весьма ихъ тѣмъ обижаетъ; но онъ ихъ тотчасъ успокоилъ, давъ каждому по сту піастровъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну на морѣ?

Такимъ образомъ ученый старикъ, котораго звали Мартыномъ, поѣхалъ съ Кандидомъ въ Бурдо. И тотъ и другой многаго на свѣтѣ насмотрѣлись, и многаго натерпѣлись; и какъ начали они разсуждать о нравственномъ и естественномъ злѣ, то хотя бы корабль ѣхалъ изъ Суринама въ Японію мимо мыса Доброй Надежды, однако и тогда было бы имъ довольно матеріи, о чемъ говорить во весь путь.

Со всѣмъ тѣмъ Кандидъ передъ Мартыномъ имѣлъ великую выгоду, потому что онъ надѣялся всегда увидѣться опять съ дѣвицею Кунигундою, а Мартынъ не надѣялся ничего: притомъ было у него золото и алмазы, и хотя ужѐ онъ лишился ста большихъ красныхъ барановъ навьюченныхъ наидрагоцѣннѣйшими сокровищами въ свѣтѣ, хотя мошенничество Голландскаго корабельщика и безпрестанно у него лежало на сердцѣ; однако когда ни обращалъ мысли свои на то, что у него было въ карманахъ, и когда говорилъ о Кунигундѣ, а особливо при концѣ стола, то защищалъ тогда опять систему премудраго Панглоса.

А ты, господинъ Мартынъ, говорилъ онъ ученому, что о всемъ семъ думаешь? Какое ты имѣешь понятіе о злѣ нравственномъ, и о злѣ естественномъ? Государь мой, отвѣчалъ Мартынъ, попы наши говорили про меня что я Социніанинъ, а въ самомъ дѣлѣ я Манихей. Ты издѣваешься надо мною, сказалъ Кандидъ. Манихеевъ ужѐ больше на свѣтѣ нѣтъ. По крайней мѣрѣ я еще живъ, сказалъ Мартынъ; я не знаю, что мнѣ дѣлать; однако инако думать не могу. Надобно чтобъ въ тебя вселился діаволъ, сказалъ Кандидъ. Онъ въ дѣла свѣта сего такъ много мѣшается, говорилъ Мартынъ, что легко статься можетъ, что онъ и въ меня также вселился, какъ во всѣхъ прочихъ; но я признаюсь вамъ, что разсматривая сей шаръ, или лучше сказать сей шарикъ, думаю, что Богъ предалъ его во власть какогонибудь злаго существа; выключая однако Эльдорадо. Я не видалъ еще ни одного города, который бы не желалъ раззоренія другому сосѣдственному; ни одной фамиліи, ко-

торая бы не искала истребить какуюнибудь другую. Повсюду безсильные проклинают сильных, перед которыми раболѣпствуют; а сильные поступают с ними как с овцами, с которых продают и шерсть и мясо. Милион разделенных на полки убийц, бѣгая из одного конца Европы в другой, бьют людей и грабят в наилучшем порядкѣ для своего пропитанія, за тѣм, что нѣт ни одного ремесла, которое бы было сего честнѣе; а в городах, которые по всему виду наслаждаются миром и тишиною, и гдѣ процвѣтают науки, люди снѣдаются такою завистію, заботою и безпокойством, каких и в самом осажденном от неприятелей городѣ не видно. Сокровенныя печали еще гораздо несноснѣе, нежели общія бѣдствія. Одним словом, я столько на свѣтѣ видѣл и столько претерпѣл, что здѣлался Манихеем.

Однако есть на свѣтѣ и добро, сказал Кандид. Может быть, отвѣчал Мартын, но мнѣ оно со всѣм неизвѣстно.

Между тѣм как они спорились, услышали вѣ пушечный выстрѣл. Стрѣльба ежеминутно становилась сильнѣе. Каждый схватил свою зрительную трубку. Увидѣли два корабля, которые мили за три были в жестоком сраженіи. Вѣтер принес обѣих их к Французскому кораблю, на котором ѣхал Кандид, так близко, что можно было все сраженіе видѣть весьма ясно. Напослѣдок одному из сих кораблей удалось здѣлать по другом всѣм бортом выстрѣл так низко, и так исправно, что сей послѣдній пошел на дно. Кандид и Мартын увидѣли тут, что человѣк до ста находившихся наораблѣ поглощены были водою: всѣ

простирали руки на небо, наполняли воздухъ ужаснымъ воплемъ; но въ одно мгновеніе всѣ поглощены были пучиною.

Видите ли, сказалъ Мартынъ, вотъ какъ люди между собою поступаютъ. Признаюсь, сказалъ Кандидъ, что дѣло сіе походитъ нѣсколько на діавольское. Разговаривая такимъ образомъ, увидѣлъ онъ нѣчто красное, которое свѣтилось и плыло за кораблемъ. Отвязали шлюпку посмотрѣть, что сіе такое: сіе былъ одинъ изъ его барановъ. Кандидъ нашедши своего барана больше радовался, нежели сколько печалился потерявши такихъ сто навьюченныхъ большими Эльдорадскими алмазами.

Французскій Капитанъ узналъ тотчасъ, что Капитанъ потопившаго корабля былъ Гишпанецъ, а Капитанъ потопшаго корабля Голландской разбойникъ; сіе былъ самый тотъ, который обокралъ Кандида. Безчисленныя богатства, пограбленныя симъ злодѣемъ, поглощены были и съ нимъ вмѣстѣ моремъ; а спасся одинъ только баранъ. Видишь, сказалъ Кандидъ Мартыну, что злодѣяніе не всегда безъ наказанія остается; сего мошенника, Голландскаго корабельщика, такая судбина и постигла, какой онъ былъ достоинъ. Это правда, сказалъ Мартынъ; но надобно ли было, чтобъ погибли съ нимъ и находившіеся на кораблѣ его люди? Богъ наказалъ сего плуша, а чортъ утопилъ другихъ.

Между тѣмъ Французскій и Гишпанскій корабли продолжали свой путь, а Кандидъ продолжалъ свои разговоры съ Мартыномъ. Они цѣлыя двѣ недѣли безпрестанно спорились; однако по прошествіи сихъ двухъ недѣль столь же много другъ друга увѣрили, какъ и въ самой перьвый

день. Со всѣмъ шѣмъ, они говорили, сообщали одинъ другому свои мнѣнія, и одинъ другаго утѣшали. Кандидъ гладилъ своего барана: когда ужѐ нашелъ я тебя, говорилъ онъ, то можетъ быть найду и Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕДЯТЬПЕРВАЯ.

Кандидъ съ Мартыномъ подъѣзжаютъ ко Французскимъ берегамъ и разсуждаютъ.

Напослѣдокъ показались Французскіе берега. Бывалъ ли ты когда нибудь во Франціи, господинъ Мартынъ, спрашивалъ Кандидъ? Бывалъ, сказалъ Мартынъ; я объѣздилъ многія тамъ провинціи. Въ иныхъ половина жителей вертопрашны, въ нѣкоторыхъ они надъ мѣру лукавы, въ другихъ по большой части нарочито тихи, и нарочито глупы; въ иныхъ всѣ хотятъ почитаться остроумными; а во всѣхъ первѣйшее упражненіе есть любовь, второе потомъ злословіе, а третіе говорить вздоръ. Однако, господинъ Мартынъ, видалъ ли ты Парижъ? Да, видѣлъ я и Парижъ, въ немъ всѣхъ сихъ родовъ люди находятся; Парижъ такъ, какъ хаосъ; онъ есть такое стеченіе народа, въ которомъ всѣ люди ищутъ веселья, и въ которомъ почти ни одинъ человѣкъ его не находитъ, по крайней мѣрѣ сколько я примѣчалъ. Я жилъ въ немъ не долго; по пріѣздѣ моемъ туда обокрали меня тотчасъ на Сентжерменской ярманкѣ мошенники. Потомъ почли меня и самого за вора, и продержали цѣлые восемь дней въ тюрмѣ; а послѣ того здѣлался я типографскимъ справщикомъ,

чтобъ нажить столько, чѣмъ бы дойти пѣшкомъ въ Голландію. Я знавалъ тамъ многихъ бездѣльниковъ, которые злоязычествуютъ и на письмѣ, которые заводятъ толки и заговоры, и которыхъ разныя бѣшенства какъ судороги схватываютъ. Говорятъ, что есть въ городѣ семъ и весьма разумные люди, я о томъ и не спорю.

Что до меня касается, сказалъ Кандидъ, то я ни мало не любопытенъ видѣть Францїю. Подумай, когда кто жилъ мѣсяцъ въ Эльдорадѣ, то ужѐ захочетъ ли тотъ видѣть чтонибудь другое на свѣтѣ кромѣ дѣвицы Кунигунды; я буду дожидаться ея въ Венецїи. Мы поѣдемъ въ Италїю чрезъ Францїю; согласишься ли и ты со мною? Очень охотно, сказалъ Мартынъ. Говорятъ, что Венецїя хороша только для благородныхъ Венецїянъ; однако сказываютъ, что весьма ласково принимаютъ тамъ и иностранныхъ, когда у нихъ много денегъ; у меня ихъ нѣтъ, а у васъ есть, такъ я готовъ всюду за вами слѣдовать. Мнѣ теперь пришло на умъ, сказалъ Кандидъ; думаешь ли ты, что земля съ самаго начала была море, такъ какъ увѣряютъ въ сей толстой книгѣ, принадлежащей нашему Капитану? Я ни чему етому не вѣрю, сказалъ Мартынъ, такъ какъ и всѣмъ расказываемымъ съ нѣкотораго времени вракамъ. Да съ какимъ же намѣренїемъ созданъ сей свѣтъ, сказалъ Кандидъ? Чтобъ насъ взбѣсить, отвѣчалъ Мартынъ. Не удивительна ли тебѣ кажется, продолжалъ Кандидъ, любовь двухъ оныхъ дѣвушекъ Орелїонской земли къ обезьянамъ, о которыхъ я тебѣ прежде расказывалъ? Ни мало, сказалъ Мартынъ; и въ страсти сей страннаго ничего не вижу; я ужѐ столько чрезвычайныхъ дѣлъ навидѣлся, что

чрезвычайнаго для меня ничего нѣтъ. Думаешь ли ты, сказалъ Кандидъ, что люди другъ друга всегда убивали, такъ какъ нынѣ, и что они всегда были лжецы, обманщики, вѣроломцы, неблагодарны, разбойники, слабы, легкомысленны, подлы, завистливы, обжоры, пьяницы, скупы, честолюбивы, кровожаждущи, клеветники, сластолюбивы, сумазбродны, лицемѣрны и безразсудны? Вѣрите ли вы, сказалъ Мартынъ, что ястребы ѣли всегда голубей, когда ихъ найти могли? Конечно, отвѣчалъ Кандидъ. Ну, сказалъ Мартынъ, когда ястребы всегда такое же свойство имѣли, то какъ думать, что перемѣнились люди? О! сказалъ Кандидъ, тутъ великая разность; ибо свободное произволенїе . . . . . Разсуждая такимъ образомъ прибыли они въ Бурдо.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬВТОРАЯ.

Что приключилось Кандиду и Мартыну во Францїи.

Кандидъ не долѣе пробылъ въ Бурдо, какъ покуда могъ продать нѣсколько Эльдорадскихъ каменьевъ, и купить надежную двумѣстную коляску, за тѣмъ, что безъ Философа Мартына обойтися ему уже было не льзя; ему жаль было только разстаться съ бараномъ своимъ, котораго оставилъ въ Бурдоской Академїи Наукъ, а оная опредѣлила на сей годъ обыкновенное награжденїе тому, кто докажетъ, отъ чего шерсть на баранѣ была красная. Награжденїе получилъ нѣкоторый ученый человѣкъ изъ сѣверной страны, который доказалъ чрезъ А *plus* В, *minus* С раз-

дѣленное на Z, что барану неотмѣнно надлежало быть красному и умереть отъ коросты.

Между тѣмъ всѣ дорожные, съ которыми съѣзжался Кандидъ въ корчмахъ на дорогѣ, говорили ему, мы ѣдемъ въ Парижъ. Всеобщее сіе стремленіе произвело напослѣдокъ и въ Кандидѣ охоту посмотрѣть сего столичнаго города. Заѣхать съ Венеціянской дороги въ Парижъ крюку было не много. Онъ въѣхалъ въ городъ сей чрезъ предмѣстіе Сентъ-Марко, и ему казалось, что находится въ самой послѣдней Вестфальской деревнѣ.

Лишь только вошелъ Кандидъ въ постоялый дворъ, то почувствовалъ небольшой припадокъ, происходящій отъ безпокойства въ дорогѣ. А какъ на рукѣ у него былъ превеликой алмазный перстень, и притомъ увидѣли, что между прочимъ его екипажемъ есть ужасно тяжелый сундучекъ, то явились къ нему тотчасъ два доктора безъ всякаго призыва, нѣсколько задушевныхъ друзей, которые не отходили отъ него ни на часъ, и два святоши, которые грѣли ему буліоны. Мартынъ говорилъ: я помню, что и я былъ боленъ въ Парижѣ во время перьваго моего сюда пріѣзда; я былъ очень бѣденъ, такъ не было у меня ни друзей, ни святошъ, ни докторовъ; однако я выздоровѣлъ.

Между тѣмъ отъ лѣкарствъ и многократнаго бросанія крови Кандидъ и въ правду занемогъ. Одинъ попъ изъ той части города, гдѣ онъ жилъ, пришелъ къ нему со смиреннымъ лицемъ просить векселя, по которому платежъ учиненъ будетъ объявителю на томъ свѣтѣ. Кандидъ не хотѣлъ на то согласиться: святоши увѣряли его, что ето новая мода. Кандидъ от-

вѣчалъ, что онъ не такой человѣкъ, который бы жилъ по модѣ. Мартынъ хотѣлъ Попа выбросить за окошко. Попъ клялся, что Кандида не погребутъ. А Мартынъ клялся, что онъ погребетъ самого Попа, естьли не перестанешъ его безпокоить. Брань становилась часъ отъ часу сильняе. Мартынъ взялъ его за воротъ и вытолкалъ вонъ; а сїе причинило великїй соблазнъ, и дѣло дошло до словеснаго суда.

Кандидъ выздоровѣлъ, и покуда отъ болѣзни оправлялся, ужинала у него всегда весьма отборная компанїя, и всегда была большая игра. Кандидъ былъ въ великомъ удивленїи, что никогда не приходили къ нему тузы, а Мартынъ тому ни мало не дивился.

Между прочими, которые посѣщенїемъ своимъ дѣлали ему честь, былъ нѣкоторый маленькїй Аббатъ, именемъ Перигурдинъ, одинъ изъ тѣхъ людей, которые всегда стараются угодить, всегда легки на ногу, всегда услужливы, безстыдны, ласкательны, и на все согласны, которые караулятъ иностранныхъ во время ихъ проѣзда, разсказываютъ имъ соблазнительныя произшествїя въ городѣ, и предлагаютъ забавы за всякую цѣну. Онъ повелъ сперьва Кандида и Мартына въ комедїю. Въ тотъ день представляли новую трагедїю. Кандиду случилось сидѣть среди нѣсколькихъ, такъ называемыхъ веселыхъ головъ. Не смотря на то онъ во время явленїй, представляемыхъ наисовершеннѣйшимъ образомъ, не могъ удержаться отъ слезъ. Одинъ изъ сихъ говоруновъ сказалъ ему по окончанїи дѣйствїя: вы очень напрасно плачете. Актриса ета представляетъ весьма дурно, а Актеръ, который съ нею выходилъ, еще хуже ея, а Трагедїя сама по себѣ

сочинена еще и того дурнѣе. Сочинитель не знаетъ по Арапски ни слова, а дѣйствiе происходитъ въ Аравiи. Сверхъ того онъ такой человѣкъ, который не вѣритъ врожденнымъ понятiямъ. Я завтра принесу вамъ противъ него дватцать тетратей. Государь мой, говорилъ ему Аббатъ Перигурдинъ, примѣтили ли вы ету молодую дѣвушку, у которой лице такое прiятное, и станъ толь пригожiй? Она вамъ не больше будетъ стоить, какъ десять тысячь франковъ на мѣсяцъ, и на пятьдесятъ тысячь талеровъ алмазовъ. Я не могу съ нею препроводить больше, какъ день или два, отвѣчалъ Кандидъ, потому что у меня назначено свиданiе съ одною особою въ Венецiи, которое не терпитъ времени.

Въ вечеру послѣ ужина ласкательный Перигурдинъ умножилъ свои учтивства и услужливости. Такъ у васъ есть, государь мой, въ Венецiи свиданiе? Есть, государь мой, сказалъ Кандидъ; мнѣ надобно неотмѣнно видѣться тамъ съ дѣвицею Кунигундою. Тутъ уже получивши прiятный случай говорить о своей любезной, расказалъ ему обыкновеннымъ образомъ нѣкоторую часть своихъ приключенiй съ сею знатною Вестфалкою.

Я думаю, сказалъ Аббатъ, что дѣвица Кунигунда очень умна, и прекрасно пишетъ письма? Я писемъ отъ нея никогда не получалъ, сказалъ Кандидъ, потому что съ тѣхъ поръ, какъ выгнали меня за нее изъ зáмка, не имѣлъ я никогда времени къ ней писать; вскорѣ послѣ того сказали, что она умерла; потомъ нашелъ я ее опять, и опять потерялъ; а теперь отправилъ къ ней отсюда за 2500 миль нарочнаго, и ожидаю отвѣта.

Аббатъ слушалъ прилѣжно, и казалось, что сидѣлъ нѣсколько задумавшись. Скоро послѣ того простился съ обоими иностранными обнявши ихъ отъ всего сердца. На другой день Кандидъ лишь только пробудился, то получилъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Любезный мой Кандидъ! тому уже недѣля, „какъ я больна въ здѣшнемъ городѣ; мнѣ сказали, что и ты здѣсь. Я бы полетѣла въ твои „объятія, естли бы у меня была сила. Провѣ„давши въ Бурдо, что ты поѣхалъ въ Парижъ, „оставила я тамъ вѣрнаго Какамба и стару„ху, съ тѣмъ, чтобъ они немедлѣнно за мною „ѣхали. Губернаторъ Буеносъ-Аирской взялъ у „насъ все; но у меня осталось еще твое сердце. „Пріѣзжай ко мнѣ; присутствіе твое или воз„вратитъ мнѣ жизнь, или я съ радости умру.„

Прекрасное сіе письмо, письмо, котораго онъ не ожидалъ, обрадовало Кандида несказаннымъ образомъ; а болѣзнь любезной Кунигунды чрезмѣрно его опечалила. Мучась сими обоими чувствіями схватилъ свое золото и алмазы, и пошелъ съ Мартыномъ въ тотъ домъ, гдѣ жила Кунигунда. Входитъ въ оной со внутреннимъ трепетомъ, сердце у него бьется, духъ занимается; хочетъ открыть завѣсы у постели, велитъ принести огня. Бога ради етого не дѣлайте, говоритъ ему служанка, отъ свѣта она умретъ; и тотчасъ закрываетъ опять завѣсу. Любезная моя Кунигунда, сказалъ Кандидъ, проливая слезы, естьли тебѣ полегче? Когда не можешь со мною видѣться, то скажи мнѣ по крайней мѣрѣ хоть одно слово. Она не можетъ говорить, сказала служанка. Госпожа протянула между тѣмъ съ постели пухленькую ручку, которую Кандидъ оро-

шаетЪ долгое время слезами, наполняетЪ ее потомЪ всю алмазами, и оставляетЪ на креслахЪ цѣлый мѣшокЪ золота.

Среди найсильнѣйшихЪ его восхищенiй входитЪ гефрейтерЪ вЪ препровожденiи Аббата Перигурдина, и капральства солдатЪ. ВотЪ они, говорилЪ онЪ, сiи два подозрительные чужестранца. ВелѣлЪ ихЪ тотчасЪ взять, и приказываетЪ удальцамЪ своимЪ тащить вЪ тюрму. ВЪ Эльдорадѣ сЪ заѣзжими людми такимЪ образомЪ не поступаютЪ, говорилЪ КандидЪ. Я никогда толь твердымЪ МанихеемЪ не былЪ, какЪ теперь, сказалЪ МартынЪ. Да куда вы насЪ ведете, государь мой, спросилЪ КандидЪ? ВЪ городскую тюрму, отвѣчалЪ гефрейтерЪ.

МартынЪ образумившись догадался, что женщина, называющаяся Кунигундою, была мошенница, господинЪ АббатЪ ПеригурдинЪ былЪ плутЪ, умѣвшiй скорѣе всѣхЪ возпользоваться Кандидовою простотою; а гефрейтерЪ другой плутЪ, отЪ котораго перьвымЪ удобно можно отвязаться.

КандидЪ слѣдуя совѣту Мартынову, а притомЪ нетерпѣливо желая увидѣться сЪ истинною Кунигундою, вмѣсто того, чтобЪ подвергнуть себя приказному порядку, даетЪ гефрейтеру три небольшiе алмаза, изЪ которыхЪ каждый стоилЪ около трехЪ тысячь пистолей. А! государь мой, говоритЪ ему человѣкЪ, сей палочникЪ, хотя бы вы и всѣ возможныя злодѣянiя здѣлали, однако со всѣмЪ тѣмЪ вы самый честный человѣкЪ вЪ свѣтѣ; три алмаза! каждый вЪ три тысячи пистолей! Государь мой, вмѣсто того, чтобЪ вести васЪ вЪ тюрму, я за васЪ умереть готовЪ. Хотя здѣсь и всѣхЪ иностранныхЪ хватаютЪ, однако положитесь на меня? у меня есть вЪ Нормандiи

вЪ Дїепѣ братЪ, я отвезу васЪ кЪ нему, и естьли вы можете бросить нѣсколько алмазовЪ и ему, то онЪ обЪ васЪ не меньше будетЪ имѣть попеченія, какЪ и я.

А какая же тому причина, что всѣхЪ иностранныхЪ берутЪ подЪ караулЪ, спросилЪ КандидЪ? Такая, отвѣчалЪ АббатЪ ПеригурдинЪ, что одинЪ бродяга изЪ Атребатской земли слышалЪ пустой вздорЪ; а сіе одно побудило его здѣлать отцеубійство, не такое, какое учинено было вЪ 1610 году вЪ мѣсяцѣ Маїѣ, но такое, какое сдѣлалось вЪ 1594 году вЪ мѣсяцѣ Декабрѣ, и какія учинены были вЪ другихЪ годахЪ и и вЪ другихЪ мѣсяцахЪ, другими бродягами, которые слышали вздорЪ.

ГефрейтерЪ расказалЪ потомЪ вЪ чемЪ состояло дѣло. АхЪ изверги! вскричалЪ КандидЪ; какЪ! такія ужасныя дѣйствія бываютЪ между народомЪ, который пляшетЪ, и который поетЪ! Я не знаю какЪ бы мнѣ поскорѣе убраться изЪ такой земли, гдѣ обезьяны свирѣпѣе тигровЪ? ВЪ отечествѣ моемЪ видѣлЪ я медвѣдей, а людей видѣлЪ только вЪ Элдорадѣ. Бога ради, господинЪ гефрейтерЪ, отвези меня вЪ Венецію; мнѣ надобно дожидаться тамЪ дѣвицы Кунигунды. Я не могу васЪ вЪ другое мѣсто отвести, какЪ вЪ нижнюю Нормандію, сказалЪ палочникЪ. ПотомЪ велѣлЪ тотчасЪ снять сЪ него оковы, говоря, что онЪ ошибся, отсылаетЪ своихЪ людей, отвозитЪ Кандида и Мартына вЪ ДїепЪ, и отдаетЪ ихЪ на руки своему брату. На рейдѣ случился тогда небольшой Голландской корабль. НорманецЪ, здѣлавшійся помощію трехЪ другихЪ алмазовЪ наиуслужливѣйшимЪ человѣкомЪ, посадилЪ Кандида и людей его вЪ сей корабль, который отправлялся вЪ ПортсмутЪ вЪ Англію.

Хотя ѣхать было и не по пути; однако Кандидъ думалъ, что вырвался изъ ада, и хотѣлъ отправиться въ Венецію при первьомъ случаѣ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬТРЕТІЯ.

Кандидъ и Мартынъ ѣдутъ около Англискихъ береговъ, и что они тамъ видятъ.

О, Панглосъ, Панглосъ! О, Мартынъ, Мартынъ! О любезная моя Кунигунда! что ето за свѣтъ, говорилъ Кандидъ на Голландскомъ кораблѣ? Нѣчто весьма зբодное и весьма странное, отвѣчалъ Мартынъ. Ты знаешь Англію, говорилъ Кандидъ Мартыну, не такъ ли и тамъ люди бѣшены, какъ и во Франціи? Тамъ другой родъ бѣшенства, сказалъ Мартынъ; вамъ извѣстно, что сіи два народа находятся въ войнѣ за нѣсколько саженъ снѣгу лежащаго въ Канадѣ, и что они для сей безпутной войны гораздо больше тратятъ, нежели чего стоитъ вся Канада. Я не могу вамъ по самой точности сказать, въ той или другой землѣ больше людей достойныхъ висѣлицы; слабый разумъ мой такъ далеко не простирается. Я знаю только то, что вообще народъ сей, который мы теперь увидимъ, зараженъ великою меланхоліею.

Разговаривая такимъ образомъ прибыли они въ Портсмутъ. Берегъ покрытъ былъ множествомъ народа, который смотрѣлъ со вниманіемъ на нарочито толстаго человѣка, стоящаго на колѣняхъ съ завязанными глазами на одномъ изъ

флотныхъ кораблей: четыре солдата, поставленные противъ сего человѣка, выстрѣлили ему въ лобъ каждый тремя пулями съ самымъ спокойнѣйшимъ видомъ, и все собраніе возвратилось съ берега съ крайнимъ удовольствіемъ. А это, что значитъ? сказалъ Кандидъ, и что за демонъ владычествуетъ повсюду? Потомъ спрашиваетъ, кто былъ тотъ толстый человѣкъ, котораго застрѣлили столь торжественно. Адмиралъ, отвѣтствуютъ ему. А за что же Адмирала сего застрѣлили? За то, говорятъ ему, что онъ не довольно много перебилъ людей. Онъ далъ баталію съ однимъ Французскимъ Адмираломъ, и нашлось что онъ не очень близко къ нему подъѣхалъ. Да и Французской Адмиралъ вѣть не ближе къ нему подъѣхалъ, сказалъ Кандидъ, какъ и онъ ко Французскому? Безспорно, отвѣчали ему. Но въ здѣшней землѣ необходимо надобно убивать отъ времени до времени одного изъ Адмираловъ, для ободренія прочихъ.

Кандидъ столько былъ изумленъ и пораженъ всѣмъ тѣмъ, что онъ видѣлъ и слышалъ, что ниже ногою на землю выступить не хотѣлъ, и договорился съ Голландскимъ корабельщикомъ (хотя бы онъ и такой же былъ воръ, какъ и Суринамскій), чтобъ отвезъ его немедлѣнно въ Венецію.

Корабельщикъ чрезъ два дни къ отъѣзду со всемъ былъ готовъ. Объѣхали Французскіе берега, поверстались противъ Лиссабоны. У Кандида смотря на сей городъ волосы поднялись дыбомъ. Вошли въ заливъ и въ Средиземное море. Напослѣдокъ прибыли въ Венецію. Слава Богу, сказалъ Кандидъ, обнимая Мартына, здѣсь то увижу я прекрасную Кунигунду. Я надѣюсь на Какамба, какъ на самого себя. Все на свѣтѣ хорошо, все хо-

рошо располагается, все располагается сколько возможно найлучшимъ образомъ.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬЧЕТВЕРТАЯ.

О Пакеттѣ, и о братѣ Жирофлѣ, Театинскомъ монахѣ.

Какъ скоро Кандидъ прибылъ въ Венецїю, то велѣлъ искать Какамба во всѣхъ корчмахъ, во всѣхъ кофейныхъ домахъ, у всѣхъ веселыхъ дѣвушекъ, но нигдѣ его не нашелъ. По всякой день посылалъ онъ спрашивать не пришелъ ли вновь какой корабль, или какоенибудь судно. Не слышно про Какамба нигдѣ. Какъ! говорилъ онъ Мартыну, я успѣлъ переѣхать изъ Суринама въ Бурдо, изъ Бурдо въ Парижъ, изъ Парижа въ Дїепъ, изъ Дїепа въ Портсмутъ, объѣхать Португалїю и Гишпанїю, пройти все Средиземное море, и живу ужѐ нѣсколько мѣсяцовъ въ Венецїи, а прекрасной Кунигунды еще нѣтъ. Вмѣсто ее нашелъ я только плутовку, и Аббата Перигурдина. Конечно Кунигунда умерла, къ чему и мнѣ болѣе на свѣтѣ жить. Ахъ! лучше бы остаться въ Эльдорадскомъ раю, нежели ѣхать опять обратно въ проклятую Европу. Какъ же справедливо, говорилъ ты любезный мой Мартынъ! свѣтъ сей ничто иное, какъ мечта и бѣдствїе.

Онъ впалъ въ прежестокую задумчивость, и не принималъ никакого участїя ни въ оперѣ Аламода, ни въ другихъ Карнавальскихъ увеселенїяхъ; ни одна женщина не привела его ни въ малѣйшее искушенїе. Мартынъ говорилъ ему: я не знаю, какъ вы такъ простодушны, когда думаете, что слуга Метисской породы, у котораго

отъ пяти до шести милїоновъ въ карманѣ, поѣдетъ искать вашу любовницу на край свѣта, и привезетъ вамъ ее въ Венецїю. Онъ скорѣе возметъ ее себѣ, естьли найдетъ; а буде не найдетъ, то возмешъ другую. Я совѣтую вамъ позабыть и Какамба и любовницу вашу Кунигунду. Мартынъ худой былъ утѣшитель. Задумчивость Кандидова умножилась, а Мартынъ не переставалъ ему доказывать, что на свѣтѣ очень мало добродѣтели, и очень мало благополучїя, выключая Эльдорадо, куда никому не можно доѣхать.

Спорясь о сей важной матерїи, и дожидаясь Кунигунды, Кандидъ увидѣлъ на площади святаго Марка, молодаго Театинца, который держалъ подъ руку одну дѣвушку. Театинецъ, видъ имѣлъ здоровый, полный, и казался крѣпкаго сложенїя; глаза у него были живые, осанка надежная, взоръ смѣлый, походка гордая. Дѣвушка была очень не дурна и бѣла. Она глядѣла влюблеными глазами на своего Театинца, и щипала нѣсколько разъ полныя его щоки.

По крайней мѣрѣ признаешься ты мнѣ, сказалъ Кандидъ Мартыну, что сїи люди щастливы; я не нашелъ по сїе время во всей обитаемой землѣ, выключая Эльдорадо, никого, кромѣ безчастныхъ; а что до етой дѣвушки и до Театинца касается, то я бьюсь объ закладъ, что они весьма благополучныя созданїя. А я бьюсь объ закладъ, что нѣтъ, сказалъ Мартынъ. Не больше стоитъ, какъ попросить ихъ къ себѣ отобѣдать, сказалъ Кандидъ, такъ ты увидишь правду ли я говорю.

Кандидъ тотчасъ къ нимъ подошелъ, и поклонясь проситъ ихъ въ свой трактиръ кушать макароновъ, Ломбардскихъ куропатокъ, осетрин-

ной икры, и пить Монтепулчїанскаго, такъ называемаго *Лакрима Кристи*, Кипрскаго и Самосскаго вина. Дѣвушка покраснѣла: Театинецъ согласился, а она пошла за нимъ, осматривая Кандида изумленными и смущенными глазами, которые вскорѣ по томъ затмились слезами. Лишь только вошла она въ Кандидову горницу, то вскричала: какъ господинъ Кандидъ, вы ужѐ не узнали Пакетты! Кандидъ, который пристально на нее еще не смотрѣлъ, потому что голова его наполнена была одною Кунигундою, оборотясь къ ней сказалъ: ахъ! голубушка, такъ ты то привела доктора Панглоса въ то жалостное состоянїе, въ которомъ я его видѣлъ?

Увы! государь мой, сказала Пакетта, я вижу, что вы ужѐ все знаете. Ужасныя нѣщастїя, приключившїяся всему дому госпожи Баронессы и прекрасной Кунигундѣ мнѣ извѣстны. Я клянусь вамъ, что и моя судбина не меньше была бѣдственна. Тогда я еще ничего худова не знала, какъ вы меня видѣли. Одинъ Францисканской монахъ, бывшїй мой духовникъ, безъ всякаго труда привелъ меня въ искушенїе. Слѣдствїя отъ того были страшныя: я принуждена была убраться изъ за̀мка, нѣсколько времени послѣ того, какъ господинъ Баронъ выбилъ васъ оттуда пинками. Естлибъ не сжалился надо мною нѣкоторый славный Докторъ, то бы я давно ужѐ умерла. Я была изъ благодарности за то нѣсколько времени его любовницею. Жена его, которой ревнивость простиралась даже до бѣшенства, била меня каждый день безъ милости.

Баба ета была настоящая Фурїя. Докторъ былъ наигнуснѣйшїй изо всѣхъ мужчинъ; а я, наинещастнѣйшая изо всѣхъ тварей, принужде-

на была терпѣть безпрестанно побои за человѣка, котораго я не любила. Вы знаете, государь мой, сколь опасно для упрямой женщины быть докторскою женою. Сей будучи раздраженъ поступкомъ сожитепельницы своей, далъ ей однажды отъ маленькаго насморка такое дѣйствительное лѣкарство, что она чрезъ два часа оставила сей свѣтъ съ ужаснымъ мученїемъ. Сродники госпожи Докторши били челомъ, что онъ ее уморилъ. Онъ далъ тягу, а меня посадили въ тюрьму. Невинность моя ни мало бы мнѣ не помогла, естьлибъ я не была нѣсколько пригожа. Судья меня освободилъ съ такимъ договоромъ, чтобъ заступить ему у меня докторское мѣсто. Скоро по томъ збила меня съ моего мѣста соперница; я выгнана была безъ всякаго награжденїя, и принуждена продолжать сей проклятой промыселъ, которой вамъ господамъ мужчинамъ толь прїятнымъ кажется, и которой для насъ ничто иное, какъ самая пропасть бѣдности. Я пошла промышлять въ Венецїю. Ахъ! государь мой, естьлибъ вы столько могли себѣ вообразить, сколь несносно быть принужденною ласкать безъ разбора старому купцу, стряпчему, монаху, Гондолїеру, Аббату и пр; быть подверженной всякимъ ругательствамъ, всякимъ нападкамъ; находиться часто принужденною занять у когонибудь юпку на то только, чтобъ послѣ подняла ее постылый человѣкъ; быть лишенной однимъ всего того, что нажито съ другимъ: быть ощипанной полицейскими офицерами, и не имѣть предмѣтомъ своего воображенїя, ничего инаго, кромѣ ужасной старости, убогаго дома и смерти. Вы можете изъ сего заключить, что я самая безсчастнѣйшая тварь на свѣтѣ.

Пакетта открывала такимъ образомъ свое сердце добродушному Кандиду въ особливомъ кабинетѣ въ присутствіи Мартына, который говорилъ Кандиду: видите ли, что я ужѐ половину заклада выигралъ.

Отецъ Жирофле остался въ столовой горницѣ, и попивалъ по немножку дожидаясь обѣда. Да отъ чегожъ, сказалъ Кандидъ Пакеттѣ, была ты такъ весела, такъ довольна, какъ я тебя увидѣлъ? ты пѣла, и ласкала Театинца своего съ такою непринужденною благосклонностію, что ты показалась мнѣ столько щастливою, сколько теперь себя безсчастною почитаешь.

Ахъ! государь мой, отвѣчала Пакетта, и это еще немалое въ промыслѣ нашемъ несчастіе. Вчера я была обобрана кругомъ и прибита отъ одного Офицера, а сего дня принуждена принять на себя веселый видъ, чтобъ понравиться монаху.

Кандиду не надобно было дальнѣйшаго доказательства: онъ признался, что Мартынъ говорилъ правду. Сѣли за столъ съ Пакеттою и Театинцомъ; обѣдъ былъ нарочито веселъ, а при окончаніи стола начали поговаривать съ нѣкоторою довѣренностію. Мнѣ кажется, отче святый, сказалъ Кандидъ монаху, вы наслаждаетесь такою судьбиною, которой всякъ завидовать долженъ; цвѣтъ вашего лица показываетъ твердое ваше сложеніе; вашъ видъ означаетъ внутреннее ваше спокойствіе; для забавы имѣете вы весьма недурную дѣвушку, и кажетесь Театинскимъ вашимъ состояніемъ очень довольными.

Естьли сказать вамъ правду, государь мой, отвѣчалъ отецъ Жирофле, то желалъ бы я, чтобъ всѣхъ Театинцовъ чортъ побралъ. Я больше ста разъ былъ въ искушеніи зажечь

монастырь, и пойти здѣлаться Туркомъ. Родители мои принудили меня на 15 году надѣть эту мерзкую рясу, дабы здѣлать чрезъ то щастливѣйшимъ проклятаго, чтобъ его чортъ взялъ, старшаго брата. Зависть, несогласіе и злость обитаютъ въ нашемъ монастырѣ. Правда: я сказывалъ нѣсколько дурныхъ проповѣдей, и досталъ тѣмъ нѣсколько денегъ, изъ которыхъ половину грабитъ у меня Пріоръ, а достальныя употребляю на содержаніе дѣвушекъ; однако какъ скоро подъ вечеръ приду въ монастырь, то всякую минуту думаю разшибить себѣ голову о стѣну; и вся наша братія въ такомъ же состояніи, какъ и я.

Мартынъ оборотясь къ Кандиду съ обыкновеннымъ своимъ холоднымъ видомъ, сказалъ ему: что вы теперь объ нихъ думаете, не выигралъ ли я и всего заклада? Кандидъ далъ 2000 піастровъ Пакеттѣ, и тысячу отцу Жирофлю. Я увѣряю тебя, сказалъ онъ Мартыну, что они съ сими деньгами будутъ щастливы. Я ни мало этому не вѣрю, отвѣчалъ Мартынъ. Вы здѣлаете ихъ сими піастрами можетъ быть еще несчастливѣе того, какъ они теперь. Что бы отъ того ни было, сказалъ Кандидъ; но меня утѣшаетъ одно; я вижу, что часто находимъ мы опять людей, которыхъ никогда не думали увидѣть; легко станется, что нашедши краснаго моего барана и Пакетту, найду я и Кунигунду. Я желаю ото всего сердца, сказалъ Мартынъ, чтобъ здѣлала она когданибудь ваше благополучіе; но о томъ то самомъ я и сумнѣваюсь. Ты очень строгъ, сказалъ Кандидъ. Это потому, что я давно на свѣтѣ живу, отвѣчалъ Мартынъ.

Посмотри же на сихъ гондоліеровъ, говорилъ Кандидъ, не безпрестанно ли они поютъ? Вы не видите, какъ они живутъ съ женами своими и съ дѣтьми, сказалъ Мартынъ. Дожъ имѣетъ свои печали, а и гондоліеры имѣютъ также свои. Правда, что принявши въ разсужденіе все, судьбина гондоліерова всегда предпочтительнѣе дожевой; но я думаю, что разность въ томъ такъ мала, что не стоитъ и того, чтобъ ее разсматривать.

Говорятъ, сказалъ Кандидъ, про Сенатора Пококуранте, который живетъ въ великолѣпныхъ палатахъ на Брентѣ, и принимаетъ нарочито хорошо иностранныхъ: говорятъ, что человѣкъ сей отъ роду не имѣлъ никакой печали. Желалъ бы я посмотрѣть такого рѣдкаго человѣка, сказалъ Мартынъ. Кандидъ послалъ тотчасъ попросить у господина Пококуранте позволенія пріити къ нему слѣдующаго дня.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬПЯТАЯ.

Кандидъ и Мартынъ посѣщаютъ господина Пококуранте, Венеціянскаго дворянина.

Кандидъ и Мартынъ поѣхали въ гондолѣ по Брентѣ, и пристали у палатъ дворянина Пококуранте. Сады были у него весьма пространны, и украшены прекрасными марморными статуями; а палаты великолѣпной архитектуры. Хозяинъ дома, человѣкъ лѣтъ въ 60 очень богатой, принялъ любопытниковъ нашихъ весьма учтиво; но

не очень искренно. Сїе привело Кандида вЪ нѣкоторое смущенїе, а Мартыну ни мало противно не было.

Тотчас двѣ пригожїя и опрятно одѣтыя дѣвушки стали подавать шоколату, и вспѣнивали его очень хорошо. КандидЪ не могЪ удержаться, чтобЪ не хвалить ихЪ красоты, прїятности и искусства. Онѣ нарочито годныя дѣвчонки, сказалЪ СенаторЪ Пококуранте; я беру ихЪ иногда кЪ себѣ на постелю за тѣмЪ, что городскїя госпожи мнѣ ужѐ прискучили сЪ ихЪ кокетствомЪ, ревнивостїю, ссорами, прихотями, подлостями, спесью, дурачествами и соннетами, какїе надобно для нихЪ или самому дѣлать, или заказывать. Однако со всѣмЪ тѣмЪ и сїи двѣ дѣвки мнѣ ужѐ становятся несносны.

КандидЪ прохаживаясь послѣ завтрака по длинной галлереи удивился красотѣ картинЪ. ОнЪ спросилЪ, котораго мастера были двѣ перьвыя? Рафаиловы, сказалЪ СенаторЪ; я купилЪ ихЪ за нѣсколько лѣтЪ изЪ тщеславїя очень дорого. ГоворятЪ, что лучше ихЪ вЪ Италїи ничего нѣтЪ, а мнѣ они ни мало не нравятся; краски на нихЪ очень темны, изображенїя не довольно ясны, и не довольно имѣютЪ наружности; одежда и прочее ни мало не походятЪ на матерїю. ОднимЪ словомЪ, что бы о нихЪ ни говорили, только я не нахожу вЪ нихЪ истиннаго подражанїя натурѣ. Мнѣ можетЪ понравиться только такая картина, гдѣ я самую натуру увижу: такихЪ нигдѣ нѣтЪ. У меня много картинЪ, но я ужѐ на нихЪ и не гляжу.

Пококуранте вЪ ожиданїи обѣда велѣлЪ играть концертЪ. КандидЪ слушая музыку восхищался. ШумЪ этотЪ, сказалЪ Пококуранте, можно

слушать полчаса: а естьли продолжится долѣе, то онъ всѣмъ наскучитъ, хотя и никто не смѣетъ въ томъ признаться. Въ нынѣшнія времена музыка есть ничто иное, какъ искусство производить въ дѣйство трудныя дѣла; а что трудно, то не можетъ долго нравиться.

Я бы кажется любилъ лучше оперу, естьлибъ не нашли таинства такъ гнусно ее преображать, что я отъ нея бѣгаю. Пусть смотритъ, кто хочетъ, безпутныя музыкальныя трагедіи, въ которыхъ явленія не для инаго чего здѣланы, какъ чтобъ только ввести въ нихъ со всѣмъ не къ стати двѣ или три глупыя пѣсни, и актрисѣ дать похвастать горломъ. Пусть обмираетъ, кто хочетъ, съ радости, видя кастрата разпѣвающаго Кесареву или Катонову ролю, и похаживающаго развратнымъ видомъ по театру. Что до меня касается, то я отъ такихъ шалостей давно ужѐ отказался, которыя составляютъ нынѣ славу Италіи, и за которыя государи такъ дорого платятъ. Кандидъ нѣсколько поспорилъ, однако скромнымъ образомъ; а Мартынъ былъ съ сенаторомъ во всемъ согласенъ.

Сѣли за столъ, а послѣ превкуснаго обѣда вошли въ вивліотеку. Кандидъ увидя въ великолѣпномъ переплетѣ Омира, хвалилъ Сенаторовъ хорошій вкусъ. Вотъ, говорилъ онъ, книга, которая составляла увеселеніе великаго Панглоса, наилучшаго Философа во всей Нѣмецкой землѣ. Но она не составляетъ моего, сказалъ холоднымъ видомъ Пококуранте: казалось мнѣ прежде сего, что я читая ее находилъ удовольствіе. Но сіе безпрерывное повтореніе побоищъ похожихъ во всемъ одно на другое: сіи Боги, дѣйствующіе всегда только за тѣмъ, чтобъ ничего не здѣлать

рѣшительнаго: сїя Елена, бывшая причиною войны, о которой въ сочиненїи едва и упоминается: сїя Троя, которую осаждаютъ, и не могутъ взять: все сїе причиняло мнѣ смертельную скуку. Я спрашивалъ иногда у ученыхъ, такъ ли и имъ скучно читать ее, какъ и мнѣ? Всѣ безпристрастные люди признавались, что книга сїя валится у нихъ изъ рукъ; но что неотмѣнно надобно имѣть ее въ своей вивлїотикѣ какъ остатокъ древности, подобно симъ заржавѣвшимъ медалямъ, которые ни на что употреблять не можно.

Я думаю, что ваше превосходительство со всѣмъ инаго мнѣнїя о Виргилїи, сказалъ Кандидъ. Я признаюсь, сказалъ Пококуранте, что вторая, четвертая и шестая книги его Энеиды очень хороши; а что принадлежитъ до набожнаго его Енея, сильнаго Клоанта, друга Ахата, маленькаго Асканїя, безумнаго Короля Латина, мѣщанки Аматы и до глупой Лавинїи, то я не думаю чтобъ было что нибудь скучнѣе и непрїятнѣе сего. Я лучше люблю Тасса и скаски Арїостовы, отъ которыхъ и стоя можно заснуть.

Смѣю ли я спросить у вашего превосходительства, сказалъ Кандидъ, не находите ли вы великаго удовольствїя въ чтенїи Горацїя? Въ немъ есть, правда, нѣкоторыя правила, сказалъ Пококуранте, которыя въ свѣтѣ живущей человѣкъ можетъ употребить въ свою пользу, тѣмъ болѣе, что они будучи сжаты въ пышныхъ стихахъ, легче впечатлѣваются въ память. Но я очень мало думаю о путешествїи его въ Бриндесъ, о описанїи дурнаго обѣда, о ссорѣ разнощиковъ, не знаю съ какимъ то Пупилломъ, котораго слова, какъ онъ говоритъ, наполнены были гноемъ, и

съ другимъ, коего рѣчи отзывались уксусомъ. Я не могъ инако читать, какъ съ крайнимъ отвращенiемъ, грубые его стихи на старыхъ бабъ и на колдовокъ; и со всемъ не вижу, что бы въ томъ было похвальнаго, когда онъ говоритъ другу своему Меценату, что естьли онъ здѣлалъ его Лирическимъ стихотворцемъ, то будетъ онъ ударять гордымъ своимъ челомъ въ звѣзды. Глупые люди въ почитаемомъ писателѣ удивляются всему; а я читаю только для себя, и люблю одно то, чѣмъ могу пользоваться. Кандидъ, имѣвшiй такое воспитанiе, которое не дозволяло ему разсуждать ни о чемъ, собственнымъ своимъ разумомъ, слыша такiя слова въ великомъ былъ удивленiи; а Мартыну казалось, что Пококуранте разсуждаетъ нарочито разумно.

О! вотъ Цицеронъ, сказалъ Кандидъ: что до сего великаго мужа касается, то думаю, что вы не можете его начитаться? Я не читаю его никогда, отвѣчалъ Венецiянецъ. Какая мнѣ въ томъ нужда, что онъ говорилъ на судѣ за Рабирiя, или за Клуенцiя; у меня и своихъ дѣлъ много, которыя я сужу. Мнѣ бы лучше нравились философическiя его сочиненiя; но какъ я увидѣлъ, что онъ о всемъ сумнѣвается, то заключилъ, что я и самъ въ етомъ столько же ученъ, какъ и онъ, и что мнѣ не надобно на то учителя, чтобъ не знать ничего.

А! вотъ восемдесять книгъ трудовъ нѣкоторой Академiи Наукъ, вскричалъ Мартынъ; тутъ можетъ быть есть чтонибудь хорошее. Было бы, сказалъ Пококуранте, естьли бы который нибудь изъ сочинителей сего вздора выдумалъ хотя только то одно искусство, какъ дѣлать булавки. Но вмѣсто того во всѣхъ сихъ

книгахъ ничего нѣтъ, кромѣ пустыхъ системъ, а полезнаго ни одной строчки не находится.

Какое множество вижу я театральныхъ сочиненій, сказалъ Кандидъ, на Италїянскомъ, на Гишпанскомъ и на Французскомъ языкахъ! Да, сказалъ Сенаторъ, ихъ три тысячи, а хорошихъ изъ нихъ и трехъ дюжинъ нѣтъ. Чтожъ до сихъ собраній проповѣдей касается, которыя всѣ вообще не стоятъ одной страницы изъ Сенеки, и до всѣхъ сихъ толстыхъ Богословскихъ книгъ, то я думаю можете вы заключить, что никогда ихъ и не раскрывалъ, ни я, ниже другой кто.

Мартынъ усмотрѣвъ нѣсколько шкафовъ наполненныхъ Англинскими книгами: я думаю, сказалъ онъ, что республиканцу должна нравиться большая часть сихъ книгъ, писанныхъ съ толикою вольностїю. Это правда, отвѣчалъ Пококуранте; я признаюсь, что всякому прїятно писать то, что кто думаетъ; человѣку вольность сїя есть природна. А у насъ во всей Италїи пишутъ только то, чего не думаютъ. Люди, обитающїе въ отечествѣ Кесарей и Антониновъ, не смѣютъ ни о чемъ и подумать, не испросивши на то позволенїя у Якобинскаго монаха. Я бы очень былъ доволенъ сею вольностїю свойственною Англинскимъ писателямъ, естьли бы страсти и связанный пристрастїями духъ не вливали яда во все то, что драгоцѣнная сїя вольность ни имѣетъ въ себѣ похвальнаго.

Кандидъ увидѣвши Мильтона, спросилъ у него, не за великаго ли мужа почитаетъ онъ сего сочинителя? Кого, сказалъ Пококуранте, сего враля, который сочинилъ предлинное истолкованїе въ десяти книгахъ грубыми стихами первой главы бытїя; сего грубаго подражателя Грековъ, ко-

торый обезображаетъ творенiе, и который вмѣсто того, что Моисей представляетъ Бога производящаго мiръ однимъ словомъ, разсказываетъ намъ, будто Мессiя беретъ великой циркуль изъ одного небеснаго ящика для начертанiя его творенiя? Какъ я буду почитать того человѣка, которой испортилъ Тассовъ адъ и дiавола, который преображаетъ Луцифера то въ жабу, то въ Пигмея, заставляетъ его переговаривать сто разъ тѣже самыя рѣчи, и спороваться о богословiи; который подражая важнымъ образомъ смѣшному Арiостову изобрѣтенiю огнестрѣльнаго оружiя, заводитъ пушечную пальбу на небѣ посредствомъ дiаволовъ? Ни я, ниже кто другой во всей Италiи не могъ найти во всемъ семъ скучномъ вздорѣ никакого удовольствiя: такъ какъ бракъ грѣха со смертiю, и змѣи рожденныя грѣхомъ, возмутятъ на душѣ у всякаго человѣка, кто хотя нѣсколько нѣжный вкусъ имѣетъ. Сiе темное, странное и отвратительное стихотворенiе презираемо было съ самаго начала: я поступаю съ сочинителемъ онаго нынѣ такъ, какъ поступали съ нимъ въ его отечествѣ жившiе съ нимъ въ одно время люди. Впрочемъ я говорю то, что я думаю, и очень мало забочусь, такъ же ли думаютъ и другiе, какъ я.,

Просмотрѣвши такимъ образомъ всѣ книги пошли въ садъ. Кандидъ хвалилъ всѣ находящiяся въ ономъ красоты. Не знаю, что бы могло быть расположено хуже етого, сказалъ хозяинъ; мы здѣсь ничего кромѣ самой дряни не имѣемъ: но я завтра же велю разсаживать другой по лучшему рисунку.

Послѣ сего любопытники наши простились съ его Превосходительствомъ. Ну, сказалъ Кан-

дидЪ Мартыну, теперь признаешься ты, что нашли мы наищастливѣйшаго человѣка изо всѣхЪ смертныхЪ, потому что онЪ все то, что ни имѣетЪ, почитаетЪ за ничто. Не видите ли вы, сказалЪ МартынЪ, что ему ужѐ все то имѣніе наскучило? ПлатонЪ давно сказалЪ, что не тѣ желудки должны почитаться наилучшими, которые ото всѣхЪ ѣствЪ отвращеніе имѣютЪ. Однако, сказалЪ КандидЪ, развѣ это не весело все критиковать, и видѣть недостатки тамЪ, гдѣ другіе люди находятЪ красоты? То есть, сказалЪ МартынЪ, что весело, не имѣть никакого веселья. Когда такЪ, сказалЪ КандидЪ, то нѣтЪ видно никого щастливѣе меня, естьли найду я дѣвицу Кунигунду. Надежда всегда полезна, сказалЪ МартынЪ.

Между тѣмЪ проходили дни и недѣли, Какамбо еще не бывалЪ, а КандидЪ такЪ погруженЪ былЪ вЪ своей печали, что не примѣтилЪ и того, что Пакетта и отецЪ Жирофле, не пришли его и поблагодарить.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬШЕСТАЯ.

КакимЪ образомЪ ужинали КандидЪ и МартынЪ вЪ трактирѣ сЪ пятью иностранными, и кто они таковы были.

ОднимЪ вечеромЪ, какЪ КандидЪ сЪ МартыномЪ хотѣлЪ садиться за столЪ сЪ находившимися вЪ томЪ же трактирѣ заѣзжими, человѣкЪ черный какЪ уголь подошелЪ кЪ нему сзади, и взявши его за руку сказалЪ: будьте готовы сЪ нами

ѣхать, не забудьтежъ. Кандидъ оглянулся, и видитъ Какамба. Развѣ бы одна Кунигунда могла его больше удивить и обрадовать! Онъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, обнималъ любезнаго своего друга. Конечно здѣсь и Кунигунда; гдѣжъ она? Поведи меня къ ней, я умру съ радости увидя ее. Кунигунды здѣсь нѣтъ, говоритъ Какамбо, она въ Константинополѣ. О небо! въ Константинополѣ: но хотя бы она и въ Китаѣ была, я туда полечу; поѣдемъ! Мы поѣдемъ послѣ ужина, сказалъ Какамбо, я болѣе съ вами говорить не могу. Я нынѣ невольникомъ, господинъ мой меня ждетъ; мнѣ надобно служить ему за столомъ. Не сказывайте объ етомъ никому, подите ужинайте, и будьте готовы.

Кандидъ между радостью и печалью, восхищаясь, что увидѣлъ ревностнаго своего повѣреннаго, удивляясь нашедши его невольникомъ, услаждаясь надеждою, что найдетъ свою и любовницу, съ трепещущимъ сердцемъ и съ заблужденнымъ разумомъ садится за столъ съ Мартыномъ на все сіи приключенія равнодушно взирающимъ, и съ шестью чужестранцами, пріѣхавшими въ Венецію для карнавала.

Какамбо, который наливалъ пить одному изъ сихъ чужестранцовъ, наклонился при концѣ ужина господину своему къ уху, и говоритъ: Всемилостивѣйшій Государь! Ваше Величество можете ѣхать когда изволите; корабль готовъ. Сказавши сіе вышелъ вонъ. Гости въ удивленіи посматривали одинъ на другаго не говоря ни слова, какъ вошелъ другой слуга и подошедши къ своему господину сказалъ: Всемилостивѣйшій Государь, коляска Вашего Величества въ Падуѣ, и судно готово. Господинъ далъ знакъ, и слуга вышелъ.

ВсѢ гости озирались еще, и общее ихъ удивленіе удвоилось. Подошелъ третій слуга ко третьему господину, и говоритъ: Всемилостивѣйшій Государь, извольте мнѣ повѣрить, что Вашему Величеству не надобно здѣсь мѣшкать; я пойду и все приготовлю. Сказавши сіе вышелъ.

Кандидъ и Мартынъ думали, что сіе дѣлается для обыкновеннаго маскераднаго увеселенія въ Карнавалѣ. Подошелъ четвертый слуга къ четвертому господину, и сказалъ: Ваше величество можете ѣхать, когда изволите; и вышелъ вонъ также, какъ и прочіе. А пятый слуга говорилъ пятому господину, который сидѣлъ подлѣ Кандида, со всѣмъ отмѣннымъ образомъ. Онъ ему сказалъ: теперь ужѐ, Всемилостивѣйшій Государь, не хотятъ Вашему Величеству дѣлать больше никакого кредита, нижѐ мнѣ, и легко статься можетъ, что въ ету ночь и васъ и меня посадятъ въ тюрму; я пойду промышлять о себѣ: желаю щастливо оставаться.

По выходѣ всѣхъ слугъ, пятеро чужестранцовъ и Кандидъ съ Мартыномъ сидѣли въ глубокомъ молчаніи. На послѣдокъ Кандидъ его пресѣкъ; что ето за странная шутка, государи мои, сказалъ онъ? для чего вы всѣ Короли? Что до меня касается, то я признаюсь вамъ, что ни я ни Мартынъ не Король.

Господинъ, которому принадлежитъ Какамбо, принявъ на себя важный видъ, сказалъ по Италіянски: я ничего смѣшнаго въ себѣ не имѣю, я называюсь Ахметъ III. Я былъ долгое время Великимъ Султаномъ, низвергъ съ престола моего брата, а меня онаго лишилъ племянникъ мой; Визирямъ моимъ отсѣкли головы. Теперь препровождаю я остатокъ жизни моей въ ста-

ромЪ сералЪ. ПлемянникЪ мой, великій СултанЪ МагмунЪ, дозволяетЪ мнѢ проѢзживаться иногда вЪ другія земли для моего здоровья; теперь пріѢхалЪ я вЪ Венецію препроводить карнавалЪ.

Вторый сказалЪ: я ЕдуардЪ, Король Англинскій; отецЪ мой уступилЪ мнѢ права свои на королевство. Я старался удержать ихЪ за собою посредствомЪ оружія; восемь сотЪ человѢкЪ моихЪ сообщниковЪ погибли жестокою смертію, и извлеченными изЪ нихЪ сердцами били ихЪ по щекамЪ, а меня посадили вЪ тюрьму. Я Ѣду теперь вЪ РимЪ посѢтить моего отца, который лишенЪ королевскаго престола также какЪ и я и мой дѢдЪ, и заѢхалЪ вЪ Венецію на карнавалЪ.

Третій началЪ потомЪ говорить: Я Польскій Король, нещастіе вЪ войнѢ лишило меня наслѢдственныхЪ моихЪ земель; равномѢрныя бѢдствія претерпѢлЪ и отецЪ мой. Я предаю себя вЪ волю божескую, такЪ какЪ СултанЪ АхметЪ, и Король КарлЪ ЕдуардЪ, которымЪ желаю долговременной жизни, и пріѢхалЪ вЪ Венецію препроводить карнавалЪ.

Четвертый сказалЪ: я также Польской Король. Я лишенЪ былЪ моего престола два раза; но провидѢніе даровало мнѢ другую землю, вЪ которой я больше здѢлалЪ добра, нежели сколько всѢ Сарматскіе Короли вообще на берегахЪ Вислы здѢлать могли. Я покоряюсь волѢ божеской, и пріѢхалЪ вЪ Венецію для карнавала.

Осталось говорить пятому Монарху. Государи мои, сказалЪ онЪ, я не столь великій государь, какЪ вы; однакожЪ и я былЪ такой же Король, какЪ и другіе. Я ѲеодорЪ, избранЪ былЪ КоролемЪ вЪ КорсикѢ; меня называли Ваше Ве-

личество, а теперь едва называютъ и господиномъ. На имя мое дѣлана была монета, а теперь нѣтъ у меня ни полушки. Я имѣлъ двухъ статскихъ Секретарей, а нынѣ съ нуждою имѣю одного слугу. Видѣлъ себя на престолѣ, а послѣ долгое время въ Лондонѣ содержанъ былъ въ тюрьмѣ на соломѣ. Я очень опасаюсь, чтобъ не поступили со мною и здѣсь такъ же, хотя я равномѣрно, какъ и Ваши Величества, прїѣхалъ въ Венецїю для препровожденїя карнавала.

Прочїе четверо Государей слушали рѣчь его съ великодушнымъ сожалѣнїемъ. Каждый далъ Королю Ѳеодору по двацати цекиновъ на платье и на рубашки; а Кандидъ подарилъ ему алмазъ въ 2000 цекиновъ. Кто же такой, говорили пять Королей, сей простый человѣкъ, который можетъ дать во сто разъ больше, нежели каждый изъ насъ, и который дѣйствительно столько даетъ?

Въ самое то время, какъ стали выходить изъ за стола, прибыли въ тотъ же самый трактиръ четыре свѣтлѣйшїя Высочества, которыя равномѣрно лишились своихъ земель отъ жребїя войны, и прїѣхали препроводить остатокъ карнавала въ Венецїи. Но Кандидъ на сихъ новопрїѣзжихъ и не смотрѣлъ. Онъ ни о чемъ больше не думалъ, какъ ѣхать въ Константинополь по любезную свою Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬСЕДЬМАЯ.

Путешествіе Кандида въ Константинополь.

Вѣрный Какамбо упросилъ ужѐ Турецкаго корабельщика, который везъ Султана Ахмета въ Константинополь, чтобъ взялъ онъ съ собою и Кандида и Мартына. И тотъ и другой вошли въ корабль простершись напередъ предъ ногами Его бѣднаго Величества. Кандидъ идучи говорилъ Мартыну: вотъ видѣли мы теперь пятерыхъ Королей лишенныхъ престоловъ, и съ ними ужинали; а изъ сихъ пяти Королей былъ одинъ еще и такой, которому далъ я милостыню. Можетъ быть есть много Государей и еще безчастнѣйшихъ. Что до меня касается, я лишился ста барановъ, а теперь лечу въ обьятія Кунигунды. Какъ бы кто ни разсуждалъ, любезный мой Мартынъ, однако Панглосъ говорилъ правду, все на свѣтѣ хорошо. Дай Богъ, сказалъ Мартынъ. Но вѣроятно ли покажется случившееся съ нами въ Венеціи приключеніе, сказалъ Кандидъ? Никто не видывалъ, нижѐ слыхивалъ, чтобъ пять коронованныхъ главъ, лишенныхъ престола, ужинали вмѣстѣ въ трактирѣ. Ето ни мало не удивительнѣе того, сказалъ Мартынъ, что приключилось и намъ. Королей лишаютъ престола очень часто. Что же принадлежитъ до той чести, что мы съ ними ужинали, то ето такая бездѣлица, которая не стоитъ того, чтобъ о томъ и думать.

Кандидъ лишь только вступилъ въ корабль, то бросился тотчасъ на шею старому своему слугѣ, и искреннему другу Какамбѣ. Скажи же

мнѣ теперь, говоритъ ему, что дѣлаетъ Кунигунда? Такъ же ли она прекрасна? Любитъ ли она еще меня? Можетъ ли она? Ты, я думаю, купилъ для нея въ Константинополѣ палаты.

Любезный мой господинъ, отвѣчалъ Какамбо, Кунигунда моетъ посуду на Пропонтидскомъ берегу у одного Князя, у котораго очень мало посуды. Она невольница въ домѣ нѣкотораго бывшаго Самодержавца, называемаго Рагоцкимъ, которому Великїй Султанъ даетъ по три талера на день въ его убѣжищѣ; но что всего досаднѣе, она лишилась своей красоты, и здѣлалась ужасно безобразною. О! прекрасна она или дурна, сказалъ Кандидъ, я честный человѣкъ, и почитаю за должность любить ее всегда. Но какимъ образомъ дошла она до такого презрительнаго состоянїя съ пятью или шестью милїонами, которые были съ тобою? Пятью или шестью милїонами, сказалъ Какамбо? Не долженъ ли я былъ дать двухъ милїоновъ господину Дону Фернанду д' Ибараа, Фигероа, Маскаренесъ, Лампурдосъ и Сузъ, Губернатору Буеносъ-Аирскому, чтобъ позволилъ онъ мнѣ взять съ собою дѣвицу Кунигунду? И не отнялъ ли у насъ морской разбойникъ всего того, что у насъ осталось? Сей головорѣзъ не возилъ ли насъ съ собою въ Капо де Матапанъ, въ Мило, въ Никарїю, въ Самосъ, въ Педру, въ Дарданеллы, въ Мармору, въ Скутари? Кунигунда и старуха служатъ у того Князя, о которомъ я вамъ сказывалъ; а я теперь невольникъ низверженнаго Султана. Какїя ужасныя бѣдствїя, сплетенныя одни съ другими! сказалъ Кандидъ. Но со всѣмъ тѣмъ у меня осталось еще нѣсколько алмазовъ; я Кунигунду легко освобожу, только очень жаль, что она здѣлалась такъ дурна.

Потомъ оборотясь къ Мартыну: какъ ты думаешь, сказалъ онъ ему, кто всѣхъ нещастнѣе, Султанъ ли Ахметъ, Король ли Карлъ Едуардъ, или я? Етого я знать не могу, сказалъ Мартынъ, за тѣмъ, что сердецъ вашихъ видѣть мнѣ не можно. Ахъ! сказалъ Кандидъ, естьлибъ былъ здѣсь Панглосъ, то бы онъ сїе зналъ, и объявилъ бы и намъ. Не знаю, сказалъ Мартынъ, на какихъ вѣсахъ могъ бы вашъ Панглосъ вѣсить нещастїя человѣческїя, и цѣнить ихъ печали. Я знаю только то, что на свѣтѣ есть милїоны людей нещастнѣе Короля Карла Едуарда, и Султана Ахмета. И то можетъ статься, сказалъ Кандидъ.

Вошли они въ короткое время потомъ въ каналъ Чернаго моря. Кандидъ началъ дѣло тѣмъ, что выкупилъ напередъ Какамба весьма дорогою цѣною, потомъ не теряя времени бросился въ одну галеру съ товарищами своими, и поѣхалъ по Пропонтидскому берегу искать Кунигунды, какъ бы она дурна ни была.

Въ галерѣ сей были два невольника, которые гребли очень худо, и которымъ восточный корабельщикъ удѣлялъ отъ времени до времени по нѣскольку ударовъ бычачьими жилами по голымъ плечамъ. Кандидъ, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, глядѣлъ на нихъ съ большимъ вниманїемъ, нежели на другихъ ссыльныхъ гребцовъ, и подошелъ къ нимъ изъ сожалѣнїя поближе. Нѣкоторыя черты на обезображенныхъ ихъ лицахъ показались ему нѣсколько похожїя на Панглоса, и на безщастнаго Езуита, Барона, брата дѣвицы Кунигунды. Мысль сїя его тронула и привела въ жалость. Онъ разсматривалъ ихъ еще пристальнѣе. Клянусь тебѣ, сказалъ

онъ Какамбу, что естьлибъ не видѣлъ з своими глазами, что учителя Панглоса повѣсили, и естьлибъ не имѣлъ нещастія убить Барона, то бы подумалъ, что это они гребутъ въ нашей галерѣ.

Услышавъ имя Барона и Панглоса, сіи невольники вскрикнули изо всей силы, остановились, и весла упали у нихъ изъ рукъ. Восточный корабельщикъ прибѣжавши къ нимъ началъ ихъ бить сильняе прежняго. Постойте, постойте, государь мой, вскричалъ Кандидъ, я заплачу вамъ за нихъ столько денегъ, сколько вамъ угодно. Какъ! ето Кандидъ! говорилъ одинъ изъ невольниковъ. Какъ! ето Кандидъ, говорилъ другой. Не сонъ ли ето, сказалъ Кандидъ? не сплю ли я? на галерѣ ли я? не господина ли Барона вижу, котораго я убилъ? не Докторъ ли ето Панглосъ, котораго повѣсили?

Мы, мы, дѣйствительно мы, отвѣчали они. Какъ! я вижу здѣсь сего великаго Философа! сказалъ Мартынъ. Господинъ корабельщикъ, сказалъ Кандидъ, сколько выкупа требуете вы за господина фонъ Тгун дер-тен-трункга, одного изъ первѣйшихъ Бароновъ Имперіи, и за господина Панглоса, наиглубокомыслениѣйшаго Метафизика во всей Нѣмецкой землѣ? Молчи, христіанская собака, отвѣчалъ восточный корабельщикъ, когда сіи христіанскіе псы суть Бароны и Метафизики, что конечно въ землѣ ихъ какоенибудь знатное достоинство; то долженъ ты заплатить мнѣ за нихъ пятьдесятъ тысячь цекиновъ. Я вамъ ихъ дамъ, государь мой: отвезите меня, какъ скоро можно, въ Константинополь; я заплачу вамъ деньги тогожъ часа. Однако нѣтъ, повезите меня къ дѣвицѣ Кунигундѣ. Восточный корабельщикъ поворотилъ галеру еще

при перьвомъ словѣ къ городу, и велѣлъ грести такъ сильно, что судно летѣло, какъ птица.

Кандидъ обнималъ стократно Барона и Панглоса. Да какимъ же образомъ я васъ не убилъ, любезный мой Баронъ? А ты, любезный Панглосъ, будучи повѣшенъ, какъ ты еще живъ? Какъ попали вы оба на Турецкія галеры? Правда ли, что сестра моя въ здѣшней землѣ, говорилъ Баронъ? Правда, отвѣчалъ Какамбо. И такъ вижу я опять любезнаго моего Кандида, вскричалъ Панглосъ. Кандидъ представилъ имъ Мартына и Какамба. Всѣ взаимно обнимались; всѣ говорили въ одно время. Галера летѣла, и прибыла ужѐ въ гавань. Призвали Жида, Кандидъ продалъ ему за пятдесятъ тысячь цекиновъ одинъ изъ алмазовъ, который стоилъ сто тысячь; а Жидъ клялся Авраамомъ, что болѣе дать за него не можно. Онъ выкупилъ тотчасъ Барона и Панглоса. Послѣдній упалъ къ ногамъ своего избавителя и орошалъ ихъ слезами; а первый засвидѣтельствовалъ благодарность свою кивнувши только головою, и обѣщалъ заплатить ему деньги при перьвомъ случаѣ. Но возможно ли, чтобъ сестра моя была въ Турецін, говорилъ онъ. Какъ же не возможно, отвѣчалъ Какамбо, когда она чиститъ посуду у Трансильванскаго владѣльца. Тотчасъ позвали двухъ Жидовъ, Кандидъ продалъ еще нѣсколько алмазовъ, и поѣхали опять всѣ въ другой галерѣ доставать Кунигунду.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬОСЬМАЯ.

Что приключилось Кандиду, Кунигунде, Панглосу, Мартыну и прочим.

Простите мнѣ, я еще васъ прошу, говорилъ Кандидъ Барону, простите честнѣйшій отче, что прокололъ я васъ шпагою насквозь. Не упоминайте больше о томъ, сказалъ Баронъ, признаюсь, что я немного тогда поразгорячился; а какимъ случаемъ попался я на галеры, то надобно знать, что по заживленіи моей раны искуствомъ брата, соборнаго Аптекаря, напала на меня партія Гишпанцовъ, и взяла меня въ полонъ. Меня посадили въ Буеносъ-Аирскую тюрьму въ то самое время, какъ выѣхала оттуда сестра моя. Я просилъ, чтобъ отослали меня въ Римъ къ отцу Генералу. Онъ отправилъ меня въ Константинополь въ достоинствѣ казначея къ господину Французскому Посланнику. Не былъ я еще и недѣли въ моей должности, какъ увидѣлъ однажды подъ вечеръ одного молоденькаго Икоглана, который очень былъ пригожъ. День тогда былъ весьма жаркій: молодый человѣкъ вздумалъ купаться, а и мнѣ захотѣлось также купаться. Я не зналъ, что для Христіанина почитается за уголовное преступленіе, когда найдутъ его нагаго съ молодымъ Мусульманомъ. Судья велѣлъ дать мнѣ за то сто ударовъ палкою по пятамъ, и осудилъ меня на галеры. Я не думаю, чтобъ поступлено было когда съ человѣкомъ съ большею несправедливостію. Но мнѣ очень хочется знать, для чего живетъ сестра моя на поварнѣ у Трансильванскаго владѣльца убѣжавшаго къ Туркамъ.

А ты, любезный мой Панглосъ, сказалъ Кандидъ, какимъ образомъ вижу я тебя въ живыхъ? Правда, сказалъ Панглосъ, что вы видѣли меня повѣшеннаго; надлежало бы меня по обыкновенію сжечь, но помните ли, что въ то время, какъ вели меня жарить, шолъ заливной дождь: вихорь такой былъ жестокой, что ни коимъ образомъ не льзя было развести огня, и такъ меня за неимѣніемъ лучшаго средства повѣсили. Тѣло мое купилъ одинъ лѣкарь, велѣлъ отнести его домой, и началъ меня разнимать. Сперьва разчеркнулъ онъ мнѣ брюхо и вдоль и поперегъ отъ самаго пупа до груди. Не можно хуже быть повѣшену, какъ былъ повѣшенъ я. Палачъ, или совершитель великихъ дѣлъ святой Инквизиціи, который былъ Поддіаконъ, жегъ правда людей съ удивительнымъ искусствомъ; но вѣшать онъ не привыкъ. Веревка была мокрая, и худо затянулась за тѣмъ, что худо была свита; однимъ словомъ, во мнѣ остался еще духъ. Почувствовавъ боль при вскрытіи мнѣ брюха, вскричалъ я такъ громко, что лѣкарь мой упалъ навзничь, и подумавши, что анатомируетъ діавола, ударился бѣжать отъ меня прочь умирая отъ страха. На крикъ прибѣжала изъ побочной горницы жена его; но увидѣвши меня лежащаго на столѣ съ разпоротымъ брюхомъ испужалась еще больше, нежели мужъ, бросилась назадъ, и упала на него. Какъ пришли оба нѣсколько въ чувства, услышалъ я что лѣкарша говорила лѣкарю: батюшка мой, за чѣмъ ты принимаешься разнимать еретика? Развѣ ты не вѣдаешь, что діаволъ въ тѣлахъ людей сихъ всегда обитаетъ? Я побѣгу поскорѣе за Патеромъ, чтобъ онъ его заклялъ. Какъ я

сїе услышалъ, то волосы у меня стали дыбомъ, такъ что собравши всѣ достальныя мои силы закричалъ: помилуйте меня! Напослѣдокъ Португальскїй лѣкарь ободрился; онъ зашилъ мнѣ кожу, да и сама жена его имѣла за мною присмотръ, такъ что чрезъ двѣ недѣли сталъ я со всѣмъ на ноги. Лѣкарь сыскалъ мнѣ мѣсто, и пристроилъ меня лакѣемъ къ одному Малтїйскому кавалеру, который отправлялся въ Венецїю. Но какъ у господина моего не было, чѣмъ мнѣ заплатить, то пошелъ я въ службу къ Венецїянскому купцу, и поѣхалъ съ нимъ въ Константинополь. Однимъ днемъ вздумалось мнѣ зайти въ мечеть: въ ней никого не было кромѣ одного стараго Имана, и молоденькой весьма пригожей богомольщицы, которая читала свои молитвы: шея у ней была вся открыта, а на грудяхъ приколотъ былъ прекрасный пукетъ изъ тюлпановъ, розъ, анемоновъ, ренонкуловъ, гїацинтовъ и медвѣжьихъ ушковъ: пукетъ у ней упалъ; я подхватилъ его тотчасъ, и прикололъ ей опять съ великимъ почтенїемъ. Но прикалывалъ его такъ долго, что Иманъ разсердился, и увидѣвши что я Христїанинъ, закричалъ караулъ. Отвели меня къ судьѣ, который велѣлъ дать мнѣ сто ударовъ палкою по пятамъ, и сослалъ меня на галеры. Меня приковали къ самой тойже галерѣ, и къ самой тойже лавкѣ, гдѣ былъ и господинъ Баронъ. На галерѣ сей находились четверо молодыхъ людей изъ Марселя, пятеро Неаполитанскихъ поповъ, двое Корфускихъ монаховъ, которые сказывали намъ, что подобныя приключенїя ежедневно случаются. Господинъ Баронъ утверждалъ, что ему здѣлано больше несправедливости, нежели мнѣ; а я

утверждалъ, что гораздо простительнѣе приколоть пукетъ къ груди женщинѣ, нежели найдену быть нагому съ молодымъ Икогланомъ. Мы спорились безпрестанно, и получали каждый день по дваццати ударовъ въ спину бычачьими жилами до тѣхъ поръ, какъ союзъ приключеній свѣта сего привелъ васъ на нашу галеру, и вы насъ выкупили.

Скажи же мнѣ теперь, любезный мой Панглосъ, говорилъ ему Кандидъ, когда тебя вѣшали, анатомировали, сѣкли по спинѣ, и когда долженъ ты былъ гресть на галерѣ, всегда ли ты думалъ, что все на свѣтѣ идетъ наилучшимъ образомъ? Я всегда держусь перваго моего мнѣнія, отвѣчалъ Панглосъ, потому что я однажды Философъ, и такъ мнѣ не прилично отпираться отъ своихъ словъ. Лейбницъ не могъ ни въ чемъ ошибиться; а сверьхъ того предопредѣленное согласіе есть наилучшая вещь на свѣтѣ, такъ какъ полность и тонкая матерія.

ГЛАВА ДВАДЕСЯТЬДЕВЯТАЯ.

Какимъ образомъ Кандидъ нашелъ Кунигунду и старуху.

Между тѣмъ, какъ Кандидъ, Баронъ, Панглосъ, Мартынъ и Какамбо разсказывали другъ другу свои приключенія, разсуждали о сослучайныхъ и несослучайныхъ произшествіяхъ въ семъ свѣтѣ, споровались о дѣйствіяхъ и причинахъ, о нравственномъ и естественномъ злѣ, о волѣ и необходимости, и о утѣшеніяхъ, которыя можно имѣть будучи на Турецкихъ галерахъ, пристали

они ко Пропонтидскому берегу у дома Трансильванскаго Князя. Первые предмѣты, представившіеся глазамъ ихъ, были Кунигунда и старуха, которыя развѣшивали и сушили на веревочкахъ салфетки.

Баронъ поблѣднѣлъ. Страстный любовникъ Кандидъ, увидѣвши прекрасную свою Кунигунду загорѣвшую отъ солнца, и у которой глаза загноились, груди изсохли, щеки обрюзгли, руки покраснѣли и покрылись мозолью, отскочилъ съ ужасти шага на три назадъ, а потомъ подступилъ къ ней съ благопристойностію. Она обнимала Кандида и брата своего; обнимали и старуху. Кандидъ обѣихъ ихъ выкупилъ.

Недалеко отъ туда былъ маленькій подмызокъ; старуха здѣлала Кандиду предложеніе, чтобъ въ ономъ поселиться, доколѣ общество ихъ будетъ имѣть лучшую судьбину. Кунигунда ни мало не знала, что она здѣлалась дурною: никто ее о томъ не увѣдомилъ. Она напомнила Кандиду о его обѣщаніяхъ такимъ повелительнымъ голосомъ, что простодушный Кандидъ не смѣлъ отъ того отказаться. И такъ объявилъ онъ Барону, что онъ на сестрицѣ его намѣренъ жениться. Я въ жизни моей не допущу, сказалъ Баронъ, чтобъ она такую здѣлала подлость, и чтобъ и ты былъ столько безстыденъ: такого безчестія я себѣ никогда не здѣлаю, чтобъ дѣти моей сестры не могли уже пользоваться правомъ дворянства Нѣмецкой земли. Нѣтъ, сестра моя ни за кого, какъ развѣ за Нѣмецкаго Барона, выдана не будетъ.

Кунигунда бросилась къ его ногамъ, и орошала ихъ слезами; но онъ былъ непреклоненъ. Дуралей, сказалъ ему Кандидъ, я освободилъ тебя

съ галеры; я выкупилъ тебя своими деньгами; я выкупилъ и сестру твою. Она мыла прежде посуду, она дурна; а я столько добродушенъ, что хочу на ней жениться, а ты еще вздумалъ тому противиться. Я опять тебя убью до смерти, естьли послѣдую моему гнѣву. Убей меня въ другой разъ, сказалъ Баронъ; а доколѣ я живъ, то сестрѣ моей за тобою не бывать.

ГЛАВА ТРИДЕСЯТАЯ.

Заключенiе.

Кандидъ въ самомъ дѣлѣ ни малѣйшей не имѣлъ охоты жениться на кунигундѣ. Но крайняя грубость Барона была причиною, что онъ на то согласился: а сверхъ того Кунигунда такъ къ нему приступала, что онъ не могъ отъ того отказаться. Онъ требовалъ совѣта у Панглоса, у Мартына, и у вѣрнаго Какамба. Панглосъ сочинилъ велерѣчивую меморiю, которою доказывалъ, что Баронъ на сестру свою ни малѣйшаго не имѣлъ права, и что она можетъ по всѣмъ законамъ Нѣмецкой Имперiи обвѣнчаться съ Кандидомъ. Мартынъ опредѣлилъ, что надобно Барона бросить въ море; а Какамбо рѣшилъ, что надлежитъ возвратить его восточному корабельщику, и отдать обратно на галеры, а потомъ отправить его въ Римъ къ отцу Генералу, на первомъ кораблѣ. Мнѣнiе сiе признано было за наилучшее, старуха съ онымъ была согласна, сестрѣ его не сказали о томъ ни слова, дѣло произведено было въ дѣйство посредствомъ нѣсколька денегъ; и такъ имѣли они удовольствiе по-

имать Езуита, и наказать гордость Нѣмецкаго Барона.

Надобно бы неотмѣнно думать, что по толикихъ бѣдствїяхъ Кандидъ женившись на своей обладательницѣ, и живучи съ Философомъ Панглосомъ, съ Философомъ Мартыномъ, съ благоразумнымъ Какамбою и старухою, а сверхъ того привезши съ собою изъ земли древнихъ Инкасовъ толь много алмазовъ, велъ наипрїятнѣйшую жизнь въ свѣтѣ; однако Жиды около него такъ щечились, что кромѣ маленькаго его жилища ничего у него не осталось. Жена его становясь день ото дня дурнѣе, здѣлалась своенравною и несносною: старуха безпрестанно хворала, и была еще брюзгливѣе Кунигунды. Какамбо, который работалъ въ саду, и ѣздилъ продавать овощи въ Константинополь, обремененъ былъ чрезмѣрною работою, и клялъ свою судьбину. Панглосъ былъ въ отчаянїи, что не могъ блистать въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ Университетѣ. Что до Мартына касается, то онъ будучи крѣпко увѣренъ, что повсюду на свѣтѣ худо, принималъ все съ терпѣнїемъ. Кандидъ, Мартынъ и Панглосъ споровались иногда о Метафизикѣ и Морали. Часто они видали, что проѣзжали на лодкахъ мимо ихъ окошекъ Ефендїи, Паши и Кадїи, которыхъ ссылали въ Лемносъ, въ Митиленъ и въ Ерцерумъ: на мѣсто ссылочныхъ прїѣзжали другїе Кадїи, другїе Паши и другїе Ефендїи, которые равномѣрно во свое время ссылаемы были въ заточенїе. Видны были опрятно воткнутые на колъ и головы, которыя отсылались ко блистательной портѣ. Позорища сїи усугубляли ихъ разсужденїя; а когда переставали спориться, то скука была столь

чрезмѣрна, что старуха осмѣлилась имъ нѣкогда сказать: я бы желала знать, что хуже? быть ли насилованною сто разъ Африканскими разбойниками, имѣть половину зада отрѣзанаго, быть прогнану сквозь строй у Булгаровъ, сѣчену прутьями и повѣшену въ Аутодафѣ, быть анатомировану, грести на галерахъ, и испытать всѣ тѣ бѣдствія, которыя мы претерпѣли; или жить здѣсь не имѣючи никакого дѣла? Ето трудный вопросъ, сказалъ Кандидъ.

Рѣчь сія произвела новыя разсужденія; а особливо Мартынъ заключалъ, что человѣкъ раждается только на то, чтобъ жить въ безпрестанномъ безпокойствіи, или въ несноснѣйшей скукѣ. Кандидъ на то не соглашался; однако ничего не утверждалъ. Панглосъ признавался, что онъ во всю свою жизнь ужасно страдалъ; но какъ ужѐ онъ однажды сказалъ, что все на свѣтѣ разполагается наилучшимъ образомъ, то и тогда утверждалъ тоже, и ничему не вѣрилъ.

Одно произшествіе утвердило совершенно Мартына въ безбожныхъ его мнѣніяхъ, Кандида привело больше прежняго въ сумнѣніе, а Панглоса въ замѣшательство: они увидѣли однажды, что пристали къ хижинѣ ихъ Пакетта и братъ Жирофле, которые были въ самой крайней бѣдности. Данные имъ три тысячи піастровъ проѣли они очень скоро: разстались, помирились опять, опять поссорились, сидѣли въ тюрмѣ, ушли изъ оной, а напослѣдокъ братъ Жирофле здѣлался Туркомъ. Пакетта продолжала свой промыселъ повсюду; однако уже недоставала ничего. Вить я вамъ сказывалъ, говорилъ Мартынъ Кандиду, что деньги ваши скоро будутъ промотаны, и здѣлаютъ ихъ еще несчастнѣйшими.

вы съ Какамбомъ извели нѣсколько миліоновъ піастровъ, а со всѣмъ тѣмъ не больше щастливы, какъ братъ Жирофле и Пакетта. А, а, сказалъ Панглосъ Пакеттѣ, и тебя принесло сюда къ намъ, голубушка! знаешь ли ты, что я потерялъ отъ тебя конецъ носа, одинъ глазъ и одно ухо? Какъ ты перемѣнилась! какой это свѣтъ! Новое сіе приключеніе подало имъ поводъ философствовать еще больше прежняго.

Недалеко отъ нихъ жилъ весьма славный Дервишъ, который почитался за наилучшаго Философа во всей Турціи: они пошли требовать у него совѣта. Панглосъ взялъ на себя съ нимъ говорить, и сказалъ ему: святый мужъ, мы пришли тебя просить, чтобъ ты намъ сказалъ, съ какимъ намѣреніемъ создано такое странное животное, каковъ есть человѣкъ?

Что тебѣ до того, сказалъ Дервишъ, твое ли это дѣло? Однако, честнѣйшій отче, сказалъ Кандидъ, на свѣтѣ ужасно много зла. Что нужды, сказалъ Дервишъ, худо ли въ ономъ или хорошо? Когда Его Султанское Величество отправляетъ корабль въ Египетъ, то думаетъ ли онъ о томъ, хорошо ли въ кораблѣ мышамъ, или нѣтъ? Такъ что же надобно дѣлать, сказалъ Панглосъ? Молчать, отвѣчалъ Дервишъ. Я ласкался надеждою, сказалъ Панглосъ, что поговорю съ вами нѣсколько о дѣйствіяхъ и причинахъ, о наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтѣ, о первоначальномъ произхожденіи зла, о свойствахъ души, и о предопредѣленномъ согласіи. Дервишъ услышавъ сіе хлопнулъ дверью.

Между тѣмъ пронесся слухъ, что въ Константинополѣ задавили двухъ главныхъ Визирей и Муфти, и что взоткнули на колъ нѣсколько

изъ ихъ прїятелей. Произшествїе сїе произвело на нѣсколько часовъ великїй шумъ. Панглосъ, Кандидъ и Мартынъ идучи домой увидѣли одного старика, который прохлаждался у воротъ своихъ въ померанцовой бесѣдкѣ. Панглосъ, который не меньше былъ любопытенъ, сколько и любилъ разсуждать, спросилъ у него, какъ звали того Муфти, котораго задавили. Я ничего не знаю, отвѣчалъ старикъ. Я въ жизни моей не знавалъ по имени ни одного Муфти, и ни одного Визиря. Произшествїе, о которомъ вы говорите, мнѣ со всѣмъ неизвѣстно. Я думаю, что вообще всѣ тѣ, которые мѣшаются въ публичныя дѣла, погибаютъ часто бѣдственнымъ образомъ, и что они того достойны; однако я не спрашиваю никогда, что дѣлается въ Константинополѣ? Я довольствуюсь только тѣмъ, что посылаю туда продавать плоды моего сада, въ которомъ я работаю самъ. Сказавши сїе ввелъ чужестранцовъ въ домъ: двѣ его дочери и два сына подали имъ разные сорбеты, которые они дѣлали сами, каймаку приправленнаго цедровою вареною въ сахарѣ коркою, померанцовъ, цитроновъ, лимоновъ, ананасовъ, писташей, мокаскаго кофе, въ которомъ худаго Батавскаго и растущаго на другихъ островахъ ни одного зерна не было. Послѣ чего дочери добродушнаго сего Мусульмана окурили благовонїями Кандиду, Панглосу и Мартыну бороды.

Надобно думать, сказалъ Кандидъ Турку, что земли у васъ весьма много, и что она очень плодородна. У меня только двацать четвертей, отвѣчалъ Турка, и я работаю съ моими дѣтьми самъ; труды удаляютъ отъ насъ три великїя зла, скуку, порокъ и нужду.

Кандидъ возвратившись домой дѣлалъ глубокія разсужденія о словахъ Турка. Онъ говорилъ Панглосу и Мартыну: мнѣ кажется, что сей добродѣтельный старикъ наслаждается лучшею судбиною, нежели всѣ пять Монарховъ, съ которыми мы имѣли честь ужинать. Величества, сказалъ Панглосъ, очень опасны, по объявленію всѣхъ Философовъ. Ибо Еглонъ, Король Моавитскій, умерщвленъ былъ Аодомъ, Авесаломъ повисъ на волосахъ, и пронзенъ былъ тремя стрѣлами, Король Надавъ, Іеровоамовъ сынъ, убитъ Васоюю; Король Ели Замвріемъ; Охосія умерщвленъ отъ Еху, Аѳалія отъ Іоада; Короли Іоахимъ, Іехонія и Седекія попалися во плѣнъ. Вы знаете какой конецъ имѣли Крезъ, Астіагъ, Дарій, Діонисій Сиракузскій, Пирръ, Персей, Аннибалъ, Югурта, Аріовистъ, Цесарь, Помпей, Неронъ, Оттонъ, Вителлій, Домитіанъ, Рихардъ второй Король Англискій, Едуардъ второй, Генрихъ шестый, Рихардъ третій, Марія Стуартъ, Карлъ первый, три Генриха Француские, Императоръ Генрихъ четвертый. Вы знаете..... Я знаю также и то, сказалъ Кандидъ, что надобно работать въ нашемъ саду. Вы справедливо говорите, сказалъ Панглосъ; ибо когда первый человѣкъ введенъ былъ въ садъ Едемской, то введенъ за тѣмъ, *Ut operaretur eum* (чтобъ его обработывать); а сіе доказываетъ, что человѣкъ родится не для покоя. Станемъ работать, оставя всѣ разсужденія, сказалъ Мартынъ, сіе есть единственное средство, чтобъ здѣлать жизнь сносною.

Все маленькое общество приступило къ сему похвальному намѣренію; каждый принялся за то, что умѣлъ. Землишка ихъ приносила изобильные

плоды. Кунигунда хотя, правда, и очень стала гадка, однако здѣлалась преизрядною пирожницею. Пакетта шила золотомъ; а старуха имѣла присмотръ за бѣльемъ; даже до того, что и братъ Жирофле приносилъ пользу: онъ былъ весьма хорошій столяръ, а притомъ здѣлался еще и честнымъ человѣкомъ. Панглосъ, говорилъ иногда Кандиду: всѣ произшествія въ наилучшемъ изъ всѣхъ возможныхъ свѣтовъ зависятъ одно отъ другаго; ибо естьли бы не выгнали васъ изъ прекраснаго зáмка сильными пинками въ задъ за любовь къ дѣвицѣ Кунигундѣ, естьли бы не содержалися вы въ Инквизиціи, естьли бы не обѣжали всю Америку пѣшкомъ, естьли бы не кольнули хорошенько шпагою Барона, естьли бы не потеряли всѣхъ вашихъ барановъ благословенной земли Эльдорадской, то и не ѣли бы вы здѣсь ни вареныхъ въ сахарѣ цедровъ ни фисташей. Ты говоришь справедливо, отвѣчалъ Кандидъ, однако надобно намъ работать въ нашемъ саду.

КОНЕЦЪ.

